UNIVERSITATEA DE STAT DIN MOLDOVA

MOLDOSCOPIE
(PROBLEME DE ANALIZĂ POLITICĂ)

Nr.3 (XLVI), 2009

REVISTĂ ŞTIINŢIFICĂ TRIMESTRIALĂ

CHIŞINĂU – 2009
CEP USM

MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică).* – *nr.3 (XLVI), 2009. - Chişinău: CEP USM, 2009. – 198 p.

Articolele apar în redacția autorilor, sunt recenzate

versiunea electronică:
http://www.usm.md/start.aspx?textC=16&textCom=204

ISSN 1812-2566

S U M A R

SUMMARY

COMPARTIMENTUL
GUVERNAREA POLITICĂ ŞI ADMINISTRAREA PUBLICĂ

INSTITUŢIONALIZAREA RELAŢIILOR POLITICE DINTRE PUTEREA CENTRALĂ A REPUBLICII MOLDOVA ŞI CEA REGIONALĂ A UNITĂŢII TERITORIALE AUTONOME GĂGĂUZIA: ASPECTE SOCIAL-POLITICE

Valeriu MOŞNEAGA
Republica Moldova, Chişinău, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Relaţii Internaţionale, Ştiinţe Politice şi Administrative, Catedra Ştiinţe Politice
Doctor habilitat în ştiinţe politice, profesor, şef catedră

Svetlana MIRONOVA
Republica Moldova, Comrat, Reprezentanţa Centrului Drepturilor Omului în Unităţii Teritoriale Autonome Găgăuzia
Director executiv, doctorand la Catedra Ştiinţe Politice a Universităţii de Stat din Moldova

This article provides an analysis of terms and reasons for the Gagauz autonomy agreement. Its main focus, however, is on explaining how the process of autonomy implementation led to the establishment of an autonomy regime whose functioning is far from the model autonomy arrangement envisioned in the founding documents of the Gagauz autonomy. It examines strategies employed by the central government and autonomy authorities in autonomy implementation struggles and discusses outcomes produced by the interaction of these strategies. The paper also shows how the analysis of autonomy implementation practices increases our leverage in explaining successes in securing stability and democracy without falling into the trap of attributing these outcomes of ultimate interest simply to the fact of the formal introduction of an autonomy arrangement.

This article concerns itself with examining the impact of one such scope condition - the weak institutionalization of the rule of law system - on the dynamics of autonomy settlement implementation. The article also deals with the sincerity of commitment on the part of central state actors to implement the autonomy agreement but their willingness to honor the terms of the deal is conceptualized to be partly endogenous to the quality of the institutional environment in which they operate.

Din momentul instituirii Unității teritoriale autonome Găgăuzia (UTAG) demarează o etapă calitativă nouă în relațiile dintre elitele politice ale autonomiei, în calitate de reprezentanți legali ai populației UTAG, şi conducerea Republicii Moldova, în calitate de reprezentanți ai poporului Republicii Moldova. Analizând relațiile stabilite între puterea centrală şi cea regională, trebuie să reieşim din caracteristicele specifice relațiilor politice. Ele sunt nişte relații mai complexe ce depăşesc limitele stricte ale relațiilor de natură administrativă, dar care se încadrează în limitele politicii interne a statului. Respectiv, este absolut insuficient de a analiza cadrul normativ-instituțional pentru a putea caracteriza şi distinge trăsăturile definitorii ale acestora. În articolul de față vom analiza aspectele comportamentale (behavioriste) ale relațiilor dintre puterea centrală şi cea regională. Vom pune accentul atât pe comportamentul elitelor, cât în special pe cel al electoratului.

O retrospectivă a calității şi tipului de relații politice ce s-au format şi dezvoltat începând cu anul 1995, permit autorilor de a face o clasificare de sinteză, ce va folosi drept instrument metodologic auxiliar în demersul analitic de mai departe. În aşa fel putem distinge patru etape în evoluția relațiilor între conducerea UTAG şi cea a Republicii Moldova:

- etapa de conştientizare, de testare a prevederilor legal instituționale ale statutului juridic special: 1995-1999. Are loc crearea şi definitivarea cadrului normativ al UTAG. Relațiile politice dintre centru şi regiune nu sunt foarte intensive, majoritatea eforturilor elitelor regionale fiind concentrate în interior, spre construcția politico-juridică a autonomiei. Iar elitele naționale, în majoritatea lor priveau distanțate procesul;

- etapa de tensionare a relațiilor, în rezultatul transpunerii în practice a prevederilor legale şi a conflictelor de competență între autoritățile centrale şi cele regionale: 1999-2002. Apariția anumitor disensiuni a fost un factor obiectiv, fiindcă Legea privind statutul special nu putea fi ideală, iar optimizarea conținutului acesteia urma să se realizeze pe parcurs. Altceva că pozițiile liderilor implicați în relații de repartizare şi realizare a puterii nu au fost întotdeauna adecvate procesului de valorificare a prevederilor legale în spiritul realismului şi constructivismului;

- etapa următoare se caracterizează prin relații politice de colaborare între puterea politică regională şi cea națională (centrală), mai mult chiar, putem vorbi despre o sincronizare a activităților acestora: 2003-2006. Este perioada unor mari posibilități în realizarea politicilor de integrare a populației Găgăuziei în sistemul social-politic al Republicii Moldova;

- etapa de moment, demarată în 2006, este caracterizată de către autori drept o perioadă dominată de spiritul pragmatismului, realismului şi constructivismului. Sunt înfăptuiți anumiți paşi în trecerea relațiilor dintre centru şi regiune la un nivel calitativ nou.

Din tipologia propusă de autori se observă că instituționalizarea nu este un proces ce se desfăşoară doar pe ascendentă. Dezvoltarea relațiilor politice dintre Chişinău şi Comrat nu este un proces rectiliniu, constatare perfect valabilă pentru orişice proces evoluționist. Important este ca soluționarea acestor divergențe să se desfăşoare în limitele constituționale şi legale, în spiritul colaborării nu a dictatului sau şantajului.

Prima etapă, din punct de vedere cronologic, se raportează la anii 1995-1999. Ea se caracterizează destul de ambiguu. Aici pot fi incluse şi sentimente de mulțumire, speranță, euforie pe alocuri, de încercări de conştientizare, de testare a noilor realități legal-instituționale. Erau cu certitudine şi stări de spirit de nemulțumire, emanate de forțele politice cu viziuni mai radicale (atât din partea puterii regionale, cât şi a celei centrale), care considerau că cedările unei părți sunt incomensurabil mai mari decât a celeilalte. Această perioadă a însemnat o primă testare a noului cadru legal al relațiilor. Din punct de vedere atitudinal şi comportamental, pentru stadiul respectiv a fost caracteristică detensionarea relațiilor. În anumite momente, probabil, s-a exagerat cu „detensionarea", în sens că, această etapă a fost una de acalmie. Se crease impresia că puterea centrală a considerat că prin votarea Legii privind statutul juridic special, problema fusese pentru ea soluționată definitiv, iar mai departe găgăuzii pot face ce vor cu autonomia lor. De exemplu, imediat după adoptarea Legii Nr.344-XIII privind statutul juridic special al UTAG, în şedința Parlamentului, P.Lucinschi se exprimase printre altele că acum cel mai mult va depinde de însuşi găgăuzi, cum vor reuşi ei să se folosească de prevederile legii [9, 178].

Indiferent care a fost cauza, însă în primii ani relațiile politice nu au fost foarte active. Explicația este una obiectivă, eforturile părților fiind concentrate spre crearea cadrului legal al Găgăuziei. În acest sens, autoritățile găgăuze recent constituite, şi-au concentrat eforturile spre construcția Găgăuziei, spre soluționarea problemelor preponderent interne, relațiile cu autoritățile centrale trecând pe planul doi.

Primele alegeri legale ale autorităților reprezentative ale autonomiei găgăuze s-au desfăşurat în data de 28 mai 1995. Alegerile au avut loc atât în Adunarea Populară a Găgăuziei, cât şi pentru funcția de Guvernator. Până a trece la analiza rezultatelor acestor alegeri, este important de subliniat că victoria a fost repurtată, în mare parte, de forțele care nu s-au aflat în primele rânduri ale luptei pentru „independența găgăuzilor". Aici putem face o paralelă cu schimbarea clasei conducătoare la nivel național realizată prin alegerile parlamentare din februarie 1994, când, la fel, forțele politice implicate nemijlocit în desfăşurarea evenimentelor conflictuale de la începutul anilor nouăzeci, nu au putut să-şi păstreze rolul conducător.

Alegerile, în virtutea scrutinului utilizat, s-au desfăşurat în o parte din circumscripții în două tururi. După data de 11 iunie 1995, când s-a desfăşurat şi cel

de al doilea tur de scrutin, din totalul de 35 de deputaţi, au fost aleşi 34. Alegerile din circumscripţia nr.27 Dezghingea au fost invalidate [5]. Componenţa Adunării Populare a Găgăuziei alese în mai 1995 era următoarea: Partidul Comuniştilor din Republica Moldova (PCRM) – 8 mandate; Partidul Democrat Agrar din Moldova (PDAM) – 4 mandate; Partidul Popular „Vatan" – 5 mandate; Partidul Popular Găgăuz – 1 mandat; colectivele de muncă – 11 mandate; candidaţi independenţi – 5 mandate.

Rezultatele au indicat asupra faptului că de cea mai mare popularitate dintre partide în regiune se bucură PCRM, care a devansat atât partidul de guvernământ, care a şi votat crearea UTAG – PDAM, cât şi partidele regionale. Astfel, din momentul formării autonomiei PCRM fost partidul cu cea mai puternică bază organizaţional-teritorială în Găgăuzia. Alegerile, de asemenea, au confirmat scăderea popularităţii liderilor care au reprezentat găgăuzii în anii 1990-1994. În ceea ce priveşte rezultatul PDAM, care a „acordat" autonomie găgăuzilor, atunci acesta a fost unul relativ bun. Totuşi agrarienii nu au reuşit să creeze o bază de sprijin social în regiune, în mare măsură datorită dezintegrării partidului la nivel naţional, precum şi a crizei economice profunde care se accentua în Republica Moldova în perioada guvernării acestora.

Analiza concurenţilor electorali ne permite să observăm puţina diversitate a partidelor naţionale prezente în aceste alegeri, care nu au putut să-şi pună o bază organizatorică teritorială solidă în UTAG. În al doilea rând, se observă faptul că nici partidele regionale, care în perioada anilor 1990-1994 au activat în calitate de animatori ai mişcării autonomiste, nu se bucură de o reprezentare solidă. Se creează impresia că populaţia Găgăuziei este interesată mai mult de problemele social-economice care către acea perioadă apar în prim-plan, şi nu de mesajele cu privire la „renaştere naţională" sau „apărarea independenţei". Generalizând situaţia partidelor, cu siguranţă putem concluziona, că în perioada respectivă ele nu se bucurau de o mare încredere din partea populaţiei. Observaţie ce va fi testată şi pe exemplul proceselor electorale regionale ulterioare. Preventiv, una dintre explicaţii lansate de autori este că în virtutea numărului mic de alegători ai autonomiei găgăuze, cu mult mai mult contează legăturile personale şi de rudenie, decât cele ideologice de partid. Pentru a-şi crea o bază solidă organizaţională partidele naţionale ar urma să ţină cont şi de acest moment.

Un element specific pentru alegerile în Adunarea Populară din mai 1995 a fost acordarea posibilităţii pentru colectivele de muncă de a-şi înainta proprii candidaţi. În condiţiile unei economii în tranziţie, în care se distrugeau vechile relaţii economice de tip sovietic, iar marile întreprinderi, în cea mai mare parte se ruinau, această prevedere din Regulamentul provizoriu, a fost o reminiscenţă a trecutului sovietic cu caracter tranzitoriu şi efemer. Oricum anume aceşti candidaţi s-au bucurat la acel moment de cea mai mare popularitate şi sprijin elec-

toral. Prin prisma legislației ulterioare însă ei la fel pot fi considerați candidați independenți.

Alegerile pentru funcția de Guvernator au fost la fel de active şi pline de suspans. Au fost necesare două tururi de scrutin pentru a identifica câştigătorul. Candidații înscrişi în cursă pot fi grupați în două categorii. Din prima fac parte M.Kendighelean şi S.Topal, politicieni implicați activ în evenimentele controversate din anii 1989-1993, care au condus regiunea găgăuză în perioada în care autoritățile acesteia nu erau recunoscute oficial. A doua categorie este formată din politicieni care nu au fost printre militanții activi, printre cei ce simbolizau lupta şi confruntarea – D.Croitor şi Gh.Tabunşcic. Ace□tia erau lideri mai mult de format birocratic, cunoscuți prin activitatea lor administrativă. Ultimii doi nu erau asociați cu evenimentele insurecționale de la începutul anilor nouăzeci ai secolului al XX-lea.

Alegerile Guvernatorului au confirmat ideea dedusă în urma alegerilor în Adunarea Populară cu privire la schimbul elitelor. După primul tur nici unul din cei patru candidați nu a întrunit numărul necesar de voturi: Gh.Tabunşcic – 45,5%, M.Kendighelean – 34,5%, D.Croitor – 16,9%, S.Topal – 10,9%. În turul doi a învins Gh.Tabunşcic cu 64% din voturi, depăşindu-l net pe M.Kendighelean, devenind primul Guvernator al Găgăuziei. Inaugurarea acestuia având loc pe data de 20 iunie 1995. Decretul cu privire la numirea lui Gh.Tabunşcic în calitate de membru de Guvern, a fost citit personal de M.Snegur. În felul acesta, atât componența Adunării Populare, cât şi persoana Guvernatorului predispunea autoritățile centrale şi regionale spre dialog şi colaborare.

Însă oportunitatea în cauză nu a fost folosită pe deplin de către liderii politici, atât naționali, cât şi regionali. În pofida faptului că condiții pentru existența dialogului existau, însuşi comunicarea nu a fost existentă. În mare parte din cauza faptului că conducerea Republicii Moldova (în persoana reprezentanților celor trei centre de putere: Parlament, Guvern, Preşedinție) era implicată într-o luptă politică acidă pentru păstrarea puterii în vederea alegerilor prezidențiale (noiembrie 1996) şi a celor parlamentare (martie 1998). Toate ramurile puterii se încadrau în campanii politice, fără a se interesa de desfăşurarea evenimentelor din regiune, unde se puneau bazele legale ale autonomiei, fără ca puterea centrală să facă o expertiză, pe măsura importanței evenimentelor, a legilor locale adoptate.

Etapa a doua a relațiilor politice dintre puterea politică conducătoare a UTAG şi conducerea politică a Republicii Moldova se caracterizează prin ieşirea în prim-plan a unor probleme ce țin de departajarea puterilor şi prerogativelor dintre aceste două părți. La baza deteriorării relațiilor dintre agenții politici nominalizați se situează două categorii de factori. Prima categorie se referă la factorii de natură obiectivă şi anume criza economică care ia amploare în Republica Moldova. Pe fundalul acestei crize care se manifesta prin acutizarea relați-

ilor social-economice din republică, în general, şi în Găgăuzia, în particular, se iniţiază o dispută între autorităţile centrale şi cele regionale privind formarea veniturilor bugetare. Două probleme au instigat administraţia autonomiei: procesul de privatizare a întreprinderilor din regiune şi o cotă parte din veniturile generale de stat. Administraţia de la Comrat era nemulţumită de faptul că veniturile obţinute în urma privatizării întreprinderilor de pe teritoriul autonomiei nu rămân în bugetul acesteia, ci se varsă în cel naţional [17]. În ultima instanţă chestiunea veniturilor generale de stat (TVA şi accizele) a fost soluţionată prin prisma reformei organizării administrativ-teritoriale, în contextul asigurării descentralizării fiscale şi autonomiei financiare a unităţilor administrativ-teritoriale de nivelul doi.

Problema privind privatizarea întreprinderilor proprietate publică a statului, aflate pe teritoriul autonomiei găgăuze, a fost însă una cu mult mai amplă şi mai dificilă. Începând cu anul 1997, atât Guvernatorul, cât şi Adunarea Populară, prin actele lor încercau să legifereze trecerea totală a proprietăţii statului de pe teritoriul UTAG în proprietatea unităţii teritoriale autonome. Puterea centrală, însă, nu dorea mult timp soluţionarea problemei, tergiversând o bună perioadă de timp. În mare măsură, reţinerea soluţionării se origina în lipsa bazei legislative la nivel naţional cu privire la proprietatea unităţilor administrativ-teritoriale (legea fiind adoptată doar către sfârşitul anului 1999) [8], precum şi în incertitudinea legată de soarta reformei organizării administrativ-teritoriale. Într-un final, prin Hotărârea de Guvern nr.660 din 11 iulie 2000 are loc transmiterea în proprietatea publică a UTAG a cotei statului din capitalul social a unor întreprinderi şi agenţi economici. Procesul demarase, şi în mod logic ar fi trebuit să se pună capăt ostilităţilor în faza lor incipientă. Însă nu a fost să fie aşa, fiindcă a intervenit factorul politic.

Din punctul de vedere al situaţiei politice din regiune, principalele evenimente s-au derulat la sfârşitul lunii august 1999, când s-au desfăşurat alegerile ordinare în Adunarea Populară şi pentru funcţia de Guvernator. La alegeri au participat în esenţă aceeaşi actori politici, însă câştigătorii s-au schimbat. Astfel, în turul doi al alegerilor pentru funcţia de Guvernator au ieşit Gh.Tabunşcic şi D.Croitor. Ultimul era susţinut la nivel naţional de Mişcarea pentru o Moldovă Democratică şi Prosperă (MpMDP), care la acel moment se afla la guvernare. Pe plan local, în vederea susţinerii sale în turul doi, D.Croitor şi-a asigurat sprijinul unor lideri locali de marcă, ca M.Kendighelean sau S.Topal, de exemplu. De altfel, în echipa sa de guvernare, existau mai mulţi politicieni de talie regională cunoscuţi prin comportamentul „revoluţionar” de la începutul anilor '90 ai sec.XX. Victoria în turul doi a fost obţinută de D.Croitor, ce la devansat pe fostul Guvernator Gh.Tabunşcic cu scorul electoral de 61,5% la 38,5%.

În urma alegerilor în Adunarea Populară, a avut loc o revenire în prim-plan a politicienilor ce posedau un mesaj preponderent ostil puterii centrale. Preşedi-

nte a Adunării Populare a fost ales M.Kendighelean. Ascensiunea politicienilor cu astfel de mesaje a fost posibilă pe fundalul agravării situației social-economice din regiune. Liderii de opinie locali cu viziuni reticente față de politica centrului au folosit înrăutățirea situației social-economice din Republica Moldova în general, şi UTAG, în special, pentru a acuza puterea centrală ca fiind responsabilă de situația proastă din economia UTAG. O parte din deputații Adunării Populare chemau la o colaborare mai strânsă a Găgăuziei cu liderii nerecunoscuți ai regiunii transnistrene. Totuşi aceste mesaje aveau un rol mai mult declarativ, şi nu era luat în serios nici de puterea centrală, nici de cea locală. Guvernatorul UTAG, la fel, insista asupra unor drepturi mai mari în domeniul formării bugetului, însă nu se dorea exagerarea şi declanşarea unor ostilități. În virtutea unor afinități de ordin politic (D.Croitor fiind susținut de D.Diacov, liderul MpMDP, ulterior Partidul Democrat din Moldova), conducerea Parlamentului Republicii Moldova reuşea să întrețină un dialog cu Guvernatorul Găgăuziei.

Totuşi, relațiile dintre puterea politică centrală şi cea regională nu s-au ameliorat pe mult timp. Dimpotrivă, pe parcursul anilor 2001-2002 asistăm la o escaladare a situației social-politice din regiunea găgăuză. Protagoniştii sunt puterea politică centrală şi cea regională. Ambele părți au lansat învinuiri cu privire la provocarea şi declanşarea neînțelegerilor. O a treia parte implicată în mod indirect, în calitate de instigator, a fost administrația anticonstituțională de la Tiraspol. La sfârşitul anului 2001, începutul lui 2002, în Unitatea teritorială autonomă se crease o situație de problemă care putea trece în faza manifestă a conflictului.

Evenimentele din autonomie au fost direct influențate de către schimbările intervenite la nivel de factori politici decizionali la nivel central – accederea la putere, în urma alegerilor parlamentare din 25 februarie 2001, în Republica Moldova a Partidului Comuniştilor (PCRM). Comuniştii moldoveni au fost susținuți în mod masiv de către locuitorii autonomiei, pentru PCRM votând peste 80%, ceea ce a constituit o revenire a comuniştilor din Găgăuzia după eşecul de la alegerile în Adunarea Populară [3]. Victoria categorică a comuniştilor în autonomie a fost determinată şi de înțelegerea încheiată între liderii PCRM şi 25 de deputați ai Adunării Populare, în ajunul alegerilor anticipate [9, 187]. Această înțelegere nu avea o anumită forță juridică, însă exprima un acord de intenții, un plan de acțiuni prin care liderii comunişti se obligau să lucreze, în caz de victorie, asupra „constituționalizării" autonomiei găgăuze [11]. În scurt timp după instaurare la putere a PCRM acest subiect a fost inclus în agenda de zi a puterii legislative, iar prin formarea Comisiei de elaborare a propunerilor privind ajustarea legislației la prevederile Constituției Republicii Moldova în problemele ce țin de statutul special al unității teritoriale autonome Găgăuzia procesul a fost instituționalizat [4].

Revenind la cauzele declanşării ostilităților în regiune, subliniem existen□a mai multor puncte de vedere, deseori opuse. La începutul anului 2001 se stabiliseră relații de ostilitate între o parte a liderilor găgăuzi şi puterea politică de la Chişinău. Unii lideri regionali, printre care Guvernatorul D.Croitor şi preşedintele Adunării Populare M.Kendighelean, nu căzuse-ra de acord asupra creşterii influenței comuniştilor în regiune, văzând în această tendință o atentare la puterea deținută. Aceştia învinuiau PCRM de faptul că nu-şi onorează promisiunile privind consolidarea autonomiei găgăuze şi că se implică direct în afacerile interne ale autonomiei. La rândul lor PCRM învinuia liderii respectivi în escaladarea situației şi colaborarea cu Tiraspolul. Se considera la nivel de putere centrală că acțiunile unor lideri găgăuzi sunt coordonate cu liderii transnistreni, în vederea destabilizării situației din Republica Moldova şi atribuirii lui V.Voronin, preşedintele Republicii Moldova, a unor imagini de uzurpator. Aici trebuie de ținut cont de faptul că din momentul venirii la putere V.Voronin simboliza imaginea liderului ce nu s-a implicat în soluționarea forțată a conflictului transnistrean în 1992, precum şi un lider a unui partid ce apără interesele minorităților naționale.

Un moment de referință în lupta pentru putere în regiune între PCRM şi unii lideri locali, de orientare politică diferită, dar care se uniseră pentru a face față unui oponent comun, le-au constituit lunile ianuarie-februarie 2002, când, inițial (31 ianuarie 2002) prin votul a 21 de deputați ai Adunării Populare a fost exprimat votul de neîncredere Guvernatorului D.Croitor, iar ulterior, pentru data de 24 februarie 2002 au fost fixata data desfăşurării referendumului cu privire la demiterea Guvernatorului. Ziua de desfăşurare a referendumului a însemnat cota de vârf a ostilităților. Cu concursul direct a politicienilor locali – D.Croitor, M.Kendighelean, I.Burgudji – referendumul considerat de către aceştia drept „tentativă de lovitură de stat” a fost zădărnicit în majoritatea secțiilor de votare [12]. În acțiunile lor aceştia au fost susținuți de structurile de forță locale (poliția şi procuratura), iar activitatea Serviciului de Informații şi Securitate (SIS) în regiune a fost blocată.

În condiții unor astfel de sfidări, puterea centrală, a reacționat prompt, fiind intentate dosare penale pe numele liderilor nominalizați mai sus. Procedura a fost finalizată doar în cazul lui I.Burgudji, care a fost arestat la Comrat şi transportat la Chişinău, în special fiind aduse învinuiri de colaborare cu liderii transnistreni în vederea destabilizării situației din Republica Moldova. De asemenea, prin decizia ministrului de interne Gh.Papuc au fost eliberați din funcții şeful Direcției Afacerilor Interne ale Găgăuziei şi comisarii de poliție din Vulcăneşti şi Ciadîr-Lunga.

Veriga slabă în acest front comun „anti-centru” format pe parcursul anilor 2001-2002 l-a constituit D.Croitor. Acesta, în urma presiunilor din interiorul autonomiei, precum şi în rezultatul politicii promovate de puterea centrală, în

iunie 2002 demisionează din funcția de Guvernator al Găgăuziei, ca ulterior, la finele lui 2002, să fie numit Reprezentant al Moldovei la Oficiul ONU de la Geneva, iar în ianuarie 2003, şi în funcția de Ambasador al Moldovei în Confederația Elvețiană.

Situația politică din regiune, precum şi configura□ia relațiilor dintre centru şi autonomie urmau să fie clarificate în urma alegerilor anticipate pentru funcția de Guvernator, stabilite pentru 6 octombrie 2002. La alegerile din 6 octombrie au participat 5 candidați: Gh.Tabunşcic (42,52%), M.Formuzal (21,05%), I.Stamat (17,44%), S.Topal (10,99%), K.Tauşanji (6,57%) [10]. Cel mai important rezultat ține, însă, de prezența la vot care a fost una nesatisfăcătoare, ce nu a permis de a declara alegerile valabile – 41,43%. În acest fel populația regiunii cu drept de vot şi-au exprimat protestul față de relațiile de conflict între autoritățile centrale şi cele regionale, în condițiile în care existau o multitudine de probleme social-economice necesar de soluționat. O parte din găgăuzi s-au simțit ofensați şi frustrați de politica centrului față de vechea conducere a autonomiei, protestând prin neprezentarea la urne.

De remarcat de asemenea că majoritatea politicienilor înscrişi în cursa electorală, aparțin generației anilor nouăzeci. În calitate de politician nou de factură regională apare doar M.Formuzal, care se bucura de sprijinul manifest din partea populației regiunii. Candidatul în cauză se plasa pe poziții pragmatice, prin care se excludea, pe de o parte revenirea la lozincile de la începutul anilor 90 ai secolului al XX-lea privind instigarea la confruntare cu puterea centrală, iar pe de altă parte, considera că puterea regională trebuie să fie mai constructivă în relațiile cu Chişinăul, să nu dea dovadă de docilitate ci de caracter în promovarea intereselor autonomiei, în limitele constituționale existente. Accentul se plasa pe soluționarea problemelor social-economice [19].

Votarea repetată este fixată pentru data de 20 octombrie 2002. La această rundă de alegeri participă deja doar 3 candidați - Gh.Tabunşcic, M.Formuzal, K.Tauşanji, ceilalți doi - I.Stamat şi S.Topal, fiind învinuiți de către Comisia electorală locală de nereguli în listele de subscripție. Forțele politice de opoziția, atât la nivel național, cât şi regional, au învinuit PCRM de influențare a alegerilor prin excluderea respectivelor concurenți. De altfel, V.Voronin, preşedintele PCRM, s-a adresat de mai multe ori alegătorilor din Găgăuzia, îndemnându-i să susțină candidatul comuniştilor - Gh.Tabunşcic, la fel cum au susținut PCRM în 2001 la alegerile parlamentare. În urma alegerilor din 20 octombrie 2002, care au întrunit deja condițiile valabilității, candidatul PCRM iese învingător din primul tur, acumulând 50,99%, iar principalul contracandidat – M.Formuzal acumulează 43,22%. În pofida învinuirilor aduse de către opoziția necomunistă privind falsificarea şi influențarea alegerilor de către reprezentanții candidatului comunist, pe data de 9 noiembrie are loc inaugurarea noului (vechiului) Guvernator al Găgăuziei - Gh.Tabunşcic.

Guvernatorul ales şi-a fixat drept priorităţi în activitatea sa restabilirea atmosferei de pace, stabilitate şi conciliere etnică în regiune. Campania sa electorală s-a bazat pe respingerea ideilor de revenire la situaţia de la începutul anilor '90, ce erau promovate, după părerea candidatului de „vechea conducere a autonomiei" [18]. Analizând rezultatele alegerii Başcanului din perspectiva relaţiilor dintre puterea centrală şi cea regională, se poate de dedus că se intră într-o nouă fază a acestora, cea de colaborare, de sincronizare a acţiunilor, politicilor şi strategiilor de dezvoltare. Aceasta pe motiv că în funcţia de Guvernator al Găgăuziei a fost ales candidatul partidului ce formează clasa politică conducătoare şi la nivel de republică. În acelaşi timp, uşor poate fi sesizat că candidatul comuniştilor nu se bucură de acea popularitate masivă de care a avut parte PCRM la alegerile parlamentare din 2001 în teritoriu. Fapt ce se poate origina, sau în personalitatea lui Gh.Tabunşcic sau în scăderea în popularitate a PCRM, în urma unor eventualele nerealizări a promisiunilor electorale.

Poziţiile PCRM în autonomia găgăuză s-au consolidat şi în urma alegerilor în Adunarea Populară din 16 noiembrie 2003. La alegeri au participat 9 partide naţionale (PCRM, Mişcarea social-politică republicană „Ravnopravie" (MSPR „Ravnopravie"), Alianţa „Moldova Noastră" (AMN), Partidul Democrat din Moldova (PDM), Partidul Socialiştilor din Republica Moldova (PSRM), Uniunea Centristă din Moldova (UCM), Partidul Republican din Moldova (PRM), Partidul Agrar din Moldova (PAM), care şi-au înaintat candidaţii proprii, şi 68 de candidaţi independenţi. În urma alegerilor desfăşurate în două tururi de scrutin (16 noiembrie, 1 decembrie) mandatele deputat al Adunării Populare s-au distribuit între concurenţi, după cum urmează: PCRM – 16 mandate, PSRM – 1 mandat, MSPR „Ravnopravie" – 1 mandat, candidaţii independenţi – 17 mandate.

Rezultatele alegerilor în Adunarea Populară, o dată în plus, au demonstrat că din toate partidele din Republica Moldova doar PCRM dispune de o structură organizatorică teritorială consolidată în autonomia găgăuză. Celelalte partide nu au reuşit să-şi formeze o bază electorală stabilă în regiune. De asemenea, merită atenţie iarăşi numărul mare de candidaţi independenţi, care nu se regăsesc în vreo listă de partid. De regulă, candidaţii independenţi formează o masă politică neomogenă, care după atribuirea mandatelor sunt în căutarea de opţiuni politice ce formează anumite centre de opinie în cadrul Adunării Populare. În cazul analizat, majoritatea parlamentară a fost formată de către deputaţii comunişti şi 7 deputaţi independenţi, care au şi ales în calitate de preşedinte al Adunării Populare pe S.Esir. Concluzia ar fi că în condiţiile în care în regiune nu exista o altă organizaţie social-politică ce ar consolida liderii locali în baza unor anumite poziţionări de alternativă, PCRM va putea să-şi păstreze poziţiile, în condiţiile în care va continua să reprezinte interesele anumitor segmente sociale din regiune.

Faptul că clasa politică conducătoare la nivel național şi la nivel local se caracterizează prin apartenența la o singură formațiune politică ne indică asupra unui caracter non-conflict a relațiilor dintre acestea. De asemenea putem vorbi despre stabilitate, însă, în opinia autorilor, nu aceasta trebuie să caracterizeze relațiile în cauză, în condițiile în care stabilitatea ar presupune şi stagnare. În pofida existenței a condițiilor ce ar face posibilă soluționarea problemelor existente în dezvoltarea autonomiei găgăuze în cadrul Republicii Moldova, în perioada respectivă nu toate oportunitățile au fost folosite. Multe chestiuni, în special, ce țin de integrarea găgăuzilor în societatea moldovenească, dezvoltarea social-economică a regiunii etc., nu au fost soluționate. Pe de altă parte este absolut necesar de subliniat că în perioada nominalizată, la nivel de conducere politică a autonomiei, nu se ridica problema unor noi revendicări în domeniul autonomiei, sau nemulțumiri ce țin de atribuții insuficiente.

În condițiile existenței acestor chestiuni nesoluționate, precum şi din dorința liderilor găgăuzi aflați în opoziție de a-şi consolida poziția, în februarie 2004 se formează Mişcarea socială „Găgăuzia Unită”, înregistrată în calitate de asociație obştească în baza Legii cu privire la asociațiile obşteşti [7]. În virtutea faptului că legislația națională nu permite formarea partidelor regionale, o parte din liderii găgăuzi au decis să-şi consolideze pozițiile în baza asociației obşteşti. În fruntea mişcării a fost ales primarul de Ciadîr-Lunga M.Formuzal. Existența unei opozi□ii organizate urma să joace un rol exclusiv pozitiv, inclusiv pentru conducerea comunistă a Găgăuziei, fiindcă în acest caz ei ar fi mai motivați şi mai responsabili în activitatea lor.

O modificare substanțială în relațiile dintre puterea politică de la Chişinău şi cea de la Comrat s-a produs în urma alegerilor pentru funcția de Guvernator din decembrie 2006. Aceste alegeri au manifestat anumite elemente de specificitate. Întâi de toate este vorba despre faptul că candidatul susținut de către puterea centrală nu a reuşit să învingă, ba chiar mai mult – nu a trecut nici în turul doi.

Rezultatul alegerilor a fost determinat în mare parte de factori ce nu se referă în mod direct la relațiile politice dintre centru şi autonomie. În primul rând, este vorba despre schimbarea radicală (facem abstracție de nivelul declarativ, sau real al schimbării) la răscrucea anilor 2003–2004 a vectorului politicii externe promovate de către partidul comuniştilor, în calitate de forță politică guvernatoare. Se are în vedere declararea cursului de integrare europeană, în condițiile în care PCRM a acces la putere în 2001 cu lozinci diametral opuse, din punctul de vedere a vectorului politicii externe – aderarea la comunitatea „Rusia – Ucraina - Belarus”. În 2001 găgăuzii care au vederi pro-ruse declarate au susținut în mod masiv PCRM contribuind la instaurarea la putere a formațiunii. Odată cu schimbarea cursului de orientare externă, o bună parte a găgăuzilor s-au considerat înşelați [14]. În al doilea rând, este vorba despre renunțarea categorică la modelul federalist de construcție statală a Republicii Moldova vociferată

în primii de ani de exercitare de mandat de către preşedintele Republicii Moldova V.Voronin [6]. Pe perioada desfăşurării discuțiilor privind federalizarea Republicii Moldova ca modalitate de integrare a raioanelor din stânga Nistrului, Găgăuzia prin o parte a liderilor săi cerea statutul de subiect federal egal cu cel al Transnistriei, ceea ce în opinia majorității găgăuzilor ar fortifica statutul regiunii. Un al treilea moment ce ține de politica centrului, se referă aşa zisa „blocadă economică" a raioanelor din stânga Nistrului, care a alimentat simpatiile şi antipatiile anumitor segmente sociale din Găgăuzia, în baza sentimentelor de „solidaritate separatistă" de la începutul anilor '90 [1]. În fine, rolul său l-a avut şi colaborarea comuniştilor cu Partidul Popular Creştin-Democrat la nivel de republică, fapt ce la fel a fost utilizat de oponenții PCRM din UTAG în vederea discreditării pozițiilor acestora [20].

Un alt grup de factori ce au determinat configura□ia post-electorală a puterii politice în UTAG se referă la situația internă a regiunii. Astfel, Gh.Tabunşcic, în pofida succeselor invocate, nu a reuşit să soluționeze problemele de esență a dezvoltării social-economice a regiunii [13]. Însuşi natura sa de politician s-a erodat în mare parte pe parcursul anilor. Nu avea imaginea unui lider ce ar face față provocărilor. Candidatul PCRM nu a fost ajutat nici de sprijinul masiv acordat de către V.Voronin, preşedintele PCRM şi al Republicii Moldova [16]. Dimpotrivă, votul găgăuzilor a fost unul de protest, fiind susținuți anume candidații care nu se bucurau de sprijinul partidului de guvernământ.

Alegerile Guvernatorului Găgăuziei s-au desfăşurat în două tururi de scrutin, în virtutea faptului că din primul tur nu a putut fi clarificat învingătorul. Au participat la alegeri patru candidați, surpriza cea mare fiind nu faptul că candidatul comuniştilor nu a acumulat cele mai multe voturi, ci faptul că el nici nu a trecut în turul doi: M.Formuzal (33,89%), N.Dudoglo (31,40%), Gh.Tabunşcic (24,14%), A.Stoianoglo (10,58%). Rata participării a fost relativ reprezentativă: 62,6%. Rezultatele, cu certitudine, au nemulțumit puterea centrală în persoana PCRM. Totuşi putea fi deduse şi anumite concluzii benefice şi la acest capitol este vorba întâi de toate de faptul că prin rezultatul alegerilor puterea centrală nu putea fi învinuită de falsificări şi imixtiuni în procesul electoral. Moment destul de oportun îndeosebi din punctul de vedere al imaginii externe a relațiilor dintre puterea națională şi cea autonomă, după evenimentele din 2001-2002.

Turul al doilea al alegerilor pentru funcția de Guvernator al UTAG s-a desfăşurat pe data de 17 decembrie, în condițiile unei rate de participări mai ridicate – 64,3%, ceea ce indică asupra existenței unor motive suficiente pentru mobilizarea electoratului. Alegerile au fost câştigate de către candidatul M.Formuzal, care a acumulat 56,23% față de 44,77% ale lui N.Dudoglo. De specificat că a învins candidatul care a fost criticat cel mai mult de către puterea centrală, în tu-

rul doi N.Dudoglo fiind „simpatizat” de către PCRM. Investirea în funcţia a Guvernatorului s-a produs la 29 decembrie 2006.

În pofida existenţe premiselor pentru nişte relaţii tensionate între Chişinău şi Comrat, cu părere de bine desfăşurarea ulterioară a evenimentelor au demonstrat că au predominat abordările pragmatice. Pragmatismul şi realismul sunt două principii unghiulare, în opinia autorilor, care ar fi necesar să se situeze la baza relaţiilor dintre autorităţile politice centrale şi locale. În anumite condiţii, este mai util poate ca reprezentanţii puterilor centrale şi autonome să nu fie din aceeaşi tabără politică, fiindcă în acest caz mai dominant va fi spiritul critic, care poate asigura o eficacitate şi o eficienţă mai accentuată a colaborării.

Alegerile în Adunarea Populară a Găgăuziei din 16 şi 30 martie 2008 (două tururi) urmau să clarifice repartizarea de forţe pe eşichierul politic regional. Tradiţional, deja, pentru alegeri şi-au prezentat candidaturile partidele „naţionale” şi candidaţii independenţi. Participarea partidelor a fost una destul de masivă (10 partide s-au înscris în cursa electorală), reieşind din specificul preferinţelor electorale ale alegătorilor din regiune, precum şi din slaba bază teritorială organizatorică observată la alegerile anterioare din regiune. Însă, rezultatele alegerilor în Adunarea Populară a demonstrat că pentru majoritatea acestora participarea declarată la alegeri a fost un pas mai mult propagandistic, ce ar demonstra caracterul activ al partidelor. Dintre partidele incluse în cursă, PCRM şi-a păstrat poziţiile de formaţiune cu cel mai stabil, consolidat şi numeros electorat găgăuz din totalitatea partidelor din Republica Moldova, obţinând un rezultat de – 10 mandate. Printre celelalte partide ce au reuşit să se bucure de reprezentare în Adunarea Populară sunt: Partidul Democrat din Moldova – 2 deputaţi şi MSPR „Ravnopravie” – 2 deputaţi. În cazul dat, ca şi la celelalte alegeri configuraţia de forţe urma să fie decisă de opţiunea candidaţilor independenţi.

Spre deosebire de celelalte alegeri, în cazul dat s-a încercat o cristalizare o consolidare a concurenţilor electorali. În acest sens, pe lângă partide, în calitate de structuri organizatorice distincte, în alegeri s-a inclus şi mişcarea socială „Găgăuzia Unită”, care urma să coaguleze forţele politice ale susţinătorilor Guvernatorului M.Formuzal. O a treia forţă politică era reprezentată de susţinătorii primarului de Comrat N.Dudoglo. În rezultatul alegerilor se crease o situa□ie dificilă, determinată de faptul că forţele cu cea mai mare pondere electorală nu au reuşit să obţină o majoritate confortabilă, ce le-ar permite să guverneze în mod independent. În aşa fel, PCRM împreună cu deputaţii independenţi cu simpatii pro-comuniste au format fracţiune „Blocul pentru o Găgăuzie Înfloritoare într-o Moldovă Reînnoită”, constituită din 14 deputaţi. Aderenţii Mişcării „Găgăuzia Unită” au format fracţiunea „Mişcarea Găgăuzia Uniată” în baza a 12 mandate. Situaţia urma să fie clarificată de către reprezentanţii celei de a treia fracţiuni „Grupul Dudoglo”, care pe tot parcursul activităţii Adunării

Populare au deţinut o poziţie de conjunctură, variind între interesele personale şi cele politice ale membrilor fracţiunii [2].

Alegerile în Adunarea Populară au demonstrat că în regiune nu există o forţă politică dominantă. La moment sunt structurate trei centre de putere care urmează să-şi edifice activitatea şi colaborarea reieşindu-se din principiile coalizării şi coabitării. PCRM continuă să fie partidul „naţional” cu cea mai puternică organizare şi susţinere în teritoriu. Este practic unica formaţiune prin care se realizează legătura dintre elitele politice regionale şi cele naţionale. În pofida acestui fapt, PCRM trebuie să colaboreze şi cu candidaţii independenţi în vederea depăşirii situaţiilor de criză. Mişcarea „Găgăuzia Unită” nu a reuşit să-şi consolideze poziţiile după victoria în cursa electorală pentru alegerea Guvernatorului. În mare parte din cauza fragmentării pe criterii teritoriale a electoratului. Pentru înţelegerea specificului situaţiei trebuie de ţinut cont de faptul că M.Formuzal a fost primarul de Ciadîr-Lunga, iar celălalt lider local – N.Dudoglo este primarul Comratului. În aceste condiţii reapare în prim-plan rivalitatea dintre aceste două localităţi reprezentate de doi lideri de formaţie nouă cu pretenţii de lideri regionali, care în ansamblul realităţilor politice moldoveneşti este greu de înţeles.

Electoratul găgăuz rămâne a fi unul fărâmiţat şi fragmentat, chiar deseori dezorientat politic. Desfăşurarea alegerilor în organele reprezentative autonomiei au demonstrat că în foarte multe cazuri nu orientarea politică, ci legăturile de rudenie, personale şi profesionale sunt factorul determinant în realizarea votului. Din acest punct de vedere este extrem de dificil de a vorbi despre anumite orientări ideologice sau doctrinare strict delimitate şi consolidate, care ar caracteriza configuraţia social-politică a electoratului găgăuz. Despre o anumită opţiune politică certă se poate vorbi doar la nivel de alegeri na□ionale (despre care se va vorbi în capitolul următor), pe când la nivel regional aceasta este lipsă. Situaţia poate fi explicată prin teritoriul redus din punct de vedere geografic şi printr-un caracter pe alocuri „patriarhal” al relaţiilor politice din regiune. Accentul se pune pe factori mai mult apolitici şi decât politici.

La moment relaţiile dintre autorităţile centrale şi cele regionale nu pot fi caracterizate în mod univoc ca fiind de colaborare şi stabile, care în esenţă se desfăşoară într-o albie civilizată şi pragmatică. Probleme, în special de natură politico-ideologică, apar îndeosebi perioada electorală. Implicarea liderilor regionali în campaniile politice naţionale, pe de o parte este firească, pe de alta însă, în condiţiile în care ei reprezintă puterea administrativă în regiune poate crea anumite situaţii de tensiune vizavi de reprezentanţii altor formaţiuni politice, decât cele pe care le reprezintă liderii respectivi. Făcând, însă abstracţie de la chestiunile de natură electorală, relaţiile politice dintre autorităţile centrale şi cele regionale se dezvoltă în mod normal (în sensul corespunderii cu cerinţele instituţionalizate la nivel internaţional faţă de acest gen de relaţii). Problemele ce apar sunt în majoritate de natură tehnică ce nu vizează relaţiile în esenţă. Nu este ne-

cesar de exagerat natura acestora, în vederea obținerii unor eventuale dividende de imagine. Soluționarea chestiunilor cotidiene în relațiile dintre autoritățile centrale şi cele regionale este posibilă în virtutea mecanismului de interacțiune existent [15].

Analiza caracterului relațiilor politice stabilite în perioada analizată ne permite să evidențiem următoarele concluzii:

- instituționalizarea autonomiei găgăuze a fost un proces dificil, dar extrem de benefic în perspectiva stabilirii unor relații de colaborare între puterea centrală şi cea regională. Această opinie este fundamentată de desfăşurarea evenimentelor de după 1994. În pofida apariției unor disensiuni între centrele de putere vizate, natura divergențelor a avut mai mult un caracter superficial, decât de esență;
- acordarea statutului este doar o fază incipientă de constituire a unor condiții legal-instituționale de stabilire a relațiilor. Instituționalizarea şi dezvoltarea acestora este un proces poate şi mai dificil. Succesul unor relații politice de colaborare suficient mulțumitoare pentru ambele va fi asigurat de caracterul dinamic al acestora. Dinamismul va permite integrarea şi soluționarea apărute pe parcursul implementării prevederilor legale;
- relațiile dintre autoritățile politice centrale şi cele regionale, au avut, în principiu, un caracter continuu, dar cu prezența unor frânturi de linie. În sensul că nu s-au dezvoltat în mod obligatoriu şi exclusiv pe linie ascendentă. Existența anumitor situații de conflict, ca după exemplul evenimentelor de la răscrucea anilor 2001-2002, însă, trebuie apreciată inclusiv în termeni pozitivi, în calitate de momente de trecere al etape calitativ noi ale relațiilor;
- momentele cele mai dificile în relațiile dintre puterile centrală şi regională, intervin de regulă în perioada campaniilor electorale (atât naționale, cât şi regionale). Fapt ce presupune că disensiunile ce apar între Chişinău şi Comrat de multe ori sunt determinate de divergențele de ordin politico-ideologic între purtătorii puterii. Acestea nu sunt conflicte de substanță (ce s-ar referi la conflicte instituționale, sistemice), ci conflicte subiective, la nivel de atitudine ideologică a purtătorilor şi reprezentanților puterii. Cu siguranță, procesul politic include ambele fațete (şi legal-instituțională, şi atitudinală), însă ar fi absolut benefic util ca în perioada campaniilor electorale, liderii politici care dețin şi funcții administrative să nu extrapoleze viziunile ideologice asupra relațiilor de tip instituțional;
- eficiența şi eficacitatea relațiilor de colaborare dintre puterea centrală şi cea regională nu trebuie ataşate în mod absolut obligatoriu la necesitatea ca clasa politică conducătoare de nivel național şi cea de nivel regional să facă parte din una şi aceeaşi tabără politică. Este absolut firesc ca în condițiile în care apartenența de partid coincide, şansele pentru o colaborare eficientă sunt cu mult mai mari. Însă această condiție nu este una deloc suficientă. Şi dimpotrivă, fap-

tul că viziunile ideologice ale reprezentanților puterii nu coincid, nu implică în nici un mod obligativitatea unor relații tensionate. Votul alegătorilor trebui respectat în ambele cazuri. Într-un final scopul comun este cel de prosperare a poporului Republicii Moldova;

- existența divergenților, în special în baza unor chestiuni secundare, trebuie tratată ca ceva firesc. Important este ca tratarea acestora să reiasă din prevederile constituționale şi legale asupra cărora părțile au căzut de comun acord;

- relațiile politice dintre centru şi autonomie trebuie să posede un caracter rațional şi pragmatic. Trebuie să depăşim faza raționalizării acțiunilor în baza stereotipurilor şi subiectivismului sentimental. Puterea urmează să dea dovadă de maturitate. După aproape 20 de independență, clasa politică nu-şi mai poate permite scuze pe seama imaturității sale.

Bibliografie:

1. Boțan I. Alegerile din Găgăuzia – un nou început sau deja vu? // Guvernare şi democrație în Moldova, e-journal, an.IV, nr.87, 15-30 decembrie 2006. [online]. http://www.e-democracy.md/comments/political/200612302/ (citat 1 aprilie 2009).
2. Boțan I. Alegerile din Găgăuzia ca preludiu al alegerilor parlamentare. // Guvernare şi democrație în Moldova, e-journal, an.VI, nr.118, 15-31 mai 2008. [online]. http://www.alegeri.md/gagauzia2008/comments/200805311/ (citat 2 aprilie 2009).
3. Electorala 2001. Documente şi cifre cu privire la alegerile Parlamentului Republicii Moldova. -Chişinău: Comisia Electorală Centrală, 2001.
4. Hotărârea Parlamentului Republicii Moldova pentru crearea Comisiei de elaborare a propunerilor privind ajustarea legislației la prevederile Constituției Republicii Moldova în problemele ce țin de statutul special al unității teritoriale autonome Găgăuzia, nr.146 din 10 mai 2001. // Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.52 din 17 mai 2001.
5. Informație privind alegerile în Adunarea Populară a Găgăuziei. [online]. 2008. http://www.alegeri.md/gagauzia2008/previous-elections/ (citat 19 iunie 2009).
6. Interviul acordat de către Domnul Vladimir Voronin, Preşedintele Republicii Moldova, postului de radio „Eho Moskvî” (21 iulie 2006). // Serviciul de presă a Preşedintelui Republicii Moldova, 21 iulie 2006. [online]. http://www.presedinte.md/press.php?p=1&s=4067&lang=rom (citat 19 iunie 2009).
7. Legea cu privire la asociațiile obşteşti, nr.837 din 17 mai 1996. // Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.153-156 BIS din 2 octombrie 2007.

8. Legea cu privire la proprietatea publică a unităților administrativ-teritoriale, nr.523 din 16 iulie 1999. // Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.124 din 11 noiembrie 1999.
9. Ангели Ф. Гагаузская автономия. Люди и факты (1989-2005). – Chişinău: Universul, 2006.
10. Выборы Башкана. // Вести Гагаузии, 2002, 9 октября.
11. Гуцу И. Гагаузский вопрос не надо политизировать. // «Независимая Молдова», 2001, 9 октября.
12. Заявление руководства Гагаузии. // Вести Гагаузии. Специальный выпуск, 2002, 22 февраля.
13. Интервью Башкана Гагаузии Г.Табунщика. // Вести Гагаузии, 2006, 11 июля, nr.97-98 (7929-7293).
14. Куда ведут народ Гагаузии и официальные власти Кишинева или что нас ожидает завтра. // Единая Гагаузия, 2006, 7 сентября, nr.35 (109).
15. Опять Гагаузию ущемляют в правах. // Пресс-служба Башкана. Сообщения для прессы. [online]. 2009. http://www.e-democracy.md/comments/political/200612302/ (citat 07.09.2009).
16. Речь Президента РМ Владимира Воронина. Горячее сердце Молдовы. // «Независимая Молдова», .2006, 1 августа.
17. Старыш К. Комрат хочет получить свою долю. // «Комсомольская Правда в Молдове», 2000, 15 марта.
18. Табунщик Г. Мы хотим мира, стабильности и национального согласия. // «Независимая Молдова», 2002, 13 сентября.
19. Формузал М. Гагаузская автономия. Есть ли повод для оптимизма? // «Независимая Молдова», 1998, 29 декабря.
20. Чего ожидать от союза коммунистов с фронтистами. // Наш Башкан – Михаил Формузал. Информационный бюллетень для избирателей АТО Гагауз Ери. 15-31 октября 2006, nr.1.

Prezentat la redactie
la 10 octombrie 2009

Recenzent – **Igor BUCATARU**, doctor în ştiinţe politice

IMPACTS OF AMALGAMATIONS ON THE STRUCTURE OF MUNICIPAL GOVERNANCE[1]

Georg SOOTLA
Estonia, Tallinn, Tallinn University,
Professor

Kersten KATTAI
Estonia, Tallinn, Tallinn University,
Research assistant

Introduction: rationale and impacts of amalgamation of municipalities

The amalgamation of local authorities[2] is one of the most widespread tools of local governance reform, at least in Northern part of Europe and Anglo-American countries. Amalgamations have been a response to rapid extension of welfare services (and ageing of population) and even more rapid developments in communications and mobility that have caused the split of different identities and of the space individual's activities (work, leisure, social networks) of individuals. In countries that had build up the fused [27; 5] or integrated [3] pattern of local governance changes in the scope of services and multiple identities did not resulted in the enhancement of the territory of municipalities but other alternative tools were used [14], among them the extension of regional government role in service delivery. Nevertheless the increase of autonomy (decentralization as well as devolution) has been considerable also in this region.

In countries where the *dual pattern* of authorities has developed, i.e. two relatively separate realms of public authority (local and state), governing elites had actually difficult choice. The ought either to retain the community (and settlement) as the basis for local government space at the expense of local autonomy, and thus to agree with much centralized financing and delivery of services. Or to develop service-area based local government, that integrates and combines in one area geographically diverse space (communities, settlements, areas) to ensure the further devolution of public tasks to local authorities (municipal, regional). Local authorities which agreed on amalgamations had in their hidden agenda one more purpose: to retain enough weight (powers, capacity) to counterbalance central and other supranational authorities, which inevitably are prone to solve difficult issues of coordination through devices of central management

[1] The version of paper, presented at the EGPA annual conference St. Julien Malta, September 2-4 2009, Study group 4: Local governance and democracy.

[2] This term is used to denote a complex process that actually has rather different forms and also names. [27]

and steering. Hence, the dilemma “is the bigger better?”, must be supplemented by the other dilemma “do we have enough weight to counterbalance centralizing actors?” in reasoning the sense and essence of amalgamations.

Local governance in most of CEE countries has faced the similar problems and can find also different responses as soon and they also have developed[3] different patterns of local governance. Majority of them have established the Continental - fused - pattern of local authorities and central local relations. There are, however, some of them – Czech Republic, Slovakia – where local authorities can enjoy considerable autonomy in delivery of relatively few services.

For, in the beginning of 1990-s when the new local government system was created in those countries the reform had very strong support of popular movements and local government association. Obviously this specific pattern that emerged during transition could not survive enough long time, for the contradiction between autonomy (developing and retaining local government specific) and universality (in following basic public services) – that Continental countries have solved in favor of the latter – would soon restrain both. ([23]. The Czech Republic that has the largest number of municipalities in the region established in 2000 regional local government that increases autonomy of local authorities in economic planning and regional development and thus – following the French experience – could probably soften this controversy.

Two of CEE countries have, however, established clearly the dual pattern of central local relations – Latvia and Estonia. Both of them have for a long time debated about feasibility of amalgamations and attempted several times to launch the reform [24]. These countries have simultaneously tried to apply alternatives to amalgamations, like cooperation, but without obvious success. Finally in 2009 Latvian government succeeded in implementation of the reform, after local elections to new municipal councils were held in June 2009. The number of municipalities reduced from 522 to 118, and - like in Denmark – the tasks of counties were redistributed to either municipalities or to the planning regions, which were created in the course of the reform (similarly with Czech Republic). In Estonia the voluntary amalgamation of municipalities has started already in 1996. In 1999-2001 the Government launched rapid but well prepared amalgamations, but failed to implement it. The number of municipalities has decreased from 254 (in 1993) to 229 (in 2005) as the result of voluntary amalgamations.

Literature on amalgamations is overwhelmingly focused on arguments on for and against amalgamations, first of all in dimensions of democracy (proximity) and governing (economic) capacity. [21; 26; 25; 32] In recent period there have been some other focuses in debates whether or not to merge, like social-

[3] We are limiting our comparisons with post-communist countries that entered into EU in 2004.

economic development (in the context of EU and globalization), outcomes of amalgamation process outcomes, alternatives to amalgamations [14]. Rational choice perspective has demonstrated the reverse – that suppressing the competition by amalgamation will decrease the competitiveness of local authorities [6; 31]. In general the main target has remained rather pragmatic – the policy advocacy, as soon as actually the amalgamation has been and is even more becoming the political enterprise of local or national elites [21]. We would let this debate aside unless our analysis would concern some of key issues of these debates.

At the same time, it is evident that amalgamations or the issue of size (or population) cannot have positive or negative effects *per se.* Municipalities are governed by authorities that have rather different powers and the politico-administrative division of roles, they provide different services which have different optimal service area, municipalities occupy rather different territory and they have extremely different density of population. Finally, final effects of amalgamations would emerge with certain time leg, for reforms are causing during some periods confusion and irregular functioning of organizations.

I.e. outcomes of amalgamations depends on different institutional settings and processes. They are to large extent determined by existing (previous) institutional setting, organizational patterns and also geography. Institutions are not only established formal rules or offices (as expected by more traditional institutional approaches). Institutions are specific dimension of organized collective action, the constellation of values and norms of behavior that are installed – in the period of changes – by key actors intentionally or emerging spontaneously in the form of organizational structures. In this sense institutions are shaping the basic patterns of behavior, incentives and interests, decision-making style. I.e. amalgamations and their effects must be studies also as more profound institutional changes that are revealing later in the governing process of new enlarged municipalities [29]. It is on our view one of the main reasons why different authors in empirical – not speculative – analysis of merges can come to different or even opposing conclusions about immediate outcomes of amalgammations.

If to take actually the presumption that amalgamations are primarily political enterprise and cannot happen through the technical - rational planning (which we soon demonstrate) outcomes of amalgamations must considerably depend also on the ways, the amalgamation has been decided and implemented, pattern of actors who are involved into this process etc. I.e. *the organization of amalgamation process* itself differs in various cases and contexts and can cause different outputs and outcomes. Institutional and political context, not primarily so called objective needs, are determining *whether and how* amalgamations of municipalities and corresponding re-division of competence and power resour-

ces between levels and actors are carried out. But, these variables could be rather indeterminate and subjective.

2. Defining the structure of local government

In policy documents [45; 46; 47] under *the structure* is first of all meant the geographical pattern or boarders of local government territory. Hence the reform is called administrative territorial. In a sense it is a tautology to speak about the impacts of amalgamations on the territorial structure of municipalities. In policy documents where more ambitious aim is set by reformers that presume the re-division of authority between tiers of government or even abolition of some tier of government [43] the focus is turned on the analysis of the new division of governing and service delivery functions between tiers. Numerous articles are devoted to the description and comparison of tasks that different tier of government in different countries are responsible for. These descriptions are not very useful in analytical sense for different reasons: it is not defined how different components of tasks are actually distributed between levels (for instance, who set standards, how the control is exercised), how the service provision is financed, what agency is actually delivering service (public bureaucracy or private firm or NGO) etc.

In analytical surveys and research papers the structure of local government is also understood differently, but here we can speak about different dimensions of actual structure of local institutions.

2.1. Patterns of politico-administrative roles of local government institutions

First of all, amalgamations may change the roles of council and its components (committees), political executive, local administration and primarily the division of political and administrative roles in local policy-making and implementation. This dimension of structure is rather well elaborated [37; 38; 30; 8]. The impacts of amalgamations to council-executive pattern is considered in recent studies of Danish amalgamations. Also here the focus could be the description of changes of formal positions of councillors [4] that do not contribute much on the understanding of changes in roles and relations of main actors – councilors, chief executive and civil service – in the policymaking process. From this point of view the most advanced have been studies of H.Christoffersen [13], who focus his analysis on changes in political and administrative roles after the amalgamations.

The other aspect of these studies would be the analysis, what patterns of council-mayor roles is more conducive to the achieving the consensus whether on not to merge on the one hand, and is promoting or restraining the post-merger reorganizations, on the other hand, if to take into account that most concrete decisions about the internal structures are made after formal mergers. This would

be also an analysis of *post-merger strategic capacity of new authorities*. Obviously, where the council and political considerations dominate it would be much complicated to make policy decisions and implement them in comparison with those local authorities where the mayor have direct mandate to executive authority and primary role in shaping the policy decisions. This is also true in case of amalgamation negotiations, where more elitist patterns ease the achieving of consensus [11].

But on the other hand, the latter institutional pattern is more conducive to simpler and fast decisions that might neglect new complexity and does not give enough time for mutual adaptation of community cultures, habits and strengthening intercommunity networks. In sum, this aspect of impacts of amalgamations is not still received enough attention, but it can have very important practical importance in planning and managing amalgamation process.

The third aspect of structure of roles is differentiation or, on the contrary, fusion of political role of executive vs. administrative-technical role of civil servants. The fusion of roles we can observe in small communities where party politicization of local life is low and relations between actors built in ad hoc basis and are informal. Here we approach to the new dimension of local governance structures: on vertical decentralization and division of governing and service provision roles, which is main focus in our last chapter.

The last, actually in the policy documents the most frequently considered aspect is the structure and roles of civil service which is changing considerably and might be most easily described in the course of mergers. Special attention to this aspect is caused by the need to ensure enough employment security and support of unions to the amalgamation that is very important in Nordic region where unions are core partner at achieving any consensus [10].

The other side of coin is, especially under certain politico-administrative pattern of local governance, that civil servants might be actually the most serious and frequently hidden opponents to the amalgamations. The ambiguity of their situation at amalgamations is not less and in certain dimensions – especially in sense of changing professional requirements – even more serious. For this reason in amalgamation process there has been too much emphasize on status quo and security issues, but we do not met effective strategy that makes former officials more competitive and capable, and changes incentive structure of their work after mergers.

2.2. Structure of local service provision organizations and actors.

This dimension of structure is well elaborated by G.Bouckaert in seminal paper [7]. In historical outline he and associates have developed the framework that differentiate main actors - public service providers and organizers of local life - depending on their proximity or their autonomy vs. core government, on

the one hand. On the other hand, they differentiated relations between those actors depending on the role the core government and actors play in their interrelations. After cross cutting with the first dimension four basic structural configurations of local government structures were described: the holding model, autonomous networks, implementation model, and re-integration model. Obviously these types do not realize in practice in pure form, but main trends defined in this typology can be traced as a basis for restructuring of organization's and actors relations in the new municipalities. Besides, the typology enable to follow also the impact of specific configuration on main government actors – council and administration – roles in making and implementing the local policy i.e. to develop continuum between government and non-government actors. Hence, the understanding of vertical division of service delivery roles elaborated by N.Flynn [16] would be also useful. Nevertheless, the actual problems in restructuring local public organizations after amalgamation, as Estonian case will indicate, is more complex, at least in medium-time period, because the spatial structure and differences in culture and habits in different communities must be taken into account, i.e. solutions cannot be universal and instrumental, at least in some period.

2.3. The spatial structure and perspectives of integration of new social space.

This dimension becomes meaningful and need new solution in case the first tier is formed on the basis of small regions, like in Denmark, Latvia and presumably also in many Mid and Northern Finland [19]. I.e. when because of the large territory the internal diversity of municipality can be high and distances between communities large. The spatial structure of municipality must ensure not only physical accessibility of certain individual services, but also enough effecttive communication channels and enough density of social contacts in horizontal community level and also in vertical dimension between organized civil society and integral institutions of municipality as a whole. The regions as the first tier of local authority cannot be formed at the expense of dissolution of primary communities and abolishing internal diversity of local life.

The first, different forms of decentralization may increase the autonomy of organizational units vs. authorities (core government). This does not ensure, however, physical accessibility of individual services to and, what is more important, feedback from customers as necessary precondition of accountability in case of considerable decentralization of service delivery [16].

The second, the social integrity cannot ensured simply by perfect roads, e-networks and other media. The effect of local self-government in general is that it is able horizontally to integrate all aspects of local life into integrated whole or space to ensure the general quality of social life and to put an individual at the very focus of government. This integrated space (vs. atomization) is neces-

sary condition of the quality of life also in the age of multiple identities. With the concentration of authority and certain tasks at the centre as a result of amalgamations the need for the formation of those points of integration not disappear. This integration must be achieved at lower levels that might or might not coincide with centers of previous municipalities and also include the level of primary community (village, settlement), that is usually promoted by local civic initiatives. I.e. institutionalized (in some forms) space or arenas for discourse and communication, and general coordination of different services at lower tiers of municipality must become an integral part of new system of governance. Otherwise local life could atomize as profoundly as in city areas of mass construction. But at the level of local rural community there is no substitutes to lost identities.

These arenas as attractors of local activities can serve as effective channels of interests, problems and information *input* from multiple communities in order to develop effective governance networks. At the same time, one must not overestimate the self-activating capacity of individuals and capacity to retain organized grass root collective actions over time without additional external inputs [2]; some ways of coordination and triggering activities from above (also from regional networks of actors) are needed to retain active civil society at the grass root level. For this reason, especially in municipalities which occupy after amalgamations large areas, *a multi-layer or level governance* is needed and institutionalized centers of coordination and discourse must be retain in one or another forms.

3. Framework for the analysis of amalgamation process.

Amalgamations are considered, especially in the literature that is not supportive to them, as some *universal tool* for reshaping of local life. Actually single amalgamation reforms are very unique and different variables are determining their specific. In this chapter we expect to demonstrate main variables of the amalgamation process and to delineate some general directions of impact of specific of this process to the structural outcomes.

The central variable that is determining directly or indirectly the impacts of other factors in amalgamation process is the role of government (or higher authority) in initiation and especially in mediating the process, or whether amalgamations are **primarily top down or bottom up**. But, the to-down does not mean compulsory (vs. voluntary) because the role of government in never primarily to compel participants of the amalgamation process strictly to follow directives. At bottom up style, the amalgamations can be general government policy, the government can establish some set of normative requirements to be followed by those municipalities, who are willing to join, because as minimum mergers must change the patterns of official boarders, names of municipality etc.

(Issue of names of future municipalities is frequently one of the most debated.) Usually, like in case of Estonia, these are guidelines are minimal precondition that the amalgamation will succeed. So, even in almost completely bottom-up amalgamation we can speak about more or less indirect influence of government on that process. On the other hand, strictly compulsory measures and solutions are impose by the government when more or less bottom up amalgamation in the region has been jammed because unsolvable conflict between different sides [39]. The government has always more of less explicit mediating, facilitative role in the process of amalgamation, and I would just emphasize that role, because in Estonian practice this mediating role – even in initiating debate or offering some tentative basic ideas - is considered as intervention to the local autonomy and violation of European Charter of Local Government. As soon as municipalities are mostly loosing from weak involvement of government as mediator and this has profound impact also on the other dimensions of amalgamations, let's return to this role back a bit later.

The second, in their analysis of amalgamations in Nordic area [1] expected that the other continuum - *political rationality vs. technical rationality* – that characterised the ideology of different Nordic reforms in 2000s, is the most important in determining specific of amalgamation. In the framework of p*olitical rationality* paradigm key actors see amalgamations as a tool for increase of power resource of key actors and / or restrain channels of influence and authority of other actors. In this case the arguments for and contra amalgamation are largely ideological, the generally accepted beliefs and simple statements, these arguments focus on contrasting the inappropriate past and promising future gains. For this reason key actors can rather easily defeat resistance and opposition and carry out overwhelming reform within short time-limits. I.e. not so much top down direction but specific style of arguing that would be decisive in mobilizing the support. In the other end are amalgamations that draw largely on *technical-analytical arguments* in justifying needs and in demonstrating feasibility of mergers and probability of success. In these cases *previous experience* and analytical details play a more positive role as arguments that trigger or restrain of amalgamations process, and future is considered more than source of threats, uncertainties. I.e. those reforms are very careful, focused on details and not "great changes", often backward looking in their argumentations (providing many guaranties), often they failed because cannot provide enough justified solution with enough low risks, or changes are very moderate.

We evidence for how important becomes general difference between bottom up style that is emphasizing autonomy and status quo, and top down reforms that can – due to the specific role of government mediation – promote rather profound strategic reforms under the cover of administrative territorial reforms.

At the reforms where the government is political the trigger the decision about reform are made by parliamentary majority and hence can use much effectively different political and economic tools (sometimes open pressures or incentives to the fiscal basis [39] to convince the majority in the successful future. If the government uses technical-analytical style it commands also significant resources and elaborates extensive analytical studies. In case of top down political amalgamations local actors can, after the decision about the format of amalgamation that is made at the earliest stages of the reform, at following stages focus more on the planning and designing of institutions of governance of new municipality, i.e. to the future issues.

At the bottom up reforms the actors who decide whether to launch amalgamations and what are its conditions (price) are not political parties that can form already at the initial stage some majority and rely on some coalition discipline, but representatives and dependent on the (frequently changing) interests and fears of their home communities, which they *must carefully follow* at negotiations within the whole period of amalgamation process, although leaders himself might have similar party affiliation and common ideological understandings, but those considerations as a rule remain behind the closed doors. Therefore, *the first*, the whole process of amalgamation, from the very idea to launch negotiations up to the elections and consequent reorganisations, is to large extent the open ended zero sum game of multiple actors, who can impose their own vetoes and to bargain decisions that retain status quo or obviously favour only the interests of their own local community that might be contrary to the interests of the new enlarged municipality. In facing the perspective not to achieve its selfish ends, the even the weak actors can veto the negotiations with warning to break up the process. For this reason the amalgamation process is cyclical, with ebb and flow, they interrupt and then will be restored.

The second, elites that initiate amalgamation do not have analytical competence and resources to develop detailed expert analysis for the discovering and justifying gains and form of amalgamations. They as politicians have rather simple ideas, but that are usually concerning threats and weaknesses. What play key role in reasoning for and against, or in defining municipality's interests that must be followed during negotiations were the past practical pressures and conflicts, sometimes a very individual reasons (sympathies) that push elites to the negotiations, and established and customized practices of the past that frame the negotiations. Those practical facts are very often generalized into standard beliefs or myths about possible uncertainties or even negative consequences that might accompany the amalgamation.

I.e. when political rationale in case of top down reforms ease the achievement of agreements and orient the reform to the future (let them often be unrealistic gains), the more the reforms are bottom up and less mediated by the party

compromises (vs. insistence on the particularistic interests of community elites and fears of the electorate), the agreements is much difficult to achieve and they are to large extent looking to the past.

The third dimension of amalgamation reforms is their scope, i.e. the extent to which the reforms actually are changing local government arrangements as compared with changing simply jurisdictions of municipalities. During the bottom up reforms, when individual and often spontaneous initiatives are launched to form larger units, no general reforms are initiated in the country or the state. Unless participants do not initiate profound internal structural reforms, the scope and the effects from amalgamations would remain rather weak and restrict the process with the simple change of boarders.

The top down reforms are usually targeting for more profound reorganisation of central local relations. At two recent reforms, in Denmark and Latvia, the reform was targeted not so much on changes of boarders as towards the reorganisation of municipalities into regional first tier local governments, which entails tremendous changes in structures of their activities in vertical dimension as well in internal dimensions [12]. This stance in enhancing the competence and power resource might *per se* play rather important role in achieving the consensus among local leaders. In Finland the reforms were launched more in parallel and are more focusing of the defence and preservation of community identities, and thus are more bottom up reforms [1]. But nevertheless even if the general redistribution of competences and tasks are not planned the enhancement of the scope means that former joint organisations and networks that were managed on the basis of inter-municipality cooperation must be integrated into municipality's economy at completely different basis. I.e. the amalgamation result in comprehensive reorganisations.

The fourth is the directing and mediating role of the government in promoting negotiations between the municipalities. I.e. the role that do not make the process top don't per se but makes in interactive and consensual. Here the role of government might be different. It can be simply pacify of conflicting sides that may paralyse the very process of amalgamation in the region. At other cases the government restrains itself with the tasks to reach the compromise about new boarders of municipalities, and later on his role is the facilitating the consequent process by legal or other advice, for instance to develop extensive measures of ensuring the job security, as in case of Queensland reform [46; 47].

In many cases the government let many aspects of future for the analysis and decisions in details to municipalities themselves. Government acts in this role not only as advisor, but as some kind of *guarantee and uninterested arbitrator* between different interests. We know from textbooks that completely competitive negotiations (voting) even if there is explicit rules will result in suboptimal outcomes. With its mediator's role, the government establishes on the

one hand some institutional frames (or restrains) to negotiations and discussions, which are frequently chosen or at least approved by the municipalities themselves, but which can be simply establish the rules of the game. This frame, let it be always not appropriate, structure the in certain way choices and seed out arguments and possible scenarios that can reshuffle all the agenda of negotiations. On the other hand, besides structuration of choice there is need on the mediation or representation of neutral opinion when at immediate negotiations it is difficult to find consensus. Presumably this mediator's role is much sophisticated and could contain other prefect possibilities to institutionalize in some was the process of amalgamation at different stages, and this variable need much serious analysis. But here, in Estonian case, the most important is to realize what happens, if this role of the state – which is **not at all** turning it into top down compulsory process - those restraints are absent.

The result is, as we see in detail in next chapter, the focus and reference of negotiations not only to the past issues, but to the guarantees of preserving status quo to the participants of negotiations. I.e. participants themselves restrict the scope of possible changes to postpone important decisions and, probably, to learn more from the very practice. Sometimes experts are used by them only to define the neutral position. This minimalist stance might not be deficient in the long time perspective, if the aim is to rely on future learning. But as Estonian practice indicates the actual changes even in longer perspective are very incremental and the transfer of past practices of small municipality to the new context is relatively high. So, the first step is to give up the understanding that mediation is intervention, but rather that it is facilitation to come to optimal results at amalgamations.

The fifth variable that deserves much attention, is the role of **transition period**, the period of reorganisations which mechanisms must be studied very carefully. Here we can meet very different approaches and attention to different variables. In official papers and guidelines [45] the period of deciding and preparation for the implementation is considered as transition period that is finished either with the elections or with the transfer of powers to new council [19; 1]. Even at this interpretation the duration of amalgamation process is rather long and presumes a very high political consensus and flexibility. In Denmark from the announcement of the first government conception (2001) to the abolishment of parallel councils in 2007 (that existed in 2006) takes eight years. In Latvia the Law on amalgamations was adopted already in 1998, and after consultation, amended from 2005 several times, until in 2008 the new units started to emerge. The process finalized formally after the municipal election in June 2009. I.e. it takes in case of very decisive reforms almost the decade.

The other position is indicated by Christofferesen and his colleagues [11] are presenting impressive study of the transition logic of the amalgamation in

Bornholm at the beginning of 2000-s, which contains 4 stages. To reach the adaptation stage – stabilisation after the new council takes in charge - takes two years in case of small and very logical reorganisation. These authors are primarily analysing *the implementation of changes* in internal structures and – as soon as formal mergers have finished – they are searching critical links and new solution in the myriad of challenges and possibilities. This kind of studies makes us informed about internal changes and dynamics after mergers. Nevertheless I think these studies must be more interdisciplinary and need to look at more long time-horizon. Classic or organisational changes J.Kotter [22] expected that profound, frame-breaking reforms – even those that are relatively well prepared – would take 8-10 years. Or, as H.Christoffersen himself expressed: „is important to realise that the date on which the new local authorities enter into force does not represent a fixed cut-off date, but, in many cases,rather a start-up date for reorganisation and managerial reform' [13, 78].

What is important (Kotter) is the strategy of institutionalisation of changes, i.e. their reflections on attitudes and cultures of individual managers as well as community members. Technically rational changes may provide unified solutions in situation where main question of sustainable change is in cultures and habits. Many reverse effects to the economy or democracy [28] may derive from those instrumental approaches. To these dimension I would like to pay attention in following parts.

4. Estonian specific and amalgamation policy

4.1. General institutional context of amalgamation in Estonia.

The need for larger local government units in Estonia was inevitable outcome of specific of emergence of local government system during transition [36]. The new democratic legal framework of local governance in Estonia was created in 1989 before the regular elections of local Soviets. The reform was inclined on values of *protective democracy* [17]: maximal autonomy was at the forefront of the reform as the guarantee against the intervention of central authorities and was conceived primarily as the development of alternative democratic structures to the central government that was then still under the control of communist centre. In 1993 the reform continued in the period when economic, social and political crisis caused by the transition to democracy and market economy have reached its bottom. In order to spread possible risks and hard pressures to the central government, the reform even enhanced the autonomy of local authorities vs. central government granted in 1989, but without providing enough strong tax and revenue basis. Besides, municipalities inherited from central government assets and infrastructure that was to large extent physically and morally out of date.

The 1993 reform abolished regional (county) self government mainly for political reasons[4] and replaced it with powerful county governor appointed by the Cabinet. Due to the lack of capacity of manage tasks that presume larger area and capacity, county government take responsibility of many local government tasks, which role increased.

Estonian local government units are not very small by the size of population, as compared with other CEE countries.

Table 1. The size of local government units in selected new EU member states

Country	*1*	*2*	*3*	*4*	*5*
Estonia (2007)	227	6005	15.4	31.4	191
Czech Republic	6230	1659	79.8	131	12.7
Hungary	3127	3242	54.8	108.9	29.8
Slovakia	2875	1874	68.4	109.9	17.1
Latvia 2008	118	19219	0	35.1	547.4

Notes: 1 - Number of municipalities; 2 - Mean number of inhabitants; 3 – Municipalities below 1000 inhabitants (%); 4 - Density of population per mean density of inhabitants in km^2; 5 - Mean area of mean area of municipality (km^2)

Sources: Calculated by author; [20]; Government websites of appropriate countries.

But they occupy relatively large area (200-250 sq. km). This restrains the access of citizens to public services and contacts with local authorities even without amalgamations. The central task of local authorities is to provide primary and secondary education. The role of education expenditures is ca. 50-60% in rural municipalities. Majority of rural local governments do not have full secondary schools and also facilities for more specific services and target groups with special needs. Local authorities in these municipalities must buy those services from larger municipalities, which have or are town centres. Or not to buy that is happening not rarely especially in case of very specific need. The consumptions of these services by inhabitants of neighbour municipality has not been usually a result of inter-municipality agreements but resulted because spontaneous pendulum like mobility of inhabitants, frequently accompanied by the employment mobility. Such spontaneous service-mobility caused, especially in 1990s serious frictions between provider municipality (town centers) and receiver municipality (surrounding rural areas) first of all over the real costs. This was one of basic

[4] *County level was in CEE as a rule a stronghold of reform-communist elites. In countries where the opposition was in charge of LG reforms the priority was given to the new – municipal tier – of local government, and vice versa, in countries where local government was shaped under the domination of reform communists – like Lithuania, Poland – the county become a basic level of local self-government. In Poland the lower tier was created at the end of 1990-s.*

reason that forced local leaders set at the negotiation table, where the first experience of negotiations was received.

The intensive inter- municipality mobility and communication is usually creating common public space and would ease the tight cooperation between municipalities and positive attitudes and arguments for mergers. But in Estonian soil this did not happen as much as expected. Instead of cooperation between autonomous municipalities the aim of community's self-sufficiency and rivalry (including political one) between municipalities prevails.

Estonian municipalities are organized into regional associations that are rather active in regional life. This is usually given as an example of close cooperation. But the development of regional cooperation plays actually not primary role (with some exceptions) in their agenda and institutional identities. The regional LG associations started already in 1990-s to compete with the county government over the influence and primacy in the region. Backed by the central government the started to claim the right to take over all regional (county level) service delivery tasks, that were let to the county government after the second tier of self-government was abolished (in 1993), together with finances and staff.

But the LG regional associations were per se representative bodies to coordinate activities of municipalities. They did not command the necessary capacity and status (as non-profit organisation). This caused the vacuum in central-local relations and weakening of the bargaining power of local authorities themselves and their associations. For, county governors despite being government appointees balanced the interests and pressures of central government vs. local and regional government in policymaking during 1990-s. In this context the central government started to promote centralizing trends also in relations to municipal authorities. The first step was the centralization of state investments distribution in the hands of ministries, which before was coordinated by the county governor. This measure as well as other centralizing trends fuelled the competition between local authorities over these resources and intensify pork-barrel politics in central-local relations. This trend further restrained the enlargement of cooperation and development of direct institutional contacts and communications between neighbour municipalities. True, municipalities in our case who intended to merge, started to coordinate their investment applications, that considerably reduced the duplication and un-perspective investments before the mergers.

The relatively difficult path of amalgamation is explained also by the very strong *community identities* in existing local area and the fear of small rural communities to remain internal periphery of the local government in larger territory. There are also other widespread and uncontested public truths, actually myths, that are restraining the very idea of amalgamation. Actually there are at least two main reasons or fears of non-acceptance of enlarged municipalities by inhabitants and local elites. *The first*, community members as well as local lea-

ders, do not have any idea of service provision structures and mechanisms, as well as democracy and participation opportunities in larger municipalities. Such kind of research is not supported. The readiness to be involved into amalgamation is not coming simply from some prefect plans or reform projects, but derives from practices of actual cooperation, from the practice of harmonizing local cultures. The role of cooperation in developing precondition for mergers and facilitating the development of new mechanisms of governance is emphasised very frequently [39; 43; 28; 1].

In Estonia the institutional context has not been conducive to the development of complex forms of cooperation, the formation of different joint boards, service organisations and development projects of larger areas. This practice has not been the factor of the development of supportive attitudes of inhabitants towards the amalgamation [35]. *The second*, community members and leaders in small municipalities value – despite obvious deficiencies – the established personal-paternalist and guardian like patterns of local politics and management, that has quite strong roots in past (not only communist past). Mergers presume the erosion of that customary pattern of corporatist politics. Besides, amalgamation is rather effective tool in weakening of the uncontested domination of single local leaders and for the development of political pluralism at local level. Local elites are not ready for the change of this model of local politics, or better, they are not ready to tolerate uncertainty that the new patter of local politics would create.

After the membership of EU the situation changed. Smaller local units cease to be eligible for EU funding because they did not command enough recourses for self-financing. This trend deepened with the economic recession that started in Estonia 2008. The second, demographic trends in Estonia reached the point when the number of pupils at schools started rapidly to decrease. Many municipalities have or must decrease the school-level from basic school (9 classes) to elementary school (4-6 classes) whereas the general expenditures of school management do not decrease in the same proportion. In the period of 2005-2007 which our research focused, municipalities enjoy annual increase of budget ca. 15%. In 2009 the decrease of budgets can be ca. 15-20%. So variables that promoted decisions of more forward looking local elites in 2005 might become widespread as soon as economic recession deepens.

4.2. History and logic of amalgamations in Estonia

Already a year after the adoption of LGA of 1993 – i.e. in 1994 – the Riigikogu adopted a general act on Support to Amalgamation of Local Government Units [48] and in 1995 the Act on Administrative Division of Estonian Territory [49], which provided rules and mechanisms for amalgamations. From this time the process of amalgamation was continuously regulated by the government.

The last version of the law on “Support of amalgamation of local government units” was adopted on 2004.

In Estonia since 1996 there have been 49 municipalities (19%) from the original total of 256 that have decided to form joint local administration. As a result there are 227 local government units in Estonia by 2008. Majority of amalgamation were mergers small townships and surrounding municipality. More complex mergers started in 2002. But as we reveal these amalgamations did not caused profound internal reorganizations first of all because of specific – completely top down initiatives – of Estonian amalgamation process.

The ideology of Estonian local governance and existing legislation does not enable compulsory, top down amalgamation. Step by step the sophisticated legal and management mechanisms of amalgamations were elaborated by the government, among them the compensation of direct costs of this process. But already in 1998 the government program of local government reorganization included the voluntary transition period and the period of compulsory amalgamations. I.e. an understanding that completely bottom-up style cannot achieve expected results and outcomes emerged very soon.

In 1999 the new government took a very active stance and triggered the process of overwhelming top down amalgamations. A very impressive reform organization was developed. The process of planning of redesign was made as consultative as possible in this situation. For this reason the majority of the autonomous community leaders accepted the idea of reorganization.

The central authorities did not have a clear idea about the concrete number and configurations of the new units and did not link the territorial redesign with the redistribution of responsibilities. The government officials started to revise solutions – obviously – because of direct bottom-up lobby of single municipality leaders. I.e. the redesign became somewhat politicized and a bit too compulsory that resulted in the last period in opposition of most municipalities and counties to the *concrete formula* of amalgamations. Just before final decision to launch the reorganization in 2001 the Reform Party, the liberal partner of governing coalition did not agree with top down amalgamation. The territorial reform failed.

Hence, in Estonia has been established the amalgamation procedure that presumes non-intervention of state actors and even local government unions (as it happens in Nordic area) and the complete initiative of local authorities themselves. The government has established some formal requirements. The first part emphasize the completely voluntary character. Only one council can make initial proposal to start amalgamation negotiation, and if some of actors refuse to participate after that proposal, the new proposal must be made and the process will start anew. (This happens in two from our four cases.) Before the conclusion of amalgamation agreement the survey (not referenda) must be held,

that is not obligatory, but usually the result of survey is binding. The amalgamation agreement must be accepted and signed by all sides. The law prescribes also the high publicity and transparency and the organization of research on the feasibility and possible outcomes of amalgamations. The second part prescribes several formal procedures and documents that must be completed unless the application will be handed over to the county governor. I.e. although Ministry of Interior actively consults negotiations, actually the amalgamation process is supervised by the lower authorities, and the government only gives formal approval to the change of boarders etc. Besides formal requirements the amalgamation agreement must contain draft changes of statute and other acts, the structure of local administration and staff and other public organizations, solution of issues concerning local organizations, budgets and financial obligations. I.e. besides the last annual audit of local budgets, the pre-merger process must presume the development of full picture what is actually happening in public organizations, with their finances, service provision and financial contracts etc. The actual life, however, enables only to follow a very formal format of that requirements, that makes post accession period especially challenging: not only in sense of finding new problems concerning amalgamations, but also finding old problems, that would make real merger, the emergence of fully integrated municipality especially long term and difficult enterprise.

The main question of the preparation for the real merger is first of all an issue of time. The amalgamation process is strictly bounded with local elections that makes, besides the very political character of negotiations, the amalgamations even more politically determined. The decision (proposal) about amalgammations must be made one year before consequent elections. The amalgamation agreement must be decided half year before, i.e. in April. In this time the electoral campaign has been launched and local authorities are focusing before elections (in October) mainly on routine issues. I.e. before elections one can hardly expect real preparation of amalgamations. After the first council meeting (November) the new statute is adopted, the Christmas period do not enable enough actively to promote specific and even urgent activities concerning real mergers.

The next issue is the very content of agreements achieved. In general this is agreement:

(a) to continue the management of local affairs in former municipalities as mush as possible like previously; all agreements in our case study contained special provision not to start reorganization of structures of local service provision after amalgamation for four (one case for two) years.

(b) to continue to make in foreseen future the investments to areas of former municipalities on equal basis, not departing from the feasibility of the whole municipal area;

(c) to ensure as much as possible the continuity of staff;

(d) concrete measures to ensure services for areas that are remote from the center. I.e. these tools creates rather strong measures to hinder the emergence of internal peripheries.

We already analyzed why Estonian amalgamations are so conservative and backward looking.

4.3. Research and methods

Our empirical study was carried out in 2008 spring-summer in the framework of the project launched by the Ministry of Interior (Estonia). The case study of **four** most complex amalgamations of municipalities (14 municipalities merged into 4 new municipalities) was done.

Table 2. The size of municipalities after amalgamations

Municipality	*1*	*2*	*3*	*4*
Türi	4	600	11 256	18,8
Saarde	3	707	5 016	7,1
Suure-Jaani	4	746	6 200	8,3
Tapa	3	263	9 115	34,7

Notes: 1 - Number of old municipalities; 2 - The size of new municipality km^2; 3 - Number of inhabitants; 4 - Density of population ($p/km^{2)}$.

In our study we applied as much as possible the replication logic and embedded *case study method* was applied in research design and analysis [40]. For this purpose at the preparatory stage we composed *firstly* the questionnaire of source of information on the amalgamation process that might be found (or were preserved) at former municipalities (including former websites) and discussed it with current and former CEOs, who actually collected all these data and materials. *Secondly*, we composed questionnaire for interviews and debated it in each municipality at focus group interview, to use the limited individual interview time most efficiently to receive as much as possible comparable material for replication. Supplementary 19 interviews were made. *The third*, we composed data archive that contain all information about administrative staff and councillors (ca. 600 persons) to assess changes in the staff. *The fourth*, the questionaire for indicative feedback survey was composed and the poll was carried out among new councillors (N=39), administrative staff (45) and citizens (53) [Referred 42]. This indicative survey did not aimed to give fully valid representtative data, but to confirm general trends and conclusions we received in the data analysis and interviews. The comprehensive research report was presented together with policy recommendation [36].

5. Impact of amalgamations on patterns of local governance institutions

Amalgamation negotiations as well as amalgamation agreement do not let much room for analysis and debates about general institutional patterns politico-administrative actors: the future roles and status council, and relations between council and executive. The only issue that was dealt with in amalgamation agreement was the structure and number of staff and number of councillor that is prescribed by the Law on local elections. For this reason, the amalgamation negotiations did not influence directly almost at all the basic configurations of local governing institutions. Nevertheless the spontaneous impact on these institutions was tremendous, unexpected and they created during some period even confusion.

We consider here the changes, firstly, in the role of council and councillors in the policy process vis-a-vis chief executive (mayor and its cabinet), secondly, in the roles of chief executive and the Cabinet, and the third – in the roles and tasks of civil local servants.

5.1. Changes of role of local councillors and Council

The main debates at negotiations were focused not on changing roles of councilors and of the nature of the Council in future, but on the possible negative effects of mergers to the contacts between citizens and authorities and of politicization of local governance. Close contacts and lack of policisation was seen by the majority of actors to be the main advantage of governance in small communities. These leaders who represent small communities that had pluralist patterns of representation did not feared such developments. Instead on focusing to possible reorganizations of the new council-executive relations, fears *about disappearance* of old practices dominated at the amalgamations negotiations.

The second important issue at negotiations was the continuation of political and administrative career of local politicians and key civil servants. This issued did not occupy much space in negotiation documents. The law on amalgamation presumed the definition of structure of future administration. But as hidden agenda it determined to large extent the content of many other decisions, for most key positions were agreed on personal level informally. Most of these agreements concerned civil servant's staff.

Politicians were, in comparison with civil servants, in a very ambiguous situation. This is not simply because of the forthcoming elections where they may not ensure incumbency. The main challenge for political elites was the (unexpected) change of party-political landscape in the new municipality and the uncertainty about electoral behavior of electorate. Those changes might erode the traditional electoral basis for local elites and in changes of electoral behavior, which force to redesign completely the strategy of elections that was elaborated during many years. Besides, local elites from rural areas feared that elections will result in prevailing elites of larger towns at councils. Those fears were rat-

her strong arguments and possible veto points at negotiations. In order to restore as much as possible the previous practices, in two of our cases were established internal electoral districts that by and large coincided with former municipal boarders. There was planned to hold actually several elections which give certain number of mandates from districts. I.e. geographical, not political principle was put in the basis of elections.

In both these cases surrounding the town municipalities were in strong bargaining positions, although, for instance the increasing distance between citizens and authorities can not be argument for these elites because the local government office of surrounding municipalities located in towns, in two cases even in one house with town office. The first of them was the area where town centre actually dominated, but in the second area the size of municipalities was equal. In the latter case in rural municipalities there was no actual electoral competition and one electoral union dominated or even got all votes at the previous elections. I.e. necessity to form the electoral districts was largely rhetorical tool in power game and in intention to resist as much as possible to the disappearance of traditional corporatist pattern of local politics and government.

These elections produced un-proportional distribution of seats at the council in favor of those districts where one electoral union or party has overwhelming support; (national) party caucuses that have equal performance in all districts become underrepresented, because they loss votes to dominant local parties in small districts.

Table 3. Results of election in Suure Jaani municipality

Party/ union	*Lists in other districts*	*Proportion of votes*	*Number of mandates*	*Proportion of mandates*
Electoral union	0	25,3	7	33,3
Electoral union	0	20,0	5	23,8
Res Publica	0	9,0	3	14,3
Pro Patria	2	16,1	3	14,3
Centre party	3	16,0	1	4,8
Rural party	0	7,5	1	4,8

Source: [41]

In municipalities where the position of similar veto players was not signifycant or was absent the elections were held in one district and resulted in proportional results and in winning of parties that had support in all municipal areas.

Besides un-proportionality of elections' results, this innovation as outcome of negotiation process resulted in two important trends in implementation.

The first, council members in Estonian (local) government system are much weakly bounded with mandate and are playing considerably less the role

of input from community to council (delegates roles) than in conventional council-mayor or committee patterns of governance [34]. Instead, their focus much intensively on the roles of policymaking and ensuring political accountability of mayor (role of governors). But this trend is strong in larger municipalities. The introduction of electoral districts in new municipal sub-regions might preserve the role of new councilors towards the delegates role as in small communities and may bias the representation of specific interests of intra-municipality area and reduce their role as governors, i.e. strategy makers and political check. Meantime, the new council that emerges after amalgamation ought to – on the contrary – to strengthen the governor's role and – as feared by opponents of mergers – to weaken the personal links of council members with individual citizens.

Our survey indicated that primacy of representation of area / village interest in very high, and especially among councilors of municipalities that used internal districts at elections. As much as 88-89% of councilors identified themselves with that pattern of representation, whereas in other two councils which did not use the districts this pattern of representation was thought to be dominant by 50% of councilors in Tapa and 68% in Saarde (the smallest municipality after the amalgamation). Meantime the contacts with concrete citizens and their current needs weakened for 46% of councilors, but much less (33%) - in municipality that used district system which gave most un-proportional results. So, the use of district as the specific guarantee, restrained the changes in council and councilors identities.

The second, in both municipalities where internal districts were applied the elites from *rural municipalities* got majority and the politicians (and key civil servants) from town were let in opposition, many form them left local politics and government. This has considerable effect to the immediate style of reform implementation and to the emerging politico-administrative culture of the new municipality[5]. It is because the former leaders of small rural communities that practiced traditional corporatist style of local politics and administration faced in charge of new institutions urgent tasks which *scope and complexity* was absolutely different, as some of them expressed, inconceivable, as compared with their previous experience. Besides, as soon as concrete patterns of organization and management of the new municipality were very weakly prepared the new leaders faced immediately also needs to develop at least some new solutions on structures and management practices in the new situation. This change for leaders from small municipality was too profound to handle the problems at the first period in office. Even in new municipalities which leaders have experience of management of relatively large town centers were surprised by how radical

[5] *We must not forget, the ideas and management style at the birth of organization can play important role in the formation of organizational identities for long years [18].*

was the shift of policymaking and management roles. So, here we face a rather important internal restraint, even emergence of temporary gap in policymaking and management, that is to large extent caused by agreements that most of all tried to preserve previous practices.

Usually the emergence new party or leaders increases voter turnout because at routine elections the incumbency of core elites is high and party life / competition is sleepy. Surprisingly, at election into the new council in 2005 the voter turnout was lower in all municipalities (dropped from 55,9 in 2002 to 40,7 in 2005), and the most profound decrease of turnout (17-18%) was in peripheral municipalities. I.e. citizens who might loss most of all from amalgamations demonstrated lowest interest in voting. This might support the thesis that amalgamation is to a great extent business of "mayors club" [25], but confirm also the thesis that the decrease of voter-councilor rate (from 6,9 to 2,9 councilors per 1000 inhabitants) might decrease the interest of citizens in local politics [26]. But it can evidence, vice versa in qualitative shift in other dimensions of local politics as in our case.

The most immediate and profound impact of mergers was the change in the role of party politics and in the roles of councilors.

Table 4. Assessment of changes of councilor's work (%, N=52)

Question	Surely	To certain extent	No at all
There is more politics in council	34,2	26,3	39,5
There is more time needed for the work as a councilor	51,3	35,9	12,8
My personal contribution in the council's work is reduced	5,1	33,3	61,5
The amount of work in commissions is increased	51,3	28,2	20,5
I can more focus on issues that are specially interesting to me	23,1	64,1	12,8
Civil servants help more effectively to prepare issues for council's meeting	35,1	51,4	13,5
There are less contacts with citizens in dealing with their individual needs	10,3	35,9	53,8
Relations with councilors are more formal	5,3	50,0	44,7

Source: [42]

Councillors in new councils faced the different structure of tasks: the shift was from concrete, single issues and events that need the urgent solution and that concerns or interested everybody, on the one hand, towards the general policy issues that need higher professionalism and must be firstly analysed and ironed out before the council meeting, on the other hand. In general the workload of both, councillors and also civil servants markedly increased. This has caused rather large confusion of as well as not very justified tensions between these two actors. But it seems to be a general first reaction of councillors [28] as well as civil servants to so rapid change. As the result of increase of the general workload as well as professional sophistication of issues, councillors have started to specialize on certain issues where they were more professional and to refrain in other issues. This enables to make debates at the council more targeted and professional. All this indicated the trend towards the more structured policymaking process, towards the clearer definition of roles between politicians and civil servants, but also between rank and file and leadership positions. Our interviews indicated the increase responsibility and open accountability of politicians / civil servants on affairs that formerly were solved ad hoc in informal groups and timetable. This, on the other hand increased the competitiveness of policymaking in council or its politicisation. The commissions and factions at council started more frequently to send back or postpone the discussion of government proposals by technical reasons as well as because necessity of supplementary study. Nevertheless, this structuring of issues and actors at new enlarged councils is far from being complete, and councils can sometimes within hours deal with the issue of car leasing. It depends to some extent on the size of municipality, but first of all on the policymaking style of new elites.

The other trend is the delegation of issues of general nature to mayor with a right of final decisions. As soon as discretion to do this in Estonia local government system is very large, councils stared to prefer diminish the status of legislative act in order to be formally adopted by the local mayor cabinet. Many certain type of decisions that formerly was adopted by the council one can found in the list of government decision.

5.2. Changes in the structure of executive and administration

In Estonia the local government cabinet must be appointed by the mayor and to receive consent to these appointments from the council. There is no general agreement about the nature of that government, but one is clear that these are political appointments. It is general trend that in larger municipalities with intensive party competition the government is appointed from prominent members of community or party leadership to gain more professional and political support to the executive vs. council. But in smaller municipalities mayors, who are enough powerful actors in local politics prefer to nominate as the members of

government cabinet key figures from civil service staff. The latter are turned temporarily into political appointees and return to civil service position after resignation of the government. This is obviously community-corporatist tool of governing by mayor. In our study of pos-merger changes (accounted also other mergers in 2002, 2005) only in two from ten municipalities political cabinets were established. True we observe the other trend: persons who held the post of mayors or the head of council in former municipalities tend not to be elected as councillors, but appointed after the elections as top officials of the new government, and hence, to acquire this quasi-political status. Here the agreements at amalgamation negotiations prepared for those political elites the more safe landing than unpredictable elections. There was the other transformation: political representatives from former municipality areas become to be appointed as member of the new cabinet, especially in Tapa and Saarde (which did not use the district system). But in general, the pattern of political executive did not change after mergers. This can explain also some implicit tensions between council and administrative staff, for their roles are not appropriately mediated by the new mayor.

There were much planned/ unplanned qualitative changes among **civil service**, and some expected (of feared) changes appeared in the limited extent. The changes in the structure of civil service was among best planned in advance issue at the amalgamations. It was approved (number and titles of staff members) by the amalgamation agreement, but also key positions were agreed informally. It was also because under *the structure the government* the division of labour between officials and not institutional structure is still primarily meant.

Civil servants were most concerned with planned change first of all because fear to loss the job and also physical distance to office that increased for the majority considerably. Actually the fear to loss job does not work directly, although the rate of officials decreased also remarkably (from 5,8 to 3,8 officials per 1000 inhabitants). Much urgent was the issue of *specialisation* of generalist in the same area after the amalgamation. Here we mostly evidence the spontaneous selection of officials whereas other simply left to private sector. (Unfortunately during pre-merger preparation and afterwards not comprehensive professional training programs was launched at our municipalities.) It seems that the persons with better education basis were more adaptive. The proportion of staff members with university education increased from 19% to 32,5% in new municipality administration, and the proportion of staff members with old type (mainly rural) high professional schools dropped from more that 40% to 31% after amalgamations.

Table 5. Increase of monofunctional staff in administration

	1	***2***	***3***	***4***

Before amalgamation	23	2	8	6-29
After amalgamation	37	7	26	19-53

Notes: 1- Basic functions / assignemtntsall LG; 2 - Monofunctional officials in all LG; 3 - Monofunctional officials at least in one LG; 4 - Full time staff.

This table indicates, on the one hand, how many basic functions / assignments one staff member has to implement before the mergers. On the other hand, half of those officials did oversee the activities of local public organisations, but about half of them provide directly public services. The specialisation after amalgamation was meaningful, but obviously insufficient. The ratio of monofunctional staff member vs. multifunctional staff did not change considerably and was ca. 45-55% in three cases instead 38-54% before. (In one municipality the number was and is higher first of all because different format of job descriptions). So, only in larger municipalities with population about 10.000 we can observe some increase of the profile of civil service and emergence of new specialized tasks and professional staff members. Moreover, even those relatively large municipalities do have problems in staffing their administration with qualified architects, lawyers, environmental specialists.

Besides the analysis based on written data, we intended to conceive reactions of civil servants to changes in their work and work environment.

Table 6. Assessment by the civil service of changes in their work and work environment (%, N= 45)

Question	Surely	To certain extent	Surely not
My work presume more professionalism	56,8	27,3	15,9
There is more paperwork, less contacts with citizens	34,1	38,6	37,3
Working environment enables to act more effecttively	44,2	32,6	23,3
Relations between civil s ervants are more official (formal)	25,0	47,7	27,3
Workload is more even and better to be planned	22,7	40,9	36,4
More cooperation with councillors	4,6	38,6	56,8
Less personal contacts with the leadership	16,3	39,5	44,2

Q: What changes have been at you work after amalgamation of municipalities
Source: [42]

Two most important conclusions about civil servants were that (a) with the increasing specialisation and professionalism, also the working environment become better suited for effective work, but (b) this is inevitably accompanying with extension of bureaucracy and formalism. Those outcomes have been founded also at other amalgamations [39; 31; 4]. Attitudes concerning bureaucratisation are not so pronounced in answers of civil servants. But, as much as 71% of civil servants and 67,3% of citizens insisted that local authorities are distanced from citizens. At the same time 2/3 of citizens believed that local officials after amalgamations are dealing with citizens problems more efficiently. So, we can have two non-contradictory trends. One of them is the emergence of modern bureaucracy, with equipped office and professional and specialized staff. The first reaction could be disappointment in the results of amalgamation – in the increase of distance between official and citizen, in more formal treatment (according to rules and guidelines) – and this is natural first reaction to the disappearance of previous close and very personal contacts with officials. But we evidence, not only from survey but from our cost-effectiveness analysis, that the quality of services in increasing (only 11,0% of respondents did not agree) and accessibility of services do not decreased after amalgamations (11,7% did not agreed) [42].

There are two other important findings that enable a bit to revise our earlier suggestions. As much as 86% of councillors confirmed that civil servants started after amalgamation better to prepare decisions (although the rate of return back from commissions have increased!). But we did not reveal so positive recognition of changes in councillors positions from the civil servants side: as much as 56,8% of civil servants did not agree that cooperation with councillors is better since amalgamations. This is a serious indication of the conflict indicated earlier. We cannot, however, to consider this controversy as something deviant and damaging, but – in the context of influence or dominance of values of harmony vs. competition in the governance – a good indicator that actual check and balance between the council and executive is spontaneously emerging. This tentative conclusion confirms our evidence (received also in interviews), that local political executive is starting, after amalgamation, to be more clearly separated and differentiate above the civil servants en masse. This means the development of structural precondition for more neutral and independent civil service after amalgamations.

We evidenced in the politico-administrative dimension rather extensive and largely unexpected pressures away from traditional patters of local governance with its symbiotic forms of politics and administration and with its ideal of policy without politics. Fortunately, in this dimension the moratorium to changes that were established at amalgamation negotiations and agreement does not ha-

ve such restrictive impacts on the politico-administrative dimension as in case of service provision organisations. Reactions to unexpected new challenges and requirements – first of all on professional quality of all actors - were enough fast and critical. Nevertheless, we cannot in any case conclude that mergers in Estonia in 2005 have developed completely new type of governance in rural areas that may compete in quality and professionalism with larger city centres. From this point the larger merges would reach of this threshold of quality.

6. Impacts of voluntary amalgamations on structure of service delivery organizations and spatial organization

The amalgamation agreement established clear moratorium on the possible complex reorganizations (concentration) of service delivery organizations, but contained a set of measures to rearrange the spatial structure to enable the integration of remote areas and to ensure the access of citizens to services.

6.1. Scenarios of reorganizations: strength and weakness

In the absence of clear concepts of complex reorganizations it might be even more wise from the long term perspective to accept a gradual strategy of reorganizations. This strategy would be acceptable also because in Estonia even in small communities the decentralization of public agencies and contracting out services to private firms and NGOs is rather extensive. I.e. the structure is rather modern and much complex than pictured in different typologies. We can find, even without any reorganizations currently a complex set of organizations, which are managed or steered by the core government. But they are still using old and to diverse technical practices (accounting details, management practices) and are also based on very different institutional values, patterns of behavior, symbols etc. Even overview of school's websites can convince how different those values and patterns are.

We can draft briefly three scenarios of development of those structures, which must not be alternatives, but which each contain its strength and weakness.

The confederation scenario is one that we, more or less completely have in new municipalities in Estonia. This scenario presumes that all service delivery organizations and spaces (buildings) remain as previously and they can held considerable autonomy in planning and managing their affairs. The political process will define their budgets, but management issues these units can preserve their uniqueness and they can promote different strategies that is compatible with their community interests. This scenario can avoid shortcomings of fast and instrumental unification strategy [28] on the one hand, and retain not only closeness of services to members of community but to ensure – in ideal - its fit with community's expectations. But, there are a very serious shortcomings of

that scenario. Firstly, this is most expensive scenario that increases pressures to the budget. It is not at all guaranteed that all such small islands of community specific can retain enough funding, especially in the time of economic recession. The decrease in financing and politicization of budget distribution will increase the differences in service quality and, as indicated by previous experience, also in quantity, because younger inhabitants are more easily than previously will vote with foots and will use services and facilities in the larger centers. Our cost benefit analyses of pre-merger municipalities indicated that even before amalgamation this kind of mobility was very intensive and the home-municipality paid expenditures for neighbor's budget but did not developed such services in their community due to the lack of resources. The dis-economy of scale would make single service provision in small units unreasonably expensive per unit. For instance, the expenditures per pupil of schools in Türi municipality differ more than three times, but quality of education is much better where costs per unit are three times lower.

The second, the distance between service provision units and authorities is becoming too large. This structure of management cannot ensure enough accountability in the use of resources before local authorities and presumably do not increase the actual customer orientation although its service area coincides with community. We have evidence from former small communities where there were difficulties in holding local elites accountable by political mechanism. The retaining a managerial accountability is much difficult, also because similar service provision organizations have rather different organizational culture (actually service culture) and local government staff do not have still enough managerial skills to ensure appropriate steering.

The third, if to follow confederation scenario, the municipality must be able to finance in small communities *multiple* small service units which are weakly equipped, with low professional level of staff, and have no mechanisms and interests to consolidate building space, to use common support staff and communication channels etc. There is no binding clue of those different activities and expenditures. True, there have been single cases in Estonia when those different units were consolidated (kindergartens and elementary schools), but those were not principal solutions. Those disadvantages are not dependent on the size of service provision unit, but has profound irrationality from structural perspective.

The single roof scenario, means the centralization of single services (libraries, kindergartens, cultural and sport centers etc.) under the one roof and reorganizing the former service organizations into departments or branches of that organization. This scenario focuses on best *technical solution* and uses de-concentration as a tool for ensuring accessibility of services. This tool must ensure also uniformity of service quality and other standards to ensure equity. In Estonia the libraries were re-organized in the similar way that results in remarkable

economy and better management of strategic service provision. Besides, jointly managed sport facilities and Sport Clubs have been created. The main disadvantage of this functional approach seems to be – as at previous scenario – the emergence of single function services and splintering of the service delivery and support services in certain area. Besides, the logic of centralization tell us that the development of such geographically dispersed organization is carried out at the expense of more remote units. In our opinion the simple organizational-managerial tools are not enough to overcome this paradox of integration, especially in so sparsely populated areas as in Estonia. Decentralization of organizations must be supplemented by the partial devolution of authority to ensure *horizontal integration* of the public life. This means *the combination of managerial and spatial logic of de-centralization.*

With the concentration of organization not only horizontal splintering but also vertical re-distribution of managerial roles must happen. We saw already how Estonian council started to focus more on the central policymaking roles and is prone to delegate the role of specific sectoral strategies to the executive. Civil servants - as we saw were – were forced to focus more on the role of professional advice and analysis. But this re-division must go further along the management vertical [16]. If the large autonomous organizations will get full responsibility for operational matters and civil service can loss direct contact with citizens as consumer. The interruption of those contacts may harm the mutual balance of management roles, which may in the long term perspectives, neutrallize the gains that was received from centralization. “This applies to the relationship between the top management and the institutions (vertically) as well as to the relationship among the various institutions (horizontally). Similarly, responsiveness at the employee and company levels to the users and the local community is increasingly important. This kind of reform of coherence-making powers entails a change in roles at all levels within the organisation” [13, 77].

For instance, for the strategic steering of such large service provision organization current profile of civil servants is not enough for the ensuring sectoral strategic development and also the roles of core government must change considerably.

I.e. simple consolidation of similar service provision organizations in municipality under one roof and the use of de-concentration cannot solve internal problems of governance that has changed qualitatively. After the amalgamation we face with the need of profound institutional change.

Multilevel and balancing responsibility scenario would be one that may respond to the complexity of new situation the long term perspective. I.e. this complex system that is yet described on the level of single principles, must be introduced step by step and with the use of pilot project. This process must be less a rapid that can be technical reform and more like mutual adjustment,

which is able to adjust differences in operational practices and different organizational cultures.

We evidence some spontaneous shifts in the role and competence of councilors, executive and civil servants. The considerable change in Estonian local governance must happen in the roles of civil servants and managers of autonomous organizations, which are today either merged or did not fit with each other. Civil servants must refrain from direct service delivery roles and become professionals on steering and consulting of general strategy development.

The most obvious case is the management of education. In small municipalities where there is one school the director of schools is full scale leaders of educational development in the municipality. Public authorities does not usually care and know more than about technical facilities of schools. But, how to manage the new municipality with dozen of schools? Simple consolidation of schools does not solve the problems of division and balance of strategic, operational provision and analytical roles. In our case after the amalgamation in Estonia in no one of municipalities civil servant on education development was hired (this is also because there is shortage of such professionals). How, in this situation to increase the quality of education; to ensure sustainable personal policy; to develop and implement the strategy of attractiveness (as the part of general municipal strategy) etc. A special issue is the adequate feedback from target groups that is the basis for the establishing accountability and the strategy development. In case of balanced vertical division of roles even more radical delegation of service provision, including internal decentralization inside the large enterprises, might happen, and the need of physical consolidation of organizations became less and less feasible.

The amalgamations in Estonia give more evidence about possible solutions of spatial structure and – hence – possibilities of combination managerial and spatial decentralization. In Estonia new local authorities were obliged to establish service centers in the old municipality center. These centers must deliver regular social service, receive inhabitants in office hours and to ensure the exchange of applications and other documentations. In those municipalities where authorities restrict the tasks of service centre with its formal role, these centers soon become excess. Besides, in all (but one) new municipalities those centers were not established in former municipal territory surrounding the town, because ... its mayor's office was located in the town. So inhabitants of those territories missed any source of territorial integration and self organization although they may settle in extensive territory. But, in one municipality those centers were formed not according to former official boarders, but according to the real geographical communication networks and centers of attraction. The result was the activation of new intra-municipality centers in communities that before amalgamation were in decline.

In those municipalities where service centers started to acquire supplementary roles as centers of community organization, discourse arenas and providers of certain miscellaneous individual services, they not only survived but enhanced. They developed into centers of local social life. On the basis of that centre started to grow up new community leaders who replaced the old ones who left to work at council or administration. Besides, in two municipality those new leaders acquired supplementary official roles as vice-mayor or head of council's commission etc. These leaders are becoming also as a source of triggering new grass root initiatives at smaller settlements and in remote from community center areas (84,2% of respondents agreed, among them ca. 1/3 strongly, that after the amalgamations the sense of unity at community level increased). The new centers are developing into the communication and activity space for rather different target groups.

It is too early to design the exact shape of this new unit and level. But it is clear that without the emergence of the new multifunctional centers that are assigned with certain public competences the horizontal integration at the community level is impossible; and that the emergence of internal peripheries is inevitable. Paradoxically but former leaders who before amalgamations were so consistent defenders of autonomy and de-centralization of authority to municipalities soon after the amalgamations ceased to support the delegation of some public authority to the sub-municipal level. Of course this formal authority is not enough for the real integration, but the development multilevel space for communication based on real community leadership is inescapable.

In sum.

We tried to develop some framework for the analysis of amalgamation process to catch the (deep) variety of this kind of reforms. This framework could be used in later comparative studies of amalgamation process in different countries. Among others we pictured more in detail the type of amalgamations that is almost completely carried out in bottom- up manner, like in Estonia. These amalgamations are like zero sum game of completely independent actors that can at the first stage reach rather suboptimal outcomes, among other the interruption of amalgamation process. These amalgamations are thus rather incremental and are focused on the preservation of status quo after the formal point of merger. In longer perspective this might promote, instead to technical unifying reorganizations, the learning type of governance. But Estonian practice did not yet indicated the latter version of development.

The other focus of this article was the re-consideration of the very concept of amalgamations. Besides initiation and implementation – mainly in normative dimension – of general structural changes and development to the official point of merger, the amalgamation process must considerably re-organize the institu-

tional structure of the municipality. The latter stage of the amalgamation process may occupy much longer period and may have rather different trends than the period before this formal point of merger. Here we tried to establish some trends, how certain type of amalgamations at the first period would influence structural changes, more profound changes after the formal amalgamations. As soon as it is rather new issue in the studies of local government reforms, we attempted to draft basic trends and scenarios that are characteristic to the internal structural changes in general, and to bottom up changes in particular. We developed the idea to combine managerial techniques of organizational design with spatial design, functional centralization with vertical division of roles to focus changes in formal structures more to the institutional changes.

References

Research papers

1. Aalbu H., Böhme K., Uhlin A. Administrative reform – Arguments and values. NORDREGIO 2008
2. Akkermann T. et.al. The interactive state: Democratisation from Above? // Political Studies, 2004, vol.52, pp. 82-95
3. Amna E., Montin S. Towards a new concept of local self-government?: recent local government legislation in comparative perspective. - Bergen: Fagbokforlaget, 2000
4. Baekgaard M. Organisational Change in Local Governments: The Impacts of the danish Local Government Reform. // World Political Science Review, 2009, vol.5, N1
5. Bennett R. Local Government in Post-Socialist Cities. // LGI Discussion papers N2, 1997
6. Boyne G. Local government structure and performance. Lessons from America? // Public Administration, 1992, vol.70, Autumn, pp.333-357
7. Bouckaert G. et.al. Trajectories for Modernizing Local Governance. Revisiting Flandrian Case. – Public management Review, 2002, v.4, N1
8. Berg R., Rao N. (Ed.) Transforming local political leadership. - Palgrave Macmillan, 2005
9. Brans M. Theories of local government reorganizations. // Public Administration, 1992
10. Christensen J. The Dynamic of Decentralization and Recentralization. // Public Administration, 2000, v.78, N2, pp.389-408
11. Christoffersen H., Klaudi Klausen K., Lundtorp S. Central styring – decentral ledelse. En undersøgelse af den administrative organisering I Bornholms Regionskommune. – AKF, Forlaget, 2003 (A Study of the Regional Municipality of Bornholm. Amalgamation study)

12. Christoffersen H., Klaudi Klausen K., Lundtorp S. Local Government Amalgamation. Professionalisation of Politics and Administration. A Study of the Regional Municipality of Bornholm. - AKF Forlaget 2005
13. Christoffersen H. Strukturreformen – en reform af kommunernes organisation og ledelse. – AKF, Forlaget, 2005 (The Structural reform. A reform of the Organization and management of Local Authorities in Denmark.)
14. Dollery B. Johnson A. Enhancing Efficiency in Australian Local Government: An Evaluation of Alternative Models of Municipal Governance. // Urban Policy Research, 2005, vol.23, N1, pp.73-85
15. Dollery B., Crase L. Is Bigger Local Government Better? An Evaluation of the Case for Australian Municipal Amalgamation. // Urban Policy and Research, 2004, vol.22, N3, pp.265-275
16. Flynn N. Public Sector Management. 3rd edition. - Prentice hall, 1997
17. Held D. Models of Democracy. - Cambridge, Polity Press, 1998
18. Heffron F. Organization theory and public organizations: the political connection. - Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1989
19. Hirsikoski A. Municipal amalgamation in Finland. The process in the Salo region so far. Baltic 21 Lightouse project. 2007
20. Horvath T.M. Decentralization: Experiments and Reforms. - Budapest: Local Government and Public Service Reform Initiative, 2000
21. Keating M. Size, Efficiency and Democracy: Consolidation, Fragmentation and Public Choice. // Judge et.al. (Ed.) Theories of Urban Politics SAGE, 1998
22. Kotter J. Why Transformations Fail. – HBR, March-April, 1995
23. Kjellberg F., Reshova J., Sootla G. The Role of Local Autonomy in Democratic and Democratizing Societies. The New Local Government Acts in Czech Republic, Estonia and Norway. // Nation. State. Power. Eds. A.Jasinska-Kania, J.Raciborski. - Wydawnictwo Naukowe SHOLAR, Warszawa, 1996, pp.386-409
24. King G., Vanags E., Vilka I., Mc Nabb, E. Local Government Reforms in Latvia, 1990-2003: Transition to a Democratic Society. // Public Administration, 2004, vol.82, N4, pp.931-950
25. Kjaer U. Én ø – én kommune Politisk reorganisering på Bornholm (One Island – One Local Authority. Local Government Restructuring on Bornholm). – AKF, Forlaget, 2004
26. Larsen C.A. Municipal Size and Democracy: a Critical Analysis of the Argument of Proximity Based on the Case of Denmark. // Scandinavian Political Studies, 2002, v.24, N4, pp.317-332
27. Leemans A. Changing Patterns of Local Government. - IUAL, 1970

28. McKay R.B. Reforming municipal services after amalgamation. The challenge of efficiency. // The International Journal of Public Sector Management, Vol.17, No.1, 2004, pp.24-47
29. Marsh J., Olsen J. Democratic Governance. - Oxford University Press,1995
30. Mourizen P.E., Svara J. Leadership at the Apex. Politicians and Administrators in Western Local Governments. - University of Pittsburg press
31. Nelson M. Municipal Amalgamations and the Growth of the Local Public Sector in Sweden. // Journal of regional Science, vol.32, 1992, N1, pp.39-53
32. Schaap L. Problems in Local governance and governmental scale. - Paper presented at the EGPA Annual Conference, Madrid 19-22 September, 2007
33. The Size of municipalities, efficiency and citizens participation. // Local and regional authorities in Europe N56. Council of Europe press, 1995
34. Sootla G., Grau K. Institutional Balance in Local Government: Council, Mayor and City manager in Local Policymaking. // Soos G., Zentai V. (Ed.) Faces of Local Democracy. Comparative Papers drom Central and Eastern Europe. OSI/ LGI Press, 2005
35. Sootla G., Kattai K,, Viks A. The analysis of amalgamations in 2005 and its impacts. - Tallinn, TLU-MInistry of Interior, 2008
36. Sootla G., Kattai K. Estonia. // The Oxford Handbook of Subnational Democracy in Europe 2009 (forthcoming)
37. Svara J. Do We Still Need Model Charters? The Meaning and Relevance of Reform in the Twenty First Century. // National Civic Review, Spring, 2001, vol.90, N1, pp.19-33
38. Svara J. The Roles of the City Council and Implications for the Structure of City Government. – National Civic Review, 2002, vol.91, N1.
39. Vojnovic I. Transitional impacts of municipal consolidations. // Journal of urban affairs, 2000, Vol.22, N.4, pp.385-417.
40. Yin R.K. Case study research. Design and methods, 3rd ed. - Thousand Oaks, CA: Sage, 2003.

Official giudelines, surveys, statistics

41. Electoral Commission of the Republic of Estonia. http://www.vvk.ee/index.php?id=10755
42. Survey MiI 2008
43. Recommendation no.1434 The Commission on Administrative Structure. The Ministry of the Interior and Health, Denmark, January 2004
44. History and Progress of Territorial reform in Latvia. Riga 2009 (http://www.siseministeerium.ee/)
45. Project to restructure municipalities and services. Ministry of Finance, department of Municipal Affairs, Helsinki 2008

46. Report of the Local Government Reform Commission Volume 1. State of Queensland (Local Government Reform Commission). 2007
47. Consultation Paper. Local Government Reform Implementation Regulation. Department of Local Government, Sport and Recreation, Queensland Government, 2007

Laws:

48. www 3The Law of the republic of Estonia on Support to Amalgamation of Local Government Units https://www.riigiteataja.ee/ert/act.jsp?id=778809
49. www 4 The Act on Administrative Division of Estonian Territory (www 4), (https://www.riigiteataja.ee/ert/act.jsp?id=1011706)
50. Latvia. Administrative-Territorial reform Law. Parliament of the Republic of Latvia, Translation and terminology Centre, 2007

Prezentat la redactie
la 15 octombrie 2009

Compartimentul
SOCIOLOGIA POLITICĂ

RACORDAREA LEGISLAȚIEI NAȚIONALE LA NORMELE EUROPENE PRIVIND RESPECTAREA DREPTURILOR MINORITĂȚILOR

Lilia GRIBINEȚ
Republica Moldova, Chişinău, Academia de Ştiințe a Moldovei, Institutul Integrare Europeană şi Ştiințe Politice, Secția Politologie
Doctorand

Dans cette étude il s'aborde la législation de la Republiqe de Moldova relative à les droits des minorités ethnique de pays. Les diverses declarations, documents mentionnés, sont comme argument de niveau en qui se respect ces droits. Leur raccord aux normes européennes aussi est argumenté par les documents signés avec les pays voisins et avec les états qui ont des représentants de leur nation dant la République de Moldova, les représentants respectifs en étent des minorités en République de Moldova. – la Russie, l'Ucraine, la Bulgarie et la Turcie.

En visent les respectifs actes introduits dans notre législation en ce qui concerne les droits des minorités, aussi et l'activité beaucoup d'Organisations neguvernamentales qui ont le but d'appliquer les droits les standards européens concernants à niveau en qui les normes internes en ce qui concerne le sujet visé correspondre ceux européens et internationales.

Aussi, dans cette étude il s'aborde et des problèmes en domaine, surtout l'avilissement en plan linguistique, qui sont spécifiques dans notre état, aussi et le statut économique de minorités. Mais, le contraire consiste en concordance de la politique moldave avec l'esprit européen en correspondent aux normes législatives dans cet domaine.

În paralel cu tendința de globalizare, de uniformizare a societății umane şi de impunere a unor valori la scară mondială, în prezent domină concomitent şi dorința de a menține conştiința națională, identitatea şi apartenența la o anumită comunitate umană, indiferent de liantul care o formează: religios, lingvistic sau național. Odată cu obținerea dreptului la liberă circulație, s-a intensificat migrarea unui număr foarte mare de oameni dintr-o regiune în alta a globului, sărăcia şi mirajul. Specificul secolului XX constă în formarea de noi comunități etnice, religioase, lingvistice în paralel sau în componența celor vechi, aceste comunități devenind tot mai conştiente de identitatea lor, vis-a-vis de cea a majorității.

Datorită acestui fapt, se explică preocuparea deosebită a lumii contemporane referitor la protecția juridică a drepturilor omului şi, ca parte integrantă a acestora, la protecția juridică a minorităților, indiferent de natura lor. Recunoaşterea drepturilor omului şi crearea de mijloace necesare protecției lor constituie probabil cel mai important progres realizat pînă în prezent.

Astfel, anul 1948 reprezintă începutul elaborării unui sistem de acte normative de protejare a drepturilor omului şi minorităților etnice sub egida ONU, UE, CSCE, CE şi a altor organisme internaționale. Declarația Universală a Drepturilor Omului, adoptată la 10 decembrie 1948, Convenția internațională privind eliminarea tuturor formelor de discriminare rasială din 21 decembrie 1965 New York, Documentul Reuniunii de la Copenhaga al Conferinței asupra Dimensiunii Umane a CSCE din 29 iunie 1990, Carta de la Paris pentru o nouă Europă din 1990, Declarația ONU asupra persoanelor aparținînd minorităților naționale, etnice, religioase şi lingvistice din 18 decembrie 1992, Convenția-cadru pentru protecția minorităților naționale a Consiliului Europei din 10 noiembrie 1994 (ratificată de Republica Moldova la 22 octombrie 1996), etc. [1] sunt numai cîteva documente ce confirmă interesul față de această problemă, în acest mod creîndu-se un cadru temeinic, un ghid pentru dezvoltarea legislațiilor naționale în domeniu.

Referitor la Republica Moldova, în însăşi Constituție (art.4) se declară că „Dispozițiile constituționale privind drepturile şi libertățile omului se interpretează şi se aplică în concordanță cu Declarația Universală a Drepturilor Omului, cu Pactele internaționale privind drepturile omului şi cu celelalte tratate la care Republica Moldova este parte_şi dacă există neconcordanțe între Pactele şi tratatele privitoare la drepturile fundamentale ale omului la care Republica Moldova este parte şi legile ei interne, prioritate au reglementările internaționale” [2].

Prevederile respective obligă republica să-şi conformeze politica sa față de minorități, încît aceasta să corespundă echilibrului majoritate – minoritate şi invers. În cazul dat, se ține cont de principiul nediscriminării, rezultat din art.1 al Declarației Universale a Drepturilor Omului, în care se postulează că „toți oamenii se nasc liberi şi egali în demnitate şi în drepturi” [3, 91], aici alăturîndu-se şi art.2 care prevede că orice persoană posedă toate drepturile şi libertățile prevăzute de Declarația dată, fără deosebire de rasă, culoare, sex, limbă, religie, opinie politică (sau de alt tip), origine națională sau socială, avere sau alt statut. Aceleaşi norme sunt prevăzute şi în Pactul Internațional cu privire la drepturile civile şi politice [3, 92]. Statutul persoanelor aparținînd minorităților naționale porneşte de la prevederile constituționale prin care toți cetățenii Republicii Moldova sunt egali în fața legii şi a autorităților publice. Dar pentru garantarea şi respectarea acestor drepturi a fost necesară integrarea Republicii Moldova în structurile europene, care sunt interpretate ca stimulent important pentru adecvarea cadrului legal național cu standardele internaționale în domeniul de referință.

În dezvoltarea cadrului juridic privind drepturile minorităților, rol important a avut factorul integrării europene, realizat după 1995. Este de menționat că 2/3 din actele normative naționale privind drepturile omului şi minorităților au fost adoptate anterior aderării Republicii Moldova la Consiliul Europei în 1995 [4, 1]. Ulterior, cadrul juridic privind drepturile minorităților a obținut o evoluție ascendentă datorită factorului integrării europene. După aderarea la Consiliul Europei, cele mai importante documente au devenit Convenția-cadru privind protecția minorităților naționale şi Legea cu privire la drepturile persoanelor aparținînd minorităților naționale şi la statutul juridic al organizațiilor lor, nr. 382-XV din 19 iulie 2001, legea respectivă fiind adoptată în scopul ajustarii legislației naționale la cea internațională pentru confirmarea şi dezvoltarea drepturilor, libertăților şi obligațiilor fundamentale ale cetățenilor, consfințite în Constituția Republicii Moldova.

Odată ce Republica Moldova a aderat la Consiliul Europei (13 iulie 1995), şi-a asumat unele angajamente pentru a fi aplicate în legislația şi practica internă unele din aceste reguli, şi anume: s-a ratificat Convenția europeană a drepturilor omului, împreună cu protocoalele adiționale, aceasta facilitînd recursurile individuale, bineînțeles şi din partea reprezentanților minorităților (art.25 şi 46) [5]. Republica Moldova s-a abținut de la ratificarea Convenției Drepturilor Omului a Comunității Statelor Independente, odată ce unele articole s-au dovedit a fi incompatibile cu Comisia Europeană a Drepturilor Omului.

Referitor la Convenția-cadru, în titlul acesteia sunt două cuvinte-cheie: convenție, care înseamnă că aceasta, conform dreptului internațional, este un instrument juridic cu obligațiuni, iar cuvîntul ,,cadru” semnifică că dispozițiile Convenției în sistemul juridic din statele-participante acționează indirect, ele fiind îndeplinite prin intermediul legislației naționale şi a politicii corespunzătoare a guvernelor [6, 8]. Prevederile de bază ale Convenției-cadru concretizează legislația națională, care, la rîndul său, prin Constituție recunoaşte supremația şi prioritatea reglementărilor internaționale. Republica Moldova a obținut o experiență proprie în domeniul politicii multiculturale şi a asigurării drepturilor şi obligațiunilor minorităților naționale. Majoritatea articolelor Convenției, la momentul intrării în vigoare a acesteia, erau deja aplicate în practică, minorităților garantîndu-li-se toate drepturile stipulate în Convenție.

Aici se alătură şi intenția Republicii Moldova de a adera la UE, aceasta fiind confirmată parțial prin aderarea la Pactul de stabilitate pentru Europa de Sud-Est şi adoptarea Strategiei de dezvoltare pe termen scurt a statului moldovenesc [7], care reprezintă un factor de stabilizare şi armonizare a relațiilor interetnice. Aderînd la cele mai relevante instrumente juridice internaționale referitoare la drepturile şi libertățile fundamentale ale omului, aprobînd prevederile Declarației Universale a Drepturilor Omului, ale pactelor internaționale privind drepturile omului, ale celorlalte documente ale ONU, Consiliului Europei,

CSCE / OSCE etc., Republica Moldova automat a devenit obligată să transpună în practică normele şi principiile care permit edificarea statului democratic, consolidarea coeziunii civice, facilitarea şi dezvoltarea specificului etnic, lingvistic şi religios al tuturor grupurilor etnosociale din ţară. Putem menţiona şi Declaraţia de independenţă a republicii (27 august 1991) care garantează exercitarea drepturilor cetăţenilor, inclusiv ale persoanelor aparţinînd minorităţiolor naţionale, în conformitate cu prevederile Actului Final de la Helsinki şi ale documentelor adoptate ulterior, precum şi ale Cartei de la Paris pentru o nouă Europă.

La 2 septembrie 1997 Republica Moldova a ratificat Carta Europeană a autonomiei locale, implementarea căreia garantează autoguvernarea la nivelul localităţilor sau unităţilor teritoriale cu o populaţie unitară. La momentul actual ţara are semnat cu Republica Belarusi un acord interguvernamental de protecţie reciprocă a minorităţilor, iar cu Federaţia Rusă şi Ucraina – două acorduri interdepartamentale [8, 187]. Face de menţionat şi semnarea unei Convenţii privind colaborarea în domeniul umanitar între Biroul Relaţii Interetnice al Republicii Moldova şi Comitetul de Stat pentru Problemele Federaţiei şi Naţionalităţilor al Federaţiei Ruse (27 noiembrie 1993). Această Convenţie prevede facilitarea contactelor din punct de vedere cultural, ştiinţific, sportiv etc. între comunităţile minoritare respective şi cealaltă parte contractantă, în calitate de ţară de origine. Tot un astfel de acord s-a semnat cu Ministerul Ucrainei (19 februarie 1996) pentru Problemele Naţionalităţilor şi Migrării [9].

Sunt date concrete referitor la multiplele acorduri bilaterale şi multilaterale cu alte state în scopul protecţiei minorităţilor din Republicii Moldova. În acest context, Moldova a încheiat cu Ucraina 13 tratate bilaterale, printre care se evidenţiază Tratatul de bună vecinătate, prietenie şi colaborare între Moldova şi Ucraina, ratificat prin Hotărîrea Parlamentului din 3 decembrie 1996. Prin acest tratat, părţile garantează drepturile minorităţilor în corespundere cu normele consfinţite în documentele ONU şi CSCE, asigurînd aceste drepturi minorităţilor care locuiesc pe teritoriul respectivei părţi atît individual, cît şi cu alţi membri ai grupului, libera exprimare şi dreptul de a-şi păstra şi dezvolta originalitatea etnică, culturală, lingvistică şi religioasă, protejarea împotriva tentativelor de asimilare contra voinţei lor [10, 8]. La acestea se alătură şi cele 12 tratate bilaterale semnate cu România, 2 tratate cu Rusia, 25 cu Turcia, 32 cu Belarusi. Dintre acestea, Acordul de Colaborare între Guvernul Republicii Moldova şi Guvernul Republicii Belarusi, ratificat prin Hotărîrea Parlamentului din 28 ianuarie 1998, a vizat anume domeniul asigurării drepturilor persoanelor aparţinînd minorităţilor naţionale [11, 8].

Aceste acorduri corespnd Convenţiei-cadru referitor la protecţia minorităţilor, conform căreia, părţile, dacă situaţia cere acest fapt, e de dorit să încheie acorduri bilaterale şi multilaterale cu alte state, îndeosebi cu statele vecine, în

numele asigurării protecției persoanelor care aparțin minorităților naționale respective [8, 187].

În baza celor afirmate, putem susține faptul că Republica Moldova posedă performanțe în domeniul respectării drepturilor minorităților, avînd o bază legislativă în domeniul dat, care, la rîndul ei, corespunde standardelor internaționale. Ca afirmare servesc acte legislativ – normative ca: Hotărîrea Guvernului Republicii Moldova nr.131 din 16 februarie 2001 ,,Cu privire la unele măsuri de susținere a țiganilor din Republica Moldova"; Hotărîrea Guvernului Republicii Moldova nr.167 din 26 februarie 2001 ,,Cu privire la Programul național de îmbunătățire a studierii limbii de stat a Republicii Moldova de către adulți (2001-2005)"; Legea Republicii Moldova nr.382-XV din 19 iulie 2001 cu privire la drepturile persoanelor aparținînd minorităților naționale şi la statutul juridic al organizațiilor lor; Hotărîrea nr.1293-XV ,,Asupra rezultatelor controlului privind executarea Legii cu privire la drepturile persoanelor aparținînd minorităților naționale şi la statutul juridic al organizațiilor lor"; Hotărîrea Guvernului Republicii Moldova şi aprobarea Planului național de acțiuni în domeniul drepturilor omului pentru anii 2004-2008 (24 octombrie 2003). În cadrul acestui document se prevăd şi acțiuni concrete pentru asigurarea drepturilor minorităților. Ulterior aprobării Planului național, s-a elaborat un studiu de bază referitor la situația în domenuil drepturilor omului în Republica Moldova. Capitolul ,,Drepturile minorităților naționale" din Studiul respectiv conține o privire generală asupra situației curente în domeniul asigurării drepturilor minorităților şi recomandări ce prevăd realizarea unor măsuri organizatorice, acordarea de sprijin financiar, modificarea legislației, aderarea la acte internaționale etc. Destinatari ai acestei recomandări sînt organele administrației publice centrale şi locale, reprezentanții societății civile, organele justiției şi de ordine publică, mijloacele de informare în masă [11].

Dezvoltarea relațiilor interetnice pe baza principiului egalității în drepturi a tuturor grupurilor etnice conlocuitoare e confirmată de Programul de activitate a Guvernului Republicii Moldova pe anii 2001-2005 ,,Renaşterea economiei – renaşterea țării", care include un capitol consacrat problemei respective: ,,Politica regională. Relațiile interetnice". Conform acestui Program, autoritățile centrale şi locale trebuie să asigure dezvoltarea relațiilor interetnice pe baza ideilor şi valorilor democratice, subînțelegîndu-se deja evitarea discriminării după criterii etnice şi lingvistice şi asigurarea egalității în drepturi a tuturor grupurilor etnice din republică.

De asemenea participarea societății civile la implimentarea şi promovarea prevederilor Convenției-cadru este destul de activă, societatea civilă fiind un mediator între minoritățile etnice şi organele puterii, astfel sesizînd organizațiile de stat şi internaționale privind problemele complexe ale minorităților. Organizațiile neguvernamentale interesate şi reprezentanții societății civile pot partici-

pa la lucrările seminarelor internaționale în cadrul cărora se examinează problemele respective, obiectivul primordial fiind formarea relațiilor de parteneriat şi respect între reprezentanții diverselor etnii, promovîndu-se valorile democratice şi principiile nondiscriminării.

Evoluează şi activitatea independentă a asociațiilor obşteşti, reprezentînd minoritățile în cadrul Pactului de Stabilitate pentru Europa de Sud-Est, fiind sprijinite de programele Consiliului Europei, Fondului Soros în Moldova, UNESCO, de misiunile diplomatice ale Marii Britanii, SUA, Olandei etc., acreditate în Republica Moldova.

Pe parcursul anilor 2002-2006 s-au organizat căile şi mijloacele de aplicare a standardelor europene referitoare la drepturile omului şi, implicit, la drepturile minorităților în condițiile Moldovei polietnice. Ca exemplu pot servi ,,Punți herțiziene între comunitățile etnoculturale: experiența difuzorilor din Moldova, Ucraina şi Romania" (Asociația Presei Electronice ,,APEL"); ,,Minoritățile etnice şi relații interetnice: tradiția europeană şi experiența noilor democrații pentru Moldova" (Centrul de analiză politică şi tehnologiii sociale ,,CAPTES"); ,,Promovarea relațiilor interetnice în Republica Moldova" (LADOM – Liga Apărării Drepturilor omului din Moldova) etc.

Activitatea reprezentanților organizațiilor obşteşti ale minorităților etnice în cadrul unor astfel de seminare modelează opinia publică referitor la eficacitatea aplicării principiilor internaționale de egalitate şi nediscriminare şi oferă o anumită apreciere a materializării dispozițiilor de bază ale Convenției-cadru.

Din cele menționate putem concluziona nivelul destul de ridicat al racordării legislației naționale la normele europene şi internaționale referitor la drepturile minorităților etnice. O dovadă elocventă este primul Raport de Stat privind implementarea Convenției-cadru pentru protecția minorităților etnice din 1999, care posedă informații veridice privind realizarea prevederilor legislative ce țin şi de asigurarea drepturilor educaționale ale minorităților. În conformitate cu acest Raport, legislația Republicii Moldova în domeniul educației are un caracter democratic şi nu contravine standardelor europene [12]. Ca argument serveşte obiectivul asigurării drepturilor minorităților de a studia limba maternă, acest proces realizîndu-se prin crearea bazei metodico-didactice şi normative pentru studierea limbilor rusă, ucraineană, găgăuză, bulgară şi a altor limbi ale minorităților (în instituțiile de învățămînt din localitățile compact populate de minoritățile naționale); formarea inițială şi perfecționarea cadrelor necesare; formarea şi dezvoltarea opiniei publice privind politica de satisfacere a intereselor educaționale ale minorităților; colaborarea în cadrul acordurilor bilaterale cu ministerele educației şi învățămîntului din Rusia, Ucraina, Bulgaria, Turcia etc.

Orientîndu-ne după legislația în vigoare a Republicii Moldova, putem afirma că aceasta asigură egalitatea în drepturi a tuturor grupurilor etnice, inclusiv a celor puțin numeroase. După statisticile oficiale realizate pe baza recensămîntu-

lui, în republică locuiesc grupuri etnice a căror componență numerică nu depășește 0,1% din populație. Grupurile respective sunt examinate ca fiind puțin numeroase, şi anume: tătarii, armenii, azerii, ciuvaşii, grecii, lituanenii, coreenii, osetinii, italienii etc. Reprezentanții acestor etnii au creat organizații obşteşti republicane, conducătorii cărora sunt membri ai Consiliului coordonator al organizațiilor etnoculturale pe lîngă Biroul Relații Interetnice. Aceste organizații beneficiază de sprijinul statului în desfăşurarea activității lor statutare, inclusiv de finanțarea programelor de dezvoltare a culturii şi limbii naționale. Membrii acestor minorități participă regulat la discutarea şi soluționarea problemelor ce țin de relațiile interetnice, la întîlnirile consultative cu conducătorii statului.

O prioritate a activității organizațiilor minorităților puțin numeroase este desfăşurarea „şcolilor duminicale" pentru studierea limbii materne, culturii şi tradițiilor naționale, aceste şcoli contribuind la formarea conştiinței naționale şi la menținerea identității etnice în mediul tineretului. Activitatea acestor şcoli se realizează în conformitae cu legislația în vigoare, care reglementează drepturile educaționale şi activitatea obştească a minorităților.

Astfel, Republica Moldova, ca stat participant la Convenția-cadru, realizînd angajamentele internaționale asumate, a obținut rezultate semnificative în domeniul respectării drepturilor minorităților, situația acestora corespunzînd unor standarde civilizate de conviețuire într-o societate polietnică. Unica problemă majoră care poate fi evidențiată în cadrul relațiilor interetnice din Moldova este cea lingvistică, însă aceasta nu e cauzată de imperfecțiunea cadrului legal, conform documentelor internaționale, instituțiile statului fiind obligate să creeze condiții avantajoase în favoarea înțelegerii reciproce între populația majoritară şi minorități, precum şi între grupurile etnice minoritare. Cu toate că limba de stat este declarată a fi limba moldovenească / română, limba de comunicare este, de fapt, cea rusă, deseori situația dată ajungînd pînă la gradul de discriminare [13]. Însă cazul dat reprezintă deja o problemă mai mult a populației majoritare (din punct de vedere al concepțiilor şi capitalului, moldovenii sunt minoritari).

Odată ce legislația națională corespunde standardelor europene şi internaționale în materie prin faptul că minorităților li se asigură dreptul de a exprima, păstra şi dezvolta liber identitatea lor etnică, culturală, lingvistică şi religioasă, de a menține şi dezvolta propria cultură contra oricărei tentative de asimilare involuntară, actele juridice obțin o trăsătură definitorie referitor la minoritățile din țară. Prin Declarația de Independență a țării, forul suprem „garantează exercitarea drepturilor sociale, economice, culturale şi a libertăților politice ale tuturor cetățenilor Republicii Moldova, inclusiv ale persoanelor aparținînd grupurilor naționale, etnice, lingvistice şi religioase, în conformitate cu prevederile Actului Final de la Helsinki şi ale documentelor adoptate ulterior, ale Cartei de la Paris pentru o nouă Europă" [8, 150]. Iar Declarația Parlamentului din 26 mai 1992 menționează că alierea legislației interne la standardele internaționale referitor

la drepturile omului consolidează democraţia şi asigură minorităţilor drepturile legitime de a-şi apăra şi dezvolta identitatea [14, 21].

Cu toate că există dificultăţi economice, social-politice şi culturale specifice procesului de tranziţie spre o societate cu valori democratice, problemele minorităţilor din ţară au fost şi sunt în atenţia organelor puterii de stat, aceste probleme putînd fi soluţionate numai într-un cadru politic democratic, bazat pe statul de drept, în care sistemul judiciar funcţionează doar în temeiul legii [8, 151]. În cei 18 ani de independenţă, Republica Moldova, ca stat, şi-a creat o bază juridică favorabilă protecţiei minorităţilor din ţară, cu toate că deseori unele fapte contravin legislaţiei, discriminarea situîndu-se pe primul loc.

Contrar politicii de deznaţionalizare a regimului totalitar sovietic care a cauzat dezechilibru interetnic în Moldova, a dominaţiei minorităţii ruse (parţial şi în prezent), a situaţiei economice grave, a tergiversării adoptării unei legi a minorităţilor etc., unele acte normative de bază, îndeosebi Constituţia din 1994, conţin reglementări exprese care prevăd păstrarea, promovarea şi exprimarea identităţii naţionale a tuturor etniilor.

Republica Moldova e printre puţinele ţări din spaţiul ex-sovietic care, prin unele decrete prezidenţiale şi hotărîri guvernamentale, a creat condiţii şi a efectuat măsuri concrete pentru dezvoltarea culturilor naţionalităţilor de bază din republică (ucraineană, rusă, găgăuză, bulgară), urmărindu-se şi asigurarea unei egalităţi între majoritate şi minoritate.

Obligaţia constituţională de a se conforma Declaraţiei Universale a Drepturilor Omului şi prevederilor tratatelor internaţionale în materie, este o garanţie a dezvoltării unui cadru juridic democratic pentru soluţionarea problemelor naţionale, iar ratificarea Convenţiei-cadru pentru protecţia minorităţilor naţionale face ca promovarea politicii de stat în domeniul respectiv să fie în concordanţă cu spiritul european, precum semnarea unor acorduri bilaterale cu ţările din spaţiul ex-sovietic poate aduce un plus de garanţii, legislaţia republicii privind domeniul dat corespunzînd acestor norme.

Bibliografie

1. Borcea D. Drepturile minorităţilor naţionale, drepturi colective sau drepturi individuale? http://www.upg.-Ploiesti.ro/sescom/pdf/s15/s15/-11-dp.pdf
2. Constituţia Republicii Moldova – Chişinău: Moldpres, 1994.
3. Diaconu I. Minorităţile. Statut. Perspective. – Bucureşti, Institutul Roman pentru drepturile omului, 1996.
4. Boţan I. Cadrul juridic din Republica Moldova privind drepturile minorităţilor naţionale prin prisma proceselor de integrare europeană. http://www.ipp.md/files/Publicatii/2001/07.12.2001/ro/3prezBotanRom.doc
5. Hotărîrea privind ratificarea Convenţiei pentru drepturile omului şi a libertăţilor fundamentale, precum şi a unor protocoale la această convenţie

nr.1298-XIII din 24 iulie 1997. // Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.54-55/502 din 21 august 1997.
6. Koedgikov I. Drepturile omului şi protecția drepturilor minorităților. Prezentarea Convenției-cadru pentru protecția minorităților naționale şi a altor standarde de către Consiliul Europei pe marginea acestor probleme. // Reglementarea folosirii limbilor în societatea polietnică (materialele conferinței internaționale: Chişinău, 14-15 decembrie, 1995). – Chişinău, 1996.
7. Pactul de stabilitate pentru Europa de Sud-Est şi adoptarea strategiei de dezvoltare pe termen scurt a Republicii Moldova. // Monitorul Oficial al Republicii Moldova din 10 ianuarie 2002.
8. Pătraş E. Minoritățile naționale din Ucraina şi Republica Moldova. – Cernăuți. Ed. Alexandru cel Bun, 1998
9. Buletinul Informativ al Departamentului Relațiilor Internaționale al Republicii Moldova. nr.46 din 1996.
10. Țimbaliuc V. Minoritățile naționale într-un stat de drept. // Revista națională de drept, nr.2, 2002.
11. Planul de acțiuni în domeniul drepturilor omului pentru 2004-2008, aprobat prin Hotărîrea Parlamentului nr.415-XV din 24 octombrie 2003 (www.justice.gov.md).
12. Raportul de stat privind implementarea Convenției-cadru pentru protecția minorităților naționale din 1999, art.13, 14.
13. www.azi.md din 25 octombrie 2005. Rezultatele unui studiu-sondaj, realizat de IPP şi IMAS, arată că identitatea civică a moldovenilor este slab conturată şi, deşi sunt numeric majoritari, din punct de vedere al concepțiilor şi al capitalului social, sunt minoritari.
14. Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr.7, 1992.

Prezentat la redactie
la 28 octombrie 2009

Recenzent – **Alexandru ROSCA**, doctor habilitat in stiinte filosofice, academician

GĂGĂUZII DIN MOLDOVA: DE LA ETNOGENEZĂ LA AUTONOMIE (ASPECTE POLITICO-ISTORICE)

Svetlana MIRONOVA
Republica Moldova, Comrat, Reprezentanța Centrului Drepturilor Omului în Unităţii Teritoriale Autonome Găgăuzia
Director executiv, doctorand la Catedra Ştiinţe Politice a Universităţii de Stat din Moldova

This article describes the development of the gagauz people from ethno-political point of view. He related the principal's stages of gagauzians evolution to autonomy. The author identified same conditions which prepared the autonomist movement of gagauzian people in independent Moldova.

The Gagauz people descend from the Seljuk Turks that settled in Dobruja, together with the Pechenegs, Uz (Oghuz) and Cuman (Kipchak) people. More specifically, one clan of Oghuz Turks migrated to the Balkans during the inter-tribal conflicts with other Turks. This Oghuz Turk clan converted from Islam to Orthodox Christianity after settling in the Eastern Balkans (in Bulgaria) and were called Gagauz Turks. A large group of the Gagauz later left Bulgaria and settled in southern Bessarabia (Bugeac), along with a group of ethnic Bulgarians. At the moment the majority of gagauzians are concentrated in Autonomous Territorial Unit of Găgăuzia (Gagauz Yeri), in south of Republic of Moldova.

Articolul prezent este consacrat cercetării cazului poporului găgăuz, în calitate de grup etnosocial puţin numeros, care a cunoscut o evoluție politico-istorică dificilă, însă a reuşit să-şi păstreze individualitatea şi specificul etnic pe parcursul secolelor. Autorul analizează perioada de la etnogeneză până la declanşarea conflictului etnopolitic din sudul Republicii Moldova. Prin cercetarea de faţă sunt elucidate un şir de momente şi aspecte care au determinat evoluția evenimentelor din momentul creării statului independent Republica Moldova.

Etnogeneza găgăuzilor ca grup etnosocial distinct a fost şi rămâne un subiect de investigaţie destul de dificil şi pe alocuri controversat. Această constatare este determinată de cel puţin trei factori. Pe de o parte, este prezentă politizarea excesivă a problemei; în al doilea rând, trecutul istoric al găgăuzilor este unul foarte tumultuos, desfăşurându-se pe mai multe areale geografice, şi pe alocuri discontinuu, fiindcă lipsesc date istorice specifice anumitor perioade; şi în final îşi lasă amprenta asupra cercetărilor şi numărul relativ mic (aproximativ 200.000) de reprezentanţi ai etniei, care face ca urmele lăsate în istorie, la fel să fie pe alocuri puţin observabile din motivul dominării de etniile mai numeroase.

O atenţie aparte va fi acordat primului factor. Pe parcursul anilor '80-'90 ai secolului al XX-lea, când dorinţa de emancipare naţional-culturală a poporului

găgăuz a întâlnit reacție ostilă din partea conducerii sovietice, apoi naționale a Republicii Moldova, a avut loc o exagerare a opiniilor şi pozițiilor care au deraiat de pe şinele ştiințifice. Constatare perfect valabilă atât pentru istoricii, dar în special, activiştii găgăuzi şi moldoveni. Aşa, de exemplu, unii istorici şi lideri de opinie găgăuzi, ca de exemplu, M.Marunevici sau G.Stomatov, vorbeau despre faptul că Bugeacul (regiunea geografico-istorică a Republicii Moldova) ar fi locul de etnogeneză a găgăuzilor, care ar fi populat aceste teritorii anterior populației băştinaşe [10]. În acest fel, găgăuzilor le-ar fi aparținut dreptul de progenitură asupra acestor meleaguri, şi nu moldovenilor. De altfel, aceste teorii care erau o manifestare o reflectare aproape obiectivă a vremurilor absolut tulbure din perioada prăbuşirii statului sovietic şi a revirimentului etnic din acest spațiu geopolitic, nu şi-au găsit un suport factologic şi ştiințific pe măsură.

De cealaltă parte, unii istorici moldoveni considerau şi continue să insiste asupra faptului că găgăuzii din Republica Moldova, nu sunt nimic altceva decât o diasporă, iar majoritatea găgăuzilor ar fi locuit în Bulgaria [1]. Pur şi simplu statul bulgar nu le recunoaşte nici un fel de drepturi, şi doar Republica Moldova prin politica sa națională loială, le permite emanciparea politico-culturală. Argument ce a fost respins categoric de către delegații primului Congres al găgăuzilor de pretutindeni, care au recunoscut unanim faptul că majoritatea etnicilor găgăuzi locuiesc în Republica Moldova [3]. Şi nici într-un caz nu poate fi vorba de vre-un statut de diasporă.

În vederea înțelegerii mai profunde şi mai obiective a evenimentelor din ultimele decenii legate de mişcarea de emancipare culturală şi politică a găgăuzilor, vor fi prezentate unele momente cheie ale evoluției ethosului găgăuz. În acest scop sunt analizate atât concepțiile tradiționale, cât şi rezultatele cercetărilor istorice şi genetice de ultimă oră. Cercetările cu privire la etnogeneza poporului găgăuz, a provenienței etnonimului, a familiei lingvistice la care aparține, au demarat, în special, din momentul în care primi colonişti găgăuzi au populat teritoriile Imperiului Țarist. Atât autoritățile academice, cât şi entuziaştii încercau să clarifice paradoxurile existențialiste ale acestui grup etnosocial, care erau confundați cu bulgarii, însă vorbeau o limbă turcă, în condițiile în care confesiunea era ortodoxă. În rezultatul cercetărilor efectuate începând cu acea perioadă de către V.Moşkov [12] şi N.Derjavin [7], iar ulterior cu concursul intelectualității găgăuze formate, s-a structurat o poziție ştiințifică solidă privind originile şi istoria găgăuzilor.

Astfel, găgăuzii reprezintă o etnie de origine turanică, limba vorbită la fel se raportează la familia lingvictică turanică, iar confesiunea este una deosebită de religiile îmbrățişate de descendenții popoarelor turanice, şi anume este creştin ortodoxă. Strămoşii îndepărtați ai găgăuzilor sunt descendenți din Asia Mijlocie. Momentul exact al populării masive a acestor teritorii de către turanici nu se ştie exact. Primele mențiuni scrise despre aceste popoare se găsesc izvoarele is-

torice chineze cercetate de către L.Gumilev, în care atestă către anul 545 o organizare statală a acestora [8, 5-6]. Ulterior, către secolul al IX-lea popoarele turanice sunt nevoite să abandoneze spaţiul geografic respectiv, fiind presaţi de către etniile mongole, care începeau să pretindă la dominaţie în regiune, şi să migreze spre vest. Şi aici intervine, conform istoricilor, momentul crucial ce explică specificul creştin al găgăuzilor. Popoarele turanice în procesul de migrare şi valorificare a noilor teritorii s-au divizat în două ramificaţii: una de nord şi alta de sud. Popoarele care au migrat prin sud spre Asia Mică au pus bazele dinastiilor selgiucizilor şi a otomanilor. Aceştia fiind convertiţi în islam. Ceilalţi turanici, reprezentaţi de cumani, pecenegi şi uzi (strămoşii direcţi ai găgăuzilor) s-au îndreptat prin nordul Mării Negre spre graniţele Imperiului Bizantin, unde de altfel au şi fost acceptaţi în 1036 [5]. De remarcat că unicii care au rezistat procesului de asimilare au fost anume uzii (găgăuzii). Toate trei popoare au acceptat creştinismul ortodox, conform tradiţiei bizantine. Prima menţiune a etnonimului „găgăuz" se referă la anul 1036, când acestora le este atribuit teritoriul Dobrogei de astăzi, care urma să fie protejat de invaziile duşmanilor Bizanţului [8].

Versiunea prezentată privind etnogeneza găgăuzilor este susţinută de majoritatea absolută a istoricilor, fiind acceptată, inclusiv, de istoricii găgăuzi. Însă, sunt şi anumite descoperiri ştiinţifice de ultimă oră care ridică semnul întrebării şi pune la îndoială veridicitatea informaţiei respective. La începutul anului 2009 au fost prezentate rezultatele studiului genetic a 89 de reprezentanţi de sex masculin a etniei găgăuze. Cercetările au fost conduse de către V.Stepanov, care le-a efectuat împreună cu savanţii Universităţii din Munich „Ludovic al IX şi Maximilian I", şi s-au bazat pe studiul cromozomilor Y [13]. Rezultatele experienţelor sunt dea dreptul senza□ionale. Conform acestora, găgăuzii au puţin comun cu popoarele turcice, şi dimpotrivă, genetic sunt mai aproape de popoarele europene balcanice. Respectiv, teoria despre originea turanică a găgăuzilor ar putea fi combătută. Însă, reieşind din faptul că istoricii încă nu au analizat problema în cauză, considerăm prematur de a înainta diverse ipoteze noi în domeniu.

Migrarea şi popularea masivă a sudului Basarabiei de către găgăuzi a avut loc la răscrucea secolelor XIII-XIX, fiind direct determinate de către războaiele ruso-turce din: 1768-1774, 1787-1791, 1806-1812 [14, 29-34]. Motivul prinipal era caracterul atrăgător al promisiunilor generalilor ţarişti privind protecţia „fraţilor ortodoc□i" de către Imperiul Rus. Plus la aceasta, li se promitea pământ din fondul statului rus care „urma să le asigure independenţa pe noile teritorii populate" faţă de aristocraţia şi guvernarea locală [11, 11]. De la bun început populaţia găgăuză, ce de rând cu alte etnii ce au imigrat în Basarabia (primind statutul oficial de colonişti ai pământurilor ţariste) s-au bucurat de un statut social-economic privilegiat faţă de populaţia băştinaşă. Fapt ce în mod firesc a determinat o anumită reacţie de ostilitate din partea indigenilor.

În ceea ce priveşte gradul de dezvoltare a sentimentului conştiinţei naţionale, atunci în perioada Imperiului Ţarist găgăuzii au întâmpinat foarte multe obstacole din partea guvernării imperiale în dorinţa lor de a se afirma ca grup etnosocial distinct. Populaţia găgăuză era confundată de către autorităţi cu bulgarii, fiind calificaţi drept „bulgari din Dobrogea, vorbitori ai limbii turce" [7, 8]. Şi doar în 1897 găgăuzii pentru prima dată în documentele oficiale sunt recunoscuţi de către autorităţi drept etnie separată, fiind numiţi „turci-creştini" [2, 124]. Un alt impediment în procesul de consolidare a autonomiei cultural-spirituale, l-a constituit procesul de rusificare. Populaţia găgăuză a început să conceapă limba rusă drept limbă proprie, ce a îngreunat procesul de „apropiere" cu populaţia băştinaşă. În sfârşit, şi intelectualitatea găgăuză era puţin numeroasă şi încă nu în stare de a contribui la edificarea unei conştiinţe etnice moderne a găgăuzilor. Se face remarcată activitatea protoiereului M.Ciachir, cea mai remarcabilă personalitate din domeniul cultural, ce a contribuit la perpetuarea etnicităţii găgăuze atât în perioada □aristă, cât şi în cea română.

În pofida tuturor acestor obstacole găgăuzii au reuşit să-şi păstreze entitatea culturală, conştiinţa etnică şi limba maternă. Cu atât mai mult merită de apreciat efortul găgăuzilor, în general, şi a fiecărui individ în parte, depus pentru a-şi păstra specificul naţional într-un mediu poate nu întotdeauna favorabil procesului. Chiar şi în perioada când Basarabia s-a aflat în componenţa statului român, şi autorităţile româneşti încercau să asimileze populaţia din regiune, găgăuzii şi-au protejat individualitatea etnică.

Perioada sovietică în dezvoltarea conştiinţei naţionale a găgăuzilor a fost una de importanţă incomensurabilă. Factorul cel mai important l-a constituit formarea unei intelectualităţi găgăuze, care era dornică şi pregătită de a contribui la dezvoltarea culturală a găgăuzilor. De asemenea relaţiile dintre găgăuzi şi populaţia moldovenească băştinaşă s-a ridicat la un nivel calitativ nou. Nu se simţea acea izolare caracteristică pentru perioada ţaristă sau română. Politica statului sovietic faţă de doleanţele culturale al găgăuzilor nu a fost întotdeauna una conform aşteptărilor acestora. Ea poate fi divizată în două perioade: 1946-1961 şi 1961-1986. Am fixat anul 1986 drept moment de demarcare pe motiv că evenimentele ce au urmat după acest an vor fi incluse în compartimentele ulterioare ale tezei, drept momente desfăşurarea cărora a influenţat direct relaţiile politice stabilite între puterea politică a elitelor găgăuze şi puterea politică de la Chişinău în primii ani de independenţă a statului Republica Moldova.

Anii 1946-1961 se caracterizează printr-o renaştere culturală, şi respectiv etnică a găgăuzilor din Republica Sovietică Socialistă Moldovenească (RSSM). Statul s-a implicat activ în formarea unei culturi găgăuze moderne, care ar permite găgăuzilor:

- să dispună de o limbă literară şi scrisă modernă (în baza alfabetului chirilic);

- să fie elaborate manuale de limba găgăuză, precum şi manuale pentru clasele primare în limba găgăuză;
- să fie pregătiţi profesori de limbă găgăuză;
- să se predea în şcolile medii de cultură generală din raioanele populate de găgăuzi în limba acestora.

În vederea satisfacerii tuturor acestor revendicări s-a purces la edificarea unei baze juridice în domeniu. Un moment important în acest proces l-a constituit adoptarea decretului Prezidiului Sovietului Suprem al RSSM din 30 iulie 1957 privind introducerea scrisului găgăuz [9, 25]. În data de 1 septembrie 1958 s-au deschis 38 de şcoli naţionale găgăuze. În această perioadă sunt pregătiţi şi un grup de intelectuali care ar asigura procesul de studii a etnicilor găgăuzi. De exemplu, în 1958 la cel de al II-lea Congres al scriitorilor din RSSM, tânărul scriitor D.Tanasoglu a vorbit despre naşterea unei noi literaturi, a celei găgăuze [4, 106]. În plus, apare teatrul, pictura, creaţia artistică etc., de factură naţional-găgăuză. În aceste condiţii se creau premisele pentru a trece la un următor pas – revendicarea statutului de republică autonomă în cadrul RSSM.

Însă, în anul 1961 programul de dezvoltare a culturii găgăuze şi-a încetat activităţile. Conducerea de atunci a RSSM treptat a abandonat practic toate iniţiativele de dezvoltare culturală a minorităţii găgăuze. În special, se referă la sistarea învăţământului în limba găgăuză. E dificil de spus care au fost cauzele. Unii autori vorbesc despre promovarea unei politici de asimilarea din partea conducerii comuniste de la Chişinău. Dar e dificil de a vorbi despre aşa ceva în condiţiile în care, în şcoli, de exemplu, se preda în limba rusă şi nu în cea moldovenească. Cauza poate fi cu mult mai simplă, şi anume, învăţarea în limba găgăuză în şcoli îi izola mai mult pe găgăuzi. Însuşi părinţii îşi dorea ca copiilor să studieze în limba rusă, care tradiţional era considerată de găgăuzi drept una maternă. De acum încolo literatura găgăuză s-a dezvoltat în marea majoritate anume în limba rusă.

Pe parcursul celei de a doua perioade (1961-1986) statul abandonase ideea implementării scrisului şi literaturii în limba găgăuză. Limba rusă devenise un atribut, o componentă a culturii găgăuze. Se vorbea despre formarea identităţii etnice a găgăuzilor în baza a două limbi: rusă şi găgăuză [9, 127-128]. Din care cauză cu siguranţă putem vorbi despre faptul că etnicitatea şi cultura găgăuză a continuat să se dezvolte. La acest proces şi-au adus contribuţia un şir de intelectuali, cum ar fi: D.Caracioban, M.Chesea, M.Marunevici, N.Arabadji etc. Aceştia studiau şi formau istoria găgăuzilor, prin exerciţii de glorificare a trecutului se încerca a cultiva ideea de mândrie naţională şi comunitate etnică. Punctul nevralgic al culturii găgăuze era puţina cunoaştere a limbii găgăuze de către conaţionali. Intelectualii erau acei care încercau să ”construiască” o limbă găgăuză modernă, însă limba rusă, la modul real, era acea care reprezenta segmentul lingvistic al conştiinţei etnice a găgăuzilor. Concluzia ar fi că anume intelectualii

era acei care puneau accentele pe emanciparea culturală, populația, în general, în perioada sovietică neacordând o atenție aşa de mare subiectului respectiv.

În ceea ce priveşte pretențiile etnopolitice ale găgăuzilor, atunci în perioada nominalizată ele practic lipseau. Au existat cazuri individuale, când anumiți cetățeni scriau către organele de partid de la Moscova, în vederea acordării unei autonomii găgăuzilor. Însă acestea au fost răzlețe şi nu pot fi catalogate drept mişcări populare. Dar paralel cu aceasta existau anumite nemulțumiri față de conducerea republicană sovietică. La baza acestor nemulțumiri se aflau următoarele argumente deduse de către autor:

- puțina implicare a etnicilor găgăuzi în conducerea RSSM, în toate sferele vieții sociale, nu doar politică;
- organizarea administrativ-teritorială defavorabilă găgăuzilor, cărora nu li se permitea să fie organizați într-o singură unitate administrativ-teritorială;
- un grad de dezvoltare economică sub media pe republică.

Încercând o generalizare a informației privind evoluția găgăuzilor în Moldova, am dori din start să subliniem o observație fundamentală – problema cea mai gravă a constat în faptul că atât în perioada țaristă, în cea română, cât şi în cea sovietică s-a făcut extrem de puțin la nivel de decizie politică pentru a-i apropia pe găgăuzi de populația băştinaşă. Dacă observăm, din scurta incursiune istorică propusă mai sus lipsesc practic total mențiunile despre relațiile dintre moldoveni şi găgăuzi. Acest moment fiind condiționat de cel puțin două procese. În primul rând, găgăuzii au colonizat teritoriile Basarabiei (Bugeacul, în special) în calitate de pământuri aparținând țarului şi nu moldovenilor. Din start ai au fost obişnuiți cu ideea că au venit pe pământ rusesc şi nu moldovenesc. De aici şi rolul limbii ruse, care pe de o parte i-a integrat uşor pe găgăuzi în societățile țaristă şi sovietică, însă a creat obstacole în comunicarea şi stabilirea de relații cu populația băştinaşă. Iar în al doilea rând, doar din momentul obținerii independenței de către Republica Moldova, găgăuzii au fost puşi în fața faptului că urmează să se integreze în societatea moldovenească. Fiindcă aşa cum în perioada țaristă ei se simțeau supuşi ai țarului, aşa şi în perioada sovietică ei se conştientizau drept cetățeni sovietici şi nicidecum cetățeni moldoveni.

Trecerea Dunării la răscrucea secolelor XVIII-XIX de către găgăuzi şi popularea anumitor teritorii din sudul Basarabiei, a permis poporului găgăuz să supravie□uiască. Iar ulterior, în pofida numeroaselor schimbări geopolitice, găgăuzii nu doar şi-au conservat arsenalul cultural deținut, ci şi l-au dezvoltat în continuare, făcând din Bugeacul moldovenesc o nouă patrie a găgăuzilor.

Bibliografie:

1. Savin A. Găgăuzii – pagini de istorie [online]. - Chişinău, 2005. http://www.moldovanoastra.md/index.php?view=viewarticle&articleid=1573 (citat 7 noiembrie 2008).

2. Берг Л. Бессарабия: страна, люди, хозяйство. - Кишинев: Universitas, 1993.
3. Булгар С. Первый всемирный конгресс гагаузов. - Кишинев: Понтос, 2006.
4. Булгар С. Гагаузские судьбы. Деятели культуры и науки: 200 лет истории. - Кишинев: Понтос, 2003.
5. Гаргалык Д. Древняя история народа гагаузов в IX-XI вв. нашей эры. – Кишинев: [с.н.], 2005.
6. Губогло М. Русский язык в этнополитической истории гагаузов. – Москва: Старый сад, 2004.
7. Державин Н. О наименовании и этнической принадлежности гагаузов (подгот. С.Булгар). - Кишинев: [с.н.], 2005.
8. Казмалы И. Гагаузы – долгий путь к себе. // Вести Гагаузии, 2004, nr.103-104.
9. Курогло С., Маруневич М. Социалистические преобразования в быту и культуре гагаузского населения МССР. - Кишинев: Штиинца, 1983.
10. Маруневич М. Правда о Гагаузском народе, как о самобытном этносе и его этнической территории. - Комрат: Комратская типография, 1993.
11. Мещерюк И. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Южной Бессарабии (1808-1856). - Кишинев: АН МССР, 1971.
12. Мошков В. Гагаузы Бендерского уезда (подгот. С.Булгар). - Кишинев: [с.н.], 2004.
13. Отцы гагаузов пришли с Балкан, заговорив по-тюркски [online]. 29 декабря 2008. http://www.gazeta.ru/news/science/2008/12/28/n_1313501. shtml (citat 22 ianuarie 2009).
14. Чакир Д. Биографический очерк рода и фамилии Чакир. Страницы истории и литературы гагаузов XIX – начало XX вв. (подгот. С.Булгар). - Кишинев: Понтос, 2005.

Prezentat la redactie
la 9 septembrie 2009

Рецензент – **Вячеслав СТЕПАНОВ**, доктор хабилитат исторических наук

PUTEREA ŞI OPOZIȚIA: CONCEPTE ŞI ASPECTE METODOLOGICE

IRINA NICOLAEV
Republica Moldova, Chişinău, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Relații Internaționale, Ştiințe Politice şi Administrative, Catedra Ştiințe Politice, doctorandă

Currently the literature is missing paradigm in which it is possible to achieve a comprehensive analysis of concepts and practice of power and opposition. The definition of political power should be based on the fact that it is primarily an ideological concept, expresses, interprets and based on the positions and interests in terms of socio-political forces, political reality. The existence and effectiveness of political power in a democratic regime is determined by this opposition. Presence or absence of opposition can be considered an essential criterion in differentiation of democratic and undemocratic regimes. The need for political dialogue between power and opposition is driven by current political realities. The power and the opposition are constituents of the democratic system coexistence and interdependence of their de jure and de facto determine the development of democracy and political mechanisms, capacity, state and law, to increase development potential at a certain stage of historical development

În prezent în literatura de specialitate lipseşte paradigma în cadrul căreia este posibilă realizarea unei analize ample a conceptelor şi practicii puterii şi opoziției. Conceptul teoretic al opoziției este dezvoltat mult mai puțin ca conceptul ce poate fi atribuit „puterii”. De obicei conceptul de „putere” şi „opoziție” se întâlneşte în literatura de specialitate în compartimentul dedicat pluralismului politic şi respectării drepturilor omului în societatea democratică. Astfel una din condițiile existenței pluralismului este existența puterii şi opoziției.

Noțiunea de putere, inclusiv de putere politică este extrem de vagă, de generală, fără a fi în măsură să aibă nişte delimitări clare, precise. Unii autori definesc puterea prin stat, având în vedere rolul acestei instituții în cadrul puterii. Pentru F.Neuman „puterea politică este puterea socială concentrată în stat”. O poziție apropiată o are şi G.Burdeau, care consideră că „prin intermediul politicului grupul relevă conştiința pe care o are despre sine, prin putere tinde să o facă activă pentru a-şi croi prin ea viitorul”. Aceasta este o apreciere incorectă, pentru că statul este numai o componentă a puterii, ci nu puterea în totalitate. Sistemul puterii în afară de stat,conține şi alte instituții politice cu rol important în derularea vieții politice, cum ar fi partidele politice, forma de guvernare, regimul politic, etc. Într-adevăr, statul concentrează în cea mai mare parte puterea politică, dar nu în totalitate şi nici în situația de a se identifica cu ea, întrucât fie-

care din aceste concepte acoperă realități sociale distincte şi, în acelaşi timp, intercondiționate.

În definirea puterii politice trebuie pornit de la faptul că aceasta este în primul rând o noțiune ideologică, ce exprimă, interpretează şi fundamentează de pe pozițiile şi din perspectiva intereselor unei forțe social-politice, realitatea politică.

Orice forță social-politică şi cu atât mai mult una care se află la conducerea societății, are o anumită viziune despre societate şi pe care şi-o impune în practică prin putere. Acest fapt este valabil în cazul societăților totalitare unde există o unică forță social-politică care prin putere, organizează şi conduce puterea, îşi promovează interesele, cât ți în cazul societăților democratice. În cazul acestora din urmă unde întâlnim forțe politice aflate la putere şi forțe politice ale opoziției şi într-un caz şi în altul avem de-a face cu o putere politică bazată pe aceleaşi principii fundamentale, urmărind în esență aceleaşi scopuri şi interese. Ceea ce le deosebeşte fiind modalitatea proprie de înfăptuire, căile, mijloacele, ritmurile, într-un cuvânt paradigmele doctrinare. Componenta ideologică a puterii este dată de elementul politic, de cel care o deține şi o exercită. Rolul oricărei puteri politice este acela de a asigura corespunzător cu interesele claselor sau categoriilor sociale, coeziunea şi funcționalitatea diferitelor structuri şi organisme, echilibrul colectivităților ce alcătuiesc societatea cu compatibilitatea activităților ce se desfăşoară. Această calitate a puterii politice decurge din faptul că orie putere este, în esența ei, purtătoarea intereselor comune ale unei comunități, în cazul societății democratice, a majorității. Prin urmare, ea trebuie să apere şi să promoveze interesele acestei majorități, care, cel puțin teoretic, exclude imixtiunea din afară ei, întrucât în orice condiție, o eventuală forță de imixtiune se află în contradicție cu majoritatea.

Politologul A.Carpinski consideră că puterea este „capacitatea de a-i obliga pe actorii unui sistem social dat sa-şi îndeplinească obligațiile pe care le impun obiectivele colective, mobilizând resursele societății în vederea asigurării obiectivelor propuse”[2, 119].

Din această perspectivă am putea spune că puterea politică este mijlocul prin care se constituie, ființează şi durează o societate. În raport cu celelalte forme ale puterii, puterea politică are următoarele trăsături:

1. Caracterul integrator ce constă în capacitatea pe care puterea politică o are de a-şi subordona celelalte forme ale puterii, de a se manifesta prin ele, de a le constitui drept instrumente prin care să-şi exprime propriile sale scopuri şi interese.

2. Caracterul suveran. Puterea politică este singura şi unica instanță supremă dintr-o societate. În această calitate ea este singura care prin instituțiile sale legitime are dreptul de a lua şi aplica decizii, de a exercita controlul fără ames-

tecul sau influența unei alte puteri din interior sau exterior. Altfel spus puterea politică este suverană, unic, indivizibilă, exclusivă şi inalienabilă.

3. În raport alte acte ale conducerii sociale, puterea politică are un caracter imperativ, obligatoriu si ierarhic atât pentru societate în ansamblul ei cât şi pentru celelalte forme particulare ale puterii sociale. Tocmai acestea calități, imperativitatea şi obligativitatea îi asigură impunerea, randamentul şi eficiența, elemente necesare oricărui act de conducere a societății.

4. Puterea politică în exercitarea atribuțiilor sale are un caracter relațional şi asimetric.

5. În contextul oricărui sistem politic, statul reprezintă principalul instrument de realizare în practică a puterii politice.

6. În societățile democratice, puterea politică se întemeiază pe lege, pe drept. Ea exprimă şi promovează voința, aspirațiile interesele majorității cetățenilor.

Existența şi eficacitatea puterii politice în cadrul unui regim democratic este determinată de prezența opoziției. Conform dicționarului politic opoziția este definită ca ansamblu de persoane, grupuri, partide care, la un moment dat, în parte sau în totalitate, se situează pe o poziție opusă regimului sau politicii guvernamentale (în alegeri, în activitatea politică cotidiană, sau activitatea parlamentară). După R.Aron opoziția se constituie într-un regim, pluralist din două categorii. În prima intră: tradiționaliştii care păstrează nostalgia ordinii vechi a lucrurilor, privilegiații economici care se pot simți amenințați de inițierea unor reforme economice, marginalizații societății care sunt defavorizați de funcționarea regimului existent şi masele animate de ideologia de clasă, dornice să realizeze societatea fără clase [1, 120].

A doua categorie este constituită din: puriştii mereu nemulțumiți de modul de organizare socială, violenții care resping orice compromis prin negociere şi recurg la forță, utopiştii conştienți de imperfecțiunile regimului existent şi care militează pentru alte „regimuri perfecte” [4, 32].

Al doilea sens al opoziției presupune partide şi grupuri politice care luptă pentru cucerirea puterii pe calea alegerilor libere, beneficiind de garanții legale de a se exprima liber şi de a câştiga de partea lor electoratul la egalitate de mijloace cu partidul sau partidele aflate la putere. Opoziția exercită în cadrul legal, instituțional, dar se poate manifesta uneori în afara sistemului politic instituit, atunci când refuză regulile jocului politic şi recurge la mijloace neconstituționale (cazul extremismului politic). Într-un sistem democratic, opoziția este considerată un fenomen benefic şi necesar întrucât permite confruntarea de idei „dezbateri” în vederea găsirii soluțiilor celor mai bune pentru problemele cu care se confruntă societatea. Drepturile şi îndatoririle opoziției sunt deosebite de la un regim la altul. În unele state (Marea Britanie, SUA, Germania), funcția de opoziție este formalizată. Aceasta duce la recunoaşterea unui statut politic pentru li-

derul opoziției, a dreptului său de a da replică la declarațiile publice ale liderului majorității din parlament ca şi de a fi consultat în anumite probleme de procedură privind ceremoniile de stat, declarația de război.

Opoziția este partea adversă a puterii, mai exact a guvernului, este „contrapartida dialectică a puterii". La baza sa se află dreptul minorității politice de a critica şi controla majoritatea şi de a susține o poziție alternativă. Rezultă deci că nu este doar tolerantă, ci şi are anumite funcții în cadrul sistemului politic [4, 35].

Se face însă distincția între opoziția loială, care urmăreşte schimbarea politică în cadrul parametrilor constituțională dați şi opoziția fundamentalistă (de principiu), care sfidează consensul şi vizează transformarea radicală a sistemului politic.

O altă distincție este acea între opoziția parlamentară şi opoziția extraparlamentară. Prima constă din partidul sau partidele reprezentate în parlament care nu sunt implicate într-o coaliție sau un acord similar cu partidul sau partidele care au format guvernul, criticând guvernarea şi susținând propria alternativă. Mijloacele utilizate vizează în primul rând cadrul oferit de instituția legislativă: participarea la dezbateri, interpelări, introducerea moțiunii de cenzură (prin care poate fi răsturnat guvernul), inițiativă legislativă, precum şi acela al mijloacelor de informare în masă (atât cele guvernamentale cât şi cele proprii) .

Opoziția extraparlamentară este alcătuită din partidele politice fără reprezentare parlamentară, unele grupuri de interese (de presiune), diferite mişcări cu caracter mai mult sau mai puțin politic, care se exprimă atât prin mass-media, cât şi prin mitinguri. Rolul său este să articuleze probleme care sunt ignorate sau omise de opoziția parlamentară; poate să constituie un factor de inovare politică când vizează transformarea unor aspecte esențiale ale sistemului politic, dar şi un factor de corodare a vieții politice, atunci când se situează pe poziții fundamentaliste, antisistemice. Opoziția extraparlamentară este o formă de luptă politică care recurge la contestarea puterii prin demonstrații de stradă, greve repetate, forme inedite de ocupare a instituțiilor sau piețelor publice în vederea creării unei stări de instabilitate politică şi economică cronică [4, 175].

De regulă, cei ce o practică condamnă orice încercare de a se restabili ordinea publică din partea forțelor de ordine ca fiind o încălcare a principiilor democratice şi restrângere a dreptului omului. În forma sa extremă, acest gen de opoziție se transformă în mişcări violente de atacare a instituțiilor publice, cu scopul de a forța preluarea puterii.

În unele cazuri, cele două forme ale opoziției colaborează, partidele extraparlamentare, precum şi alte grupuri asociindu-se partidelor parlamentare, spre a-şi susține în plan instituțional punctele de vedere. Alteori, opoziția extraparlamentară se opune deopotrivă politicii guvernamentale şi celei a opoziției parlamentare; după cum există cazuri în care opoziția din Parlament refuză să cola-

boreze cu cea din exterior, considerând-o exponenta unor tendințe extremiste [5, 176].

Despre opoziție putem vorbi de la începutul secolului al XIX-lea, când începuseră să se contureze două modele: în marea Britanie şi SUA s-a dezvoltat un partid de opoziție orientat împotriva celui aflat la putere şi care oferea o alternativă de guvernare, în Franța s-a profilat un sistem multipartidist, alcătuit din grupări fără legătură între ele, care își propuneau mai mult să servească diferite principii şi interese decât să ofere o alternativă de guvernare.

Modelul devenit clasic al opoziției este cel britanic, în care aceasta îşi formează aşa-numitul cabinet-fantomă („shadow cabinet"), alcătuit din potențiali miniştri, având două funcții gemene: conducerea activității parlamentare a partidului respectiv şi situarea sa ca o echipă alternativă de guvernare. Opoziția este considerată o instituție, al cărei lider este numit oficial de către monarh şi primeşte salariu în calitate de funcționar public [3, 158].

În sistemul prezidențial, opoziția poate să se afle în situații particulare, foarte complexe: aşa cum a demonstrat experiența recentă a SUA, apartenența politică a preşedintelui poate să difere de cea a majorității parlamentare; poate să difere de apartenența politică a majorității în cele două camere a Congresului; suplimentar, în condițiile sistemului federal, este posibil ca partidul care guvernează la nivel național să se afle în opoziție la nivel unor state şi invers.

În sistemele multipartidiste, unde majoritățile parlamentare depind de coaliții, partidele aflate la un moment dat în opoziție pot să se reorienteze spre roluri guvernamentale, dacă identifică puncte de convergență cu alte partide. În aceste cazuri opoziția nu mai apare cu contururi atât de clar definite ca în sistemul britanic; poate avea un caracter sau nu – rămâne însă la fel de importantă pentru funcționarea echilibrată a sistemului politic corelarea celor două roluri: critica politicii guvernamentale şi ferirea de soluții alternative.

Deci, putem afirma cu certitudine că prezența sau absența opoziției poate fi considerată un criteriu esențial în diferențierea regimurilor democratice şi cele nedemocratice. Necesitatea dialogului politic între putere şi opoziție este dictată de realitățile politice actuale. Puterea şi opoziția sunt elemente constitutive ale sistemului democratic Coexistența şi interdependența lor de jure şi de facto determină nivelul de dezvoltare a democrației şi a capacității mecanismelor politice, statale şi de drept, de a mări potențialul de dezvoltare la un anumită etapă de dezvoltare istorică.

Bibliografie

1. Dahl. R. Poliarhiile: Participare şi opoziție. – Iaşi, Polirom, 2000
2. Fisichella D. Ştiința politică. Probleme, concepte, teorii. – Chişinău: USM, 2000
3. Lipjhart A. Democrațiile în societățile plurale. – Iaşi. Pan Europe, 2002

4. Mihuț L. Sistemul politic şi societatea civilă. – Cluj-Napoca: Tempus, 1993
5. Tamaş S. Dicționar politic. – Bucureşti: Humanitas, 1996

Prezentat la redactie
la 16 septembrie 2009

Recenzent – **Valeriu MOSNEAGA**, doctor habilitat in stiinte politice, profesor

Compartimentul *MANAGEMENTUL MIGRATIILOR*

ORIENTĂRILE MIGRAȚIONISTE ALE STUDENȚILOR: ASPECTUL GENDER (pe baza datelor studiului sociologic)

Ana GORBAN
Republica Moldova, Chişinău, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Relații Internaționale, Ştiințe Politice şi Administrative, laboratorul „Sociologia politică”,
magistru în ştiințe politice, colaborator ştiințific

Dans l'article donné on examine l'état des orientations migratoires des étudiants des sexes différents enseignant sur les derniers cours dans le contexte du processus connu comme la fuite des cerveaux. Les données étaient reçues dans le cadre d'une recherche sociologique. On passe l'analyse des valeurs de trois paramètres: l'attitude des étudiants au phénomène de la migration, leur prédisposition à l'émigration de la République de Moldova et vers la migration de travail, à la base de quoi on fait la conclusion sur la prédisposition migratoire des étudiants et des étudiantes dans le contexte comparatif. Ainsi, s'est révélé que les étudiantes sont prédisposées un peu plus à la migration que les étudiants, elles estiment plus positivement le phénomène de la migration. En même temps les représentants des deux sexes expriment les intentions assez stabiles par rapport à l'émigration.

L'auteur examine spécialement les facteurs qui favorisent l'intensification des processus migratoires dans la République Moldova et surtout la féminisation de la migration de travail. Le problème du risque migratoire est conditionné par les problèmes spécifiques des femmes dans le contexte des particularités du marché national du travail. L'auteur argumente la conclusion selon que l'État doit donner l'attention spéciale à la position des femmes dans la société de transition.

Fenomenul „exodului creierilor” este recunoscut de specialiştii autohtoni drept unul din cele mai importante pericole pentru securitatea națională şi dezvoltarea țării. Fiind în creştere, acest proces reduce din potențialul intelectual şi tehnico-ştiințific al societății [18, 110], iar degradarea potențialului uman condiționează la rândul său dezechilibre deosebit de grave şi dăunătoare actualei tranziții, relansării economice, viitorului țării. În condițiile în care forța de muncă calificată nu se poate realiza pe deplin acasă, iar economia republicii nu-i poate găsi o utilizare adecvată şi o remunerare respectivă [16, 142], principali actori ai

migrației internaționale a forței de muncă de o calificare înaltă („brain drain”) devin cei mai pregătiți, activi şi tineri specialişti [25, 155].

În condițiile numeroaselor dificultăți socio-economice ale tranziției altă categorie afectată, pe lângă tinerii cu studii superioare , sunt femeile, care în condițiile sărăciei completează tot mai frecvent grupurile de risc social [2, 23]. Criza societății se manifestă prin intensificarea gradului de pauperizare a populației, feminizarea sărăciei şi a şomajului [9, 157]. Rămânând în multe cazuri principali câştigători în familie, femeile tot mai des preferă diferite forme de migrațiune în străinătate, îndeosebi cea de muncă. În special, problema femeilor tinere în a-şi găsi un loc de muncă, mai ales în țările cu economii de piață recente, a condus la apariția şi intensificarea proceselor de emigrare a lor şi astfel le-a supus unor pericole grave [13, 21] (de exemplu, vârsta tânără a absolventelor sporeşte vulnerabilitatea lor față de exploatarea sexuală). Migrațiunea feminină s-a dovedit a fi destul de specifică, din motivul că femeile sunt ocupate cel mai des în sectoarele neprestigioase de muncă, care nu cer o calificare înaltă şi se caracterizează prin condiții grele de muncă şi salarii reduse [21, 129]. Datorită tuturor acestor factori, migrațiunea feminină de muncă se consideră în toată lumea drept zonă de risc agravat şi este legată de încălcări în masă ale drepturilor omului [22, 56].

Costurile minime ale muncii femeilor-migrante sunt avantajoase țărilor recipiente, ceea ce menține la nivel înalt cererea de acest tip al forței de muncă [22, 54]. Datorită în special solicitării ridicate a muncii necalificate pe piața străină de muncă cota femeilor în volumul general al migranților creşte continuu [14, 254].

Actualmente, migrația forței de muncă se numără printre factorii principali care modelează evoluțiile economice, sociale şi politice din Republica Moldova şi probabil va rămâne la fel de importantă şi în viitorul apropiat [5, 7]. Pe de altă parte, se înregistrează tendința de feminizare continuă a migrației, acest proces fiind caracteristic nu numai țării noastre, ci constituind în prezent tendința migrației internaționale în general [23, 309]. În Republica Moldova la începutul anilor ’90, era atestată o tendință de migrare a unui singur membru al gospodăriei, astfel doar un singur membru al familiei (de obicei tatăl) era absent. Este evident că de atunci, a crescut numărul femeilor implicate în migrația forței de muncă, acum fiind obişnuită emigrarea cuplurilor [12, 25].

Reieşind din actualitatea şi complexitatea problemei migrațiunii feminine, ar fi interesantă analiza comparativă a intențiilor migraționiste ale reprezentanților ambelor genuri. Drept suport pentru un asemenea studiu pot servi datele statistice ale anchetei sociologice „Orientările migraționiste ale studenților ultimilor ani de studii” realizate de Laboratorul „Sociologie Politică” pe lângă catedra „Ştiințe Politice” a Universității de Stat din Moldova. Alegerea studenților ultimilor ani de studii în calitate de grup de referință este determinată de reprezen-

tativitatea lor ca a unei categorii cu grad sporit de vulnerabilitate faţă de riscurile socio-economice din ţară (şomajul, munca necorespunzătoare calificării obţinute[6], salarii mizere caracteristice mai ales specialiştilor tineri, etc.), toate acestea condiţionând în mare măsură predispunerea lor spre migraţie[7]. În acelaşi timp, studenţii-absolvenţi corespund condiţiei de vârstă, având în vedere faptul că, după datele studiilor sociologice, tinerii în vârsta de până la 30 ani constituie grupul cel mai activ şi predispus spre migraţiune de muncă din toată populaţia Republicii Moldova [17, 97; 7, 67].

Astfel, în calitate de indicatori ai predispunerii migraţioniste se prezintă atitudinea studenţilor ambelor genuri faţă de fenomenul migraţiei în general, cât şi orientările lor personale spre principalele forme migraţionale (emigrare şi migraţia de muncă).

Tabelul 1. Atitudine faţă de migraţie a studenţilor ultimilor ani de studii după sex (în %).

Ce atitudine aveţi faţă de migraţie?						
	Index	**1**	**2**	**3**	**4**	**Total**
Masculin	+0,06	28,6	22,6	33,4	15,4	100,0
Feminin	+0,19	34,8	16,0	36,1	13,1	100,0

Notă: 1 – Pozitivă; 2 – Negativă; 3 – Neutră; 4 –Greu de spus/NR.

Datele demonstrează (tabelul 1), că atitudinea studenţilor ambelor sexuri faţă de migraţie este destul de rezervată, indexul fiind totuşi mai înalt la fete decât la băieţi (+0,19 şi +0,06 respectiv). Aşadar, mai mult de o treime din studente privesc migraţia în mod pozitiv şi cu două ori mai puţine – în mod negativ, pe când la băieţi valorile date sunt repartizate într-un mod mai uniform, diferenţa între cei cu atitudinea pozitivă şi respectiv negativă fiind numai de şase procente. Totuşi, cea mai mare cotă şi la fete, şi la băieţi este formată din respondenţi ce au exprimat o atitudine neutră faţă de fenomenul migraţiei (în jur de o treime în ambele cazuri). Faptul, că studentele au simpatii mai pronunţate faţă de migraţiune decât băieţii s-a dovedit a fi destul de tradiţional, fiind constatat în cadrul cercetărilor anterioare din domeniu[8].

[6] *După unele surse, doar 20% din absolvenţii instituţiilor de învăţământ superior obţin un loc de muncă conform calificărilor din actele de studii [1, 12].*

[7] *Conform estimărilor specialiştilor în domeniu obţinute în baza studiilor empirice cota migranţilor cu studii superioare cu câteva ori depăşeşte cota persoanelor cu studii superioare în componenţa populaţiei adulte a ţării, ceea ce ar putea fi legat cu cerinţele ridicate a persoanelor cu studii superioare faţă de societate şi cu vulnerabilitatea lor sporită în condiţiile sociale în care sistemul social este mai mult cointeresat în muncitori cu un nivel inferior de capital uman [24, 95-96].*

[8] *Vezi datele cercetării din anii 1998-1999 [20, 83, 106].*

Tabelul 2. Planurile emigraționiste ale studenților ultimilor ani de studii după sex (în %).

Aveți planuri să emigrați din Moldova?							
	Index	**1**	**2**	**3**	**4**	**5**	**Total**
Masculin	+0,31	13,6	40,1	22,0	1,0	23,3	100,0
Feminin	+0,35	12,3	41,6	18,2	1,0	26,9	100,0

Notă: 1 – Da, cât mai repede posibil; 2 – Da, însă în viitor; 3 – Nu, nu am avut niciodată asemenea planuri; 4 – Nu, m-am răzgândit; 5 – Greu de spus/NR

În privința intențiilor emigraționiste (tabelul 2) fetele şi băieții exprimă poziții similare (+0,35 la fete şi +0,31 la băieți). Astfel, mai mult de jumătate din respondenți ai ambelor categorii declară, că au planuri de a emigra din Moldova în viitorul apropiat sau îndepărtat, cu mult mai numeroşi (cotele aproape egale în cazul fetelor şi băieților) fiind cei ce nu se orientează spre emigrare imediată, ceea ce apelează la ideea ambiguității şi caracterului relativ al unor asemenea planuri. Aici trebuie să observăm, că diferența nesemnificativă de index între sexuri se explică prin faptul, că mai mulți băieți decât fete nu au avut şi nu au planuri de a pleca din țară. Prin urmare, se creează impresia, că studentele sunt totuşi puțin mai loiale față de emigrare decât băieții, nefiind cel puțin atât de categorice în negarea opțiunii de a emigra. În acelaşi timp, aproximativ o cincime din fiecare categorie nu s-a determinat în acest sens.

Trebuie de remarcat, de asemenea, că în cercetările similare efectuate aproape cu zece ani în urmă intențiile emigraționiste erau la aproximativ acelaşi nivel în cazul studenților de sex masculin (49,7% de potențiali emigranți din partea băieților de atunci în comparație cu 53,7% de acum) şi mai puțin pronunțate în cazul studentelor (41,3% şi 53,9% respectiv) [20, 91, 113]. Aceasta confirmă nu numai menținerea orientărilor migraționiste ale studenților la un nivel înalt în general, ci şi în special atestă feminizarea continuă a migrației, tendința de obținere treptată de către sexul frumos a întâietății în procesele de migrațiune.

Concluzia dată este confirmată şi de datele Biroului Național de Statistică, conform cărora atât în anul 2006, cât şi în 2007 mai multe femei decât bărbați au ales să emigreze (tabelul 3). Cu atât mai mult, femeile tinere sunt mai puțin predispuse să revină în țară, deoarece ele deseori se stabilesc cu traiul şi creează familii peste hotare [11, 164].

Tabelul 3. Numărul emigranților după sex (persoane) [3, 67]

	2006		**2007**	
	Femei	**Bărbați**	**Femei**	**Bărbați**
Emigranți	3674	3011	3896	3276

Tabelul 4. Repartizarea aprecierilor probabilității migrației de muncă după sex (în %).

Ce atitudine aveți față de probabilitatea plecării Dvs. în străinătate la muncă?									
	Index	**1**	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**Total**
Masculin	+0,10	5,3	33,1	23,6	7,7	14,8	4,6	10,9	100,0
Feminin	+0,13	3,8	25,5	23,6	13,8	16,3	8,2	8,8	100,0

Notă: 1 – Nici într-un caz; 2 – Depinde de posibilitățile de autorealizare la noi în țară; 3 – Depinde de faptul dacă vor fi posibilități bune în străinătate; 4 – Încă n-am luat decizia da sau nu; 5 – Da, am o intenție fermă de a pleca după finisarea studiilor; 6 – Nu m-am gândit la aceasta; 7 – Greu de spus/NR.

Tabelul 5. Aprecierea posibilităților de realizare a aptitudinilor personale de muncă a studenților ultimilor ani de studii după sex (în %).

Unde, după părerea Dvs., ați putea să realizați aptitudinile Dvs profesionale și de muncă?					
	1	**2**	**3**	**4**	**Total**
Masculin	27,9	24,7	27,2	20,2	100,0
Feminin	24,0	23,2	26,0	26,8	100,0

Notă: 1 – Pe piața de muncă din Moldova; 2 – Pe piața de muncă din străinătate; 3 – În aceeaşi măsură; 4 –Greu de spus/NR.

Referitor la predispunerea spre migrațiune de muncă (tabelul 4) constatăm la fel diferența minimă a indexului respectiv în cazul băieților şi fetelor (+0,10 şi +0,13 corespunzător). Însă analiza mai detaliată a datelor prezentate mai sus ne permite să înregistrăm câteva momente semnificative. În primul rând, studentele, ca şi în cazul predispunerii spre emigrare, nu se arată atât de categorice în privința inadmisibilității plecării lor în străinatate la muncă. Sunt mai multe fete decât băieți care exprimă intenție fermă de a pleca după finisarea studiilor, însă în acelaşi timp sunt aproape cu două ori mai multe fete decât băieți care nu s-au determinat în această privință sau în general nu s-au gândit la opțiunea migrațiunii de muncă. În al doilea rând, cota celor care leagă decizia de a pleca la muncă peste hotare cu posibilitățile de autorealizare la noi în țară este mai numeroasă la băieți (fiecare al treilea) decât la fete, ceea ce sugerează ideea că băieții au orientări mai pronunțate spre piața autohtonă de muncă decât fetele. Aceste concluzii se confirmă prin datele adiționale din tabelul 5, care la fel arată orientarea puțin mai puternică a băieților spre piața de muncă din Moldova, cât şi gradul mai ridicat de imprecizie a studentelor în aprecierea perspectivelor de muncă în Moldova şi în străinătate. Prin urmare, constatăm că studentele demonstrează o predispunere potențială puțin mai înaltă spre migrațiune de muncă în comparație cu reprezentanții sexului puternic.

Tabelul 6. Evoluția persoanelor declarate plecate peste hotare la lucru sau în căutare de lucru după sexe (mii persoane) [13, 91]

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Femei	45,2	51,9	70,3	91,8	114,4	131,7	112,3
Bărbați	93,1	120,1	160,9	199,1	230,8	262,8	197,9

Cercetările sociologice anterioare au demonstrat, că includerea femeilor în procesul migrației internaționale de muncă se desfăşoară mai rapid decât în cazul migranților-bărbați [19, 45]. Statistica oficială arată (tabelul 6), că în totalul persoanelor plecate peste hotare la lucru sau în căutare de lucru femeilor le revine o treime şi bărbaților două treimi. Numărul acestor persoane, atât la femei, cât şi la bărbați în perioada 2000-2005 a fost în continuă creştere, ceea ce desigur constituie o tendință nocivă şi o caracteristică negativă pentru piața națională a muncii, care pe viitor se va solda cu consecințe nefaste de lungă durată [13, 66]. În anul 2007, conform datelor Biroului Național de Statistică, cota femeilor printre tot masivul de persoane care pe parcursul ultimilor ani au lucrat sau au căutat un loc de muncă peste hotare este aproape cu două ori mai joasă decât cea a bărbaților (108,3 mii versus 210 mii corespunzător) [6, 5].

Însă reieşind din faptul, că migrația feminină se poziționează de cele mai dese ori în spațiul relațiilor neformale, tenebre şi chiar criminale [22, 59-61], putem presupune că în realitate cota femeilor în migrațiunea forței de muncă este cu mult mai mare. Astfel, conform aprecierilor specialiştilor în domeniu, cotele reale ale femeilor şi bărbaților în tot masivul migranților de muncă sunt aproximativ egale [19, 45].

După datele aceleiaşi cercetări a Biroului Național de Statistică, s-a constatat de asemenea, că la momentul efectuării studiului (anul 2007) femeile se aflase peste hotare o perioadă mai îndelungată decât bărbații (2,3 ani față de 2,0 ani) [6, 6].

Tabelul 7. Datele sumare şi predispunerea migraționistă a studenților ultimilor ani de studii după sex

	Index 1	Index 2	Index 3	Index cumulativ
Masculin	+0,06	+0,31	+0,10	+0,16
Feminin	+0,19	+0,35	+0,13	+0,22

În urma celor expuse, putem deduce indexul cumulativ al predispunerii migraționiste a studenților ultimilor ani de studii după sex. Astfel, observăm, că fetele în general exprimă o atitudine mai pozitivă față de fenomenul migrației, iar în ceea ce ține intențiile emigraționiste şi cele de migrațiune de muncă studenții şi studentele manifestă poziții aproximativ similare cu o uşoară prevalare la fete. Valorile superioare ale indexului se înregistrează în cazul planurilor emigraționiste

niste, ceea ce înseamnă că cel mai înalt grad de apreciere se referă la intențiile studenților de a se stabili cu trai peste hotare.

Esența şi geneza unui asemenea coraport al orientărilor migraționiste la reprezentanții diferitor sexuri pot fi dezvăluite printr-o analiză a situației socio-economice a femeilor şi bărbaților în condițiile tranziției moldoveneşti cu apelarea la date statistice oferite de Biroul Național de Statistică.

Tendințele pieței muncii în Republica Moldova, în aspect de gen, atestă creşterea rolului femeii în societate. Astfel, în totalul populației economic active (forței de muncă)[9] femeile și bărbații dețin practic ponderi egale (respectiv 49,1% femei şi 50,9% bărbați în anul 2006)[10]. Însă în acelaşi timp, pe parcursul perioadei 2000-2006 în Republica Moldova numărul total al populației economic active a suportat o scădere semnificativă de circa 300 mii persoane sau 18%, ceea ce reprezintă că fiecare al cincilea bărbat şi fiecare a patra femeie au abandonat piața națională a forței de muncă [13, 69], trecând în categoria populației inactive din punct de vedere economic[11].

Tabelul 8. Rata de ocupare după nivelul de educație şi sex (în %) [3, 74]

	2006				***2007***			
	Urban		**Rural**		**Urban**		**Rural**	
	Fem.	Bărb.	Fem.	Bărb.	Fem.	Bărb.	Fem.	Bărb.
Populație ocupată, total	41,7	48,9	39,6	42,9	41,2	46,9	40,0	43,3
Studii superioare	62,4	71,3	66,2	64,1	65,5	69,0	66,8	62,1

În ce priveşte ratele de ocupare în funcție de nivelul de educație (tabelul 8), acestea cresc pe măsură ce creşte şi nivelul educației, persoanele cu studii superioare având cea mai mare rată de ocupare, care depăşeşte considerabil valoarea medie a indicatorului dat. Există totuşi diferențe din perspectivă de gen şi în funcție de mediul de reşedință. Astfel, rata de ocupare a femeilor cu studii superioare este mai mică decât cea a bărbaților cu acelaşi nivel de educație în mediul urban, însă este mai mare în mediul rural [3, 74]. Cu toate că femeile cu studii superioare sunt mai numeroase comparativ cu bărbații (cu circa 17%), totuşi,

[9] *Populația actvă din punct de vedere economic (sau forța de muncă) cuprinde toate persoanele care furnizează forța de muncă disponibilă pentru producția de bunuri şi servicii în tmpul perioadei de referință, incluzând populația ocupată şi şomerii.*

[10] *În anul 2007 coraportul între femei şi bărbați în totalul populației economic active se menține aproape în aceeaşi măsură la nivelul anului 2006 [3, 70].*

[11] *Populația inactivă din punct de vedere economic cuprinde toate persoanele, indiferent de vârstă, care n-au lucrat cel puțin o oră şi nu erau şomeri în perioada de referință. În structura ei intră mai multe categorii, inclusiv persoanele declarate plecate peste hotare la lucru sau în căutare de lucru.*

numai 2/3 din ele sunt economic active, în timp ce cota bărbaților cu studii superioare economic activi constituie 3/4 din totalul lor [13, 22].

În distribuția după nivelul de educație a persoanelor plecate peste hotare, femeile dețin ponderi aproximativ egale cu bărbații în categoria persoanelor cu nivel superior de instruire (respectiv 51,3% femei şi 48,7% bărbați) [13, 66].

Şomajul şi, în special, intensitatea acestui fenomen denotă cât de funcțională este piața muncii şi respectiv cât de rezultative sunt măsurile politicii de ocupare. În Republica Moldova bărbații predomină atât în numărul total de şomeri (61,8% în 2006), cât şi în rândul şomerilor de lungă durată (64% în 2006).

Aici trebuie să remarcăm, că rata mai mare a şomajului printre bărbați decât printre femei poate fi apreciată ca fiind specifică țării noastre, pe când pentru țările din Occident şi ale Europei Centrale este obişnuită mai curând situația inversă. Această particularitate nu neapărat se explică printr-o emancipare deosebită a femeilor în Republica Moldova, ci mai degrabă, după opinia unor autori, de anumite particularități socio-economice [5, 14].

O influență deosebită asupra şomajului îl are şi nivelul de studii. Datele arată, că în anul 2008 cota şomerilor cu studii superioare a constituit 12,4% din totalul şomerilor [4, 144], ceea ce nu este caracteristic țărilor dezvoltate cu o economie de piață. Aceasta vorbeşte de faptul, că în momentul actual, în Republica Moldova nevoia de muncă necalificată este mai mare decât nevoia de muncă calificată, fapt determinat de structura ocupațională a economiei [8, 15]. În acelaşi timp, datele statistice au demonstrat următoarea legitate: cu cât este mai înalt nivelul de instruire, cu atât ponderea femeilor în totalul şomerilor tinde să atingă nivelul înregistrat de bărbați: ponderea femeilor cu studii superioare predomină asupra ponderii bărbaților din aceeaşi categorie (în rândul şomerilor cu nivel superior de instruire ponderea femeilor este de 45% în 2006) [13, 71]. De asemenea, un număr mai mare de femei decât bărbați întră în categoria şomerilor de foarte lungă durată (24 de luni şi peste) [3, 85].

Cu toate acestea, emigrarea forței de muncă poate avea loc chiar şi în rândul persoanelor care au un loc de muncă în țară, cauza economică principală a emigrării fiind diferențele dintre nivelele naționale ale salariului, care deseori nu sunt în stare să acopere nici minimul necesar de subzistență fiziologică ale indivizilor [16, 142].

Din aceste considerente ar trebui să atragem atenția la starea materială a femeilor în societatea noastră, aceasta fiind destul de reprezentativă. Femeile alcătuiesc mai mult de jumătate în structura populației defavorizate (situate mai jos de minimul de existență). Trei pătrimi din persoanele angajate la lucrări care nu necesită o înaltă calificare sunt femei. În condițiile sărăciei aceste femei completează mai frecvent grupurile de risc social [8, 16-17].

Datele privind remunerarea muncii, arată faptul că, în 2006 femeile au câştigat în medie cu 32% mai puțin decât bărbații (doar 68% din salariul mediu al

bărbaţilor). În 2007 diferenţa a scăzut sub 30%, ajungând la 27,36% (femeile au cîştigat 72,64% din salariul mediul al bărbaţilor). Diferenţa de salarizare în defavoarea femeilor se menţine inclusiv în acele domenii economice, unde femeile constituie majoritatea salariaţilor, precum învăţământ, sănătate şi asistenţă socială [3, 18].

Încercând tragerea unor concluzii, trebuie să recunoaştem, că interminabila noastră tranziţie spre economia de piaţă este însoţită de şomaj, sărăcie, polarizarea societăţii şi alte fenomene socio-economice destructive. Toate acestea au afectat ambele genuri, costurile tranziţiei şi efectele dezastruoase ale recesiunii economice repercutându-se mai grav asupra femeilor [15]. În vederea îmbunătăţirii propriei situaţii femeile tot mai activ se integrează în relaţii de muncă şi tot mai des se orientează spre piaţa străină de muncă în vederea satisfacerii propriilor necesităţi.

Reieşind din cele expuse putem confirma faptul, că politicile în domeniul ocupării forţei de muncă, asigurărilor sociale, asistenţei sociale, migraţiei populaţiei nu mai pot fi „gender neutre", în mod obligatoriu acestea trebuie să ţină cont de dimensiunea de gen [10, 45], de rolul specific al femeii în societate şi în mod deosebit de calitatea sa de garant al procreării, de rolul ei enorm în educarea generaţiei în creştere, roluri care comportă dificultăţi suplimentare mai ales în economiile de piaţă tinere, confruntate cu probleme de edificare şi funcţionalitate a economiilor naţionale [13, 71]. În mod deosebit trebuie apreciată valoarea forţei de muncă calificate şi, în special, a femeilor cu studii superioare, deoarece acestea facând parte din capitalul uman cu nivel superior de pregătire sunt în acelaşi timp, datorită specificului de gen, îndeosebi vulnerabile faţă de problemele socio-economice din ţară.

Bibliografie:

1. Concepţia politicii de stat pe termen mediu privind pregătirea specialiştilor cu studii secundare profesionale, medii speciale şi superioare pentru economia naţională a Republicii Moldova. Proiect elaborat de Institutul de Politici Publice. – Chişinău : IPP, 2007. http://www.almamater.md/cgi/jump.cgi?DB=Article&view=File_ro&ID=2435.
2. Deleu D. Traficul de femei. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XIV. – Chişinău: USM, 2000.
3. Femei şi bărbaţi în Republica Moldova. Culegere statistică. – Chişinău: Elan Poligraf, 2008, http://www.statistica.md/public/files/publicatii_electronice/femei_si_barbati/Femei_barbati_2008.pdf.
4. Forţa de muncă în Republica Moldova. // Labour force in the Republic of Moldova: Ocupare şi şomaj. / Biroul Naţional de Statistică al Republicii Moldova. – Chişinău: Statistica, 2008, http://www.statistica.md/public/files/publicatii_electronice/ocupare_somaj/fm_2009.zip.

5. Goţişan I. Tendinţe şi pronosticuri referitoare la piaţa muncii din Republica Moldova. – Chişinău, 2006, http://ipp.md/files/Publicatii/2007/Studiu_Gotisan_Iurie.doc.
6. Migraţia forţei de muncă în Republica Moldova. – Chişinău, 2008, http://www.statistica.md/public/files/publicatii_electronice/migratia/Migratia_FM.pdf.
7. Moşneaga V., Rusnac Gh., Ţurcan V. Migraţiunea forţei de muncă în Republica Moldova: cauze, tendinţe, efecte. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). №1 (XXV), 2004. - Chişinău: USM, 2004.
8. Politici migraţionale în Republica Moldova. – Chişinău, 2004, http://www.ipp.md/public/biblioteca/88/ro/Politici%20migrationale%20raport%20integral%20rev%2030-10-04.zip.
9. Saca S. Integrarea genurilor în societate în contextul transformărilor democratice. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XVII. – Chişinău: CAPTES, 2001.
10. Saca V., Gorea I. Sistemul instituţional şi legislativ de realizare a egalităţii genurilor în Republica Moldova. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică nr.3 (XXX), 2005. - Chişinău: USM, 2005.
11. Sigvardsdotter E. Migraţia şi dezvoltarea Republicii Moldova – apariţia reţelelor sociale ale migranţilor (în baza cercetărilor sociologice). // Populatia Republicii Moldova in contextul migratiilor internationale. Vol. II. – Iaşi: Pan-Europe, 2006.
12. Tendinţe şi politici migraţioniste în regiunea Mării Negre: cazurile Republicii Moldova, României şi Ucrainei. – Chişinău, 2008, http://www.viitorul.org/public/1675/ro/Migratia_rom_final.pdf.
13. Trofimov V. Femei şi bărbaţi pe piaţa muncii în Republica Moldova. Raport analitic. - Chişinău: Bons Offices, 2008, http://www.statistica.md/public/files/publicatii_electronice/femei_si_barbati/women_men_labour_market_ro.zip.
14. Ţurcan V. Administraţia Publică Locală din Republica Moldova referitor la procesele migraţionale ale populaţiei ţării (în baza cercetărilor sociologice calitative). // Populatia Republicii Moldova in contextul migratiilor internationale. Vol. II. – Iaşi: Pan-Europe, 2006.
15. Unele aspecte ale situaţiei femeii în Republica Moldova, http://iatp.md/articles/woman.htm.
16. Vaculovschi D. Fenomenul migraţiei forţei de muncă: Moldova în perioada actuală. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XVI. – Chişinău: USM, 2001.
17. Краузе А. Трудовая миграция населения Молдовы: состояние и перспективы. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XIII. – Chişinău: USM, 2000.

18. Мошняга В. Трудовая миграция и угрозы безопасности: общие аспекты. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XVI. – Chişinău: USM, 2001.
19. Мошняга В., Евдокимова Л. Трудовые мигранты Молдовы: в поисках механизма защиты (по результатам экспертного опроса). // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XXII. – Chişinău: USM, 2003.
20. Мошняга В., Соколов В. Миграционные намерения и практика молдавского студенчества (по результатам социологических исследований). // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XII. – Chişinău: USM, 1999.
21. Овсянникова М. Женская трудовая миграция как сфера социального риска. // Conferinţa ştiinţifică internaţională „Învăţământul superior şi cercetarea – piloni ai societăţii bazate pe cunoaştere" dedicată jubileului de 60 ani ai Universităţii de Stat din Moldova, 28 septembrie, 2006. – Chişinău: CEP USM, 2006.
22. Овсянникова М. Труд женщин-мигрантов как один из факторов дискриминации. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). nr.3 (XXXIVI), 2006. - Chişinău: USM, 2006.
23. Политология: Учебник по специальности «международные отношения». Том 2. / Коорд.: В.Мошняга, Г.Руснак, В.Сакович, В.Сака. – Кишинэу: CEP USM, 2008.
24. Руснак Г., Мошняга В., Цуркан В. Человеческий капитал как фактор адаптации в миграционной ситуации: молдавские мигранты с высшим образованием (по данным социологических опросов). // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). nr.4 (XXXIX), 2007. – Chişinău: USM, 2007.
25. Сидоренко У., Коман А. «Утечка умов» в Республике Молдова. // Население Молдовы и трудовая миграция: состояние и современные формы. – Кишинёв: Молд.ГУ, 2000.

Prezentat la redactie
la 23 septembrie 2009

Recenzent – **Valeriu MOŞNEAGA**, doctor habilitat în ştiinţe politice, profesor.

ИТАЛИЯ ГЛАЗАМИ МОЛДАВСКИХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ

Валерий МОШНЯГА
Республика Молдова, Кишинев, Молдавский Государственный Университет, факультет международных отношений, политических и административных наук, кафедра политологии
Доктор хабилитат политических наук, профессор, заведующий кафедрой,

Виктор МОРАРУ
Республика Молдова, Кишинев, Молдавский Свободный Независимый Университет Молдовы, Центр масс-медиа
Доктор хабилитат политических наук, профессор

Георгий РУСНАК
Республика Молдова, Кишинев, Академия Наук Молдовы
Доктор хабилитат исторических наук, профессор, академик

Методология исследования

В рамках проекта «European Commission Aeneas Programme BrainNetworking Project» в октябре 2008 года – феврале 2009 года нами было проведено качественное социологическое исследование по проблемам трудовой миграции молдавского населения в страны Европейского Союза (Италия и Испания). Планировалось провести в соответствии с полученными инструкциями 35 углубленных интервью интервью с молдавскими трудовыми мигрантами в Италии и Испании. Социально-демографические и страновые параметры были следующими: по Италии – 20 респондентов (15 женщин и 5 мужчин), по Испании – 10 (7 мужчин и 3 женщины). По образованию 50% респондентов должны были быть с высшим образованием, по возрасту большинство респондентов 2/3) должны были быть людьми в возрасте до 40 лет.

В общей сложности нами было проинтервьюировано 68 молдавских трудовых мигрантов. В страновом разрезе картина была следующая: в Италии – 54 респондентов (41 женщина и 13 мужчин); в Испании - 14 (6 женщин и 8 мужчин). Среди опрошенных широко представлены жители городской и сельской местности, представители различных возрастов, образования, находящиеся легально / нелегально, длительно / краткосрочно в стране приема. Среди респондентов имеются как действующие трудовые мигранты, так и бывшие мигранты, вернувшиеся в Молдову в последние два года и нашедшие себя в бизнесе, политической деятельности. Многие из них не теряют контактов со со страной эмиграции, поддерживают дело-

вые и личностные контакты с населением, представителями бизнеса Италии или Испании. Представленные интервью предоставили разнообразную и богатую информацию по исследуемой проблеме. Они явились отражением сложного времени общественных трансформаций, срезом многообразия человеческих судеб, стратегий выживания и миграции.

Осуществление такого количества интервью было обусловлено рядом обстоятельств: - необходимостью получения более полной и обстоятельной информации; - вовлечением в процесс интервьюирования большого числа интервьеров, что автоматически привело к превышению количества интервью; проведение интервью в различных странах и населенных пунктах; стремлением соблюсти необходимые параметры респондентской совокупности, заданной руководителями проекта и социологического исследования.

Для проведения углубленных интервью с респондентами мы использовали план интервью, разработанный украинскими коллегами, участвующими в данном проекте и качественным социологическом исследовании. Этот план интервью был доработан, расширен, переведен на румынский язык. Следует отметить, что в целом структура (план) интервью оказался достаточно сложным как для интервьюеров, так и для респондентов. Интервью осуществлялось на румынском и русском языках.

В проведении интервью принимали участие молдавские участники проекта, преподаватели и докторанды кафедры политической науки Молдавского государственного университета и мастеранды Центра масс-медиа Свободного Независимого университета Молдовы. Интервьюирование проводилось как в Республике Молдова, так и в Италии и Испании, преподавателями кафедры политической науки Молдавского госуниверситета, переехавшими на постоянное местожительство в эти страны. За активное участие и посильную помощь в проведении полевых работ высказываем им нашу искреннюю благодарность.

Качественное социологическое исследование включало в себя помимо интервьюирования респондентов (молдавских трудовых мигрантов), также интервьюирование экспертов по проблемам молдавской трудовой миграции. Согласно полученным установкам по тематике исследования было необходимо проинтервьюировать 7 экспертов. В общей сложности в ходе полевого исследования нами были осуществлены интервью с 12 экспертами. Из них 8 – проживают в Республике Молдова, 3 - в Италии и 1 – Испании. При этом экспертами в Италии и Испании выступили также молдавские граждане, которые проживают в этих странах.

В качестве экспертов были выбраны представители молдавских государственных структур (министерств и ведомств), задействованных в той или иной степени в проведение миграционной политики Республики Мол-

дова (министерства иностранных дел и европейской интеграции, министерство экономики и торговли, национального бюро межэтнических отношений). В общей сложности было опрошено 5 представителей центральной и местной власти.

Среди экспертов были также и представители гражданского общества: представители церкви, академического сообщества, национальных и международных исследовательских центров, профсоюзов, молдавских национально-культурных обществ и т.д.

Для проведения интервью с экспертами была разработан план интервью, который по мере возможности и необходимости использовался при разговоре с экспертами. При интервьюировании экспертов был получен значительный объем информации, представляющий непосредственный и конкретный интерес для данного исследования. Так, в частности, исследовался вопрос о воздействии нынешнего финансово-экономического кризиса на миграционные планы и стратегии трудовых мигрантов, их возвращение на родину, в Республику Молдова.

1. Почему Италия?

Италия представляет особый интерес для молдавских трудовых мигрантов. Это страна-«мечта» для молдавского населения, мечтающего выехать на заработки за рубеж. По численности молдавских трудовых мигрантов она уступает только России.

Во-первых, это страна Европейского Союза, в которой уровень жизни и размеры заработной платы значительно выше, чем в Республике Молдова. Кроме того, в силу развитости сферы туризма, сельского хозяйства и услуг, в Италии имеются неплохие возможности для трудоустройства трудовых мигрантов. Италия наряду с Португалией, Испанией, Грецией входит в группу средиземноморских стран с высокой долей неформального сектора экономики. Современная Италия – это страна, совершающая и во многом совершившая переход к постиндустриальной экономике и социальному развитию. В ней широко востребована рабочая сила, занятая по уходу и содержанию детей, больных и престарелых людей.

Р.29. *«Выбор Италии в качестве страны трудовой миграции был не случаен. Я уже говорила, что там много лет живет и работает моя мама. Как и другие мои родственники. Я знала, что страна входит в ЕС, очень развитая. Заработок выше,чем в Молдавии. Больше рабочих мест».*

Во-вторых, итальянский язык входит в группу романских языков. Это облегчает для молдаван, язык которых также входит в эту группу, процесс овладения итальянским языком. На наш взгляд, итальянский язык наиболее близок молдавскому (румынскому) языку. Как показывает практика овладения языком молдавскими гражданами в Испании, Италии, Португа-

лии, молдаване, к примеру, в отличие от украинцев и россиян, значительно легче и проще, без посещения специальных лингвистических курсов овладевают языком страны пребывания.

Поэтому, когда в середине ‘90-х годов XX века первые молдавские трудовые мигранты стали осваивать Италию, в условиях миграции в полную неизвестность, не обладая налаженными и функционирующими миграционными сетями, это было существенным фактором.

Эксперт 7: *«Молдаване, работающие в Италии, в этом отношении справляются очень хорошо, благодаря тому, что итальянский язык является языком романской группы, очень похож на румынский язык. Это несомненный плюс для молдаван. Если учить язык самостоятельно, пользуясь учебником или словарем, то изучение языка может продолжаться на два месяца. Если же вступать в контакт с местным населением и общаться на улице или на работе, то процесс овладения языком будет значительно короче, около месяца».*

В-третьих, итальянский выбор молдавских трудовых мигрантов был обусловлен в немалой степени и тем обстоятельством, что Италия оказалась одной из наиболее близких стран Европейского Союза и в плане расстояния. Расстояние до Рима практически равно расстоянию до Москвы. Более того, попадание в Италию осуществлялось в основном по двум транспортным коридорам: балканский и румыно-венгеро-австрийский. ‘90-е годы XX века были золотым временем для получения туристических виз в Европу. Процесс формирования национальных государств на Балканах, пост-югославском пространстве не препятствовал легальным и нелегальным миграционным процессам в Италию. Кроме того, безвизовый режим с Румынией создавал дополнительные благоприятные возможности для успешного осуществления миграционных планов, движения по балканскому коридору.

В-четвертых, Италия это страна с давними миграционными традициями и высокими уровнем эмиграции населения в другие страны. В силу этого у в сознании итальянцев прочно укоренилось толерантное отноешние к мигрантам. В силу специфики эмиграционной ситуации, ситуации на рынке труда и господствовавшего толерантного общественного мнения в стране, итальянские власти проводили либеральную иммиграционную политику. Хотя в последние годы, под воздействием огромного наплыва иммигрантов в Италию и нецивилизованного поведения части из них, в первую очередь граждан Румынии, правительство стало ужесточать миграционную политику, усиливать ее рестриктивный характер.

В-пятых, в начале XXI века в Италии сложилась достаточно разветвленная миграционная сеть, представленная родственниками, друзьями, односельчанами приезжающих на заработки молдавских трудовых мигран-

тов, которые оказывали помощь в поиске работы, содействовали процессам социальной адаптации и интеграции в испанское общество. Это способствовало повышению значения Италии в качестве аттрактора молдавских трудовых мигрантов.

2. Молдаване в Италии: социально-демографический портрет

Массовая трудовая миграция молдавского населения в Италию берет начало в конце ’90-х годов XX столетия. Причины этого кроются в экономическом кризисе 1998-1999 годов, высоком уровне безработицы и бедности населения (в 1999 году 80,9% населения в малых городах, 76,9% в селах и 50,4% в больших городах жили ниже черты бедности).

Этому способствовало и то, что с 2001 года граждане Румынии получили возможность безвизового передвижения в рамках Европейского Союза. Молдавские граждане, пользуясь облегченной процедурой получения румынского гражданства в отношении уроженцев Бессарабии и Буковины, в срочном порядке стали оформлять гражданство Румынии.

Отметим также и принятие Италией в 2002 году закона Босси-Фини, который разрешил миграционную амнистию и положил начало массовой легализации трудовых мигрантов.

Таблица 1. Динамика численности легальных молдавских трудовых мигрантов в Италии (2001-2007 гг., по данным Caritas)

год	*всего*	*% женщин*
2001	4.356	...
2002	6.861	71,9
2003	36.361	71,0
2004	37.971	69,0
2005	47.632	66,0
2006	55.803	65,1
2007	68.591	66,4

По данным Министерства Внутренних дел Италии на 1 января 2008 года вид на жительство имели 72.399 молдавских гражданина, из которых более 70 процентов (70,2%) женщины. По данным МВД на 1 января 2009 года в Италии было зарегистрировано 88.717 легальных мигрантов из Республики Молдова.

Полагаем, что общая численность молдавских трудовых мигрантов в Италии больше. Дети в возрасте до 14 лет, не учитываются среди легальных мигрантов, ибо они вносятся в разрешающие документы своих родителей, получивших легальный статус пребывания в Италии. Следует также учесть, что определенная часть молдаван обладает двойным гражданством

(молдо-румынским и молдо-болгарским), легально прибыло, проживает и работает в Италии по румынским или болгарским паспортам стран Европейского Союза. Кроме того, подчеркнем, что значительная часть молдавских трудовых мигрантов находится в Италии нелегально. Отсюда, по экспертным оценкам, общая численность молдавских трудовых мигрантов составляет 100-130 тысяч человек.

Эксперт 5: *«Согласно официальным данным итальянского правительства на территории Италии легально находится 132 тысячи молдавских граждан. Эта цифра была названа министром иностранных дел Италии Массимо д'Алема во время его визита в Кишинэу в январе этого года. Посольство же оперирует другой цифрой. По нашим данным фисло молдавских граждан, находящихся в Италии составляет около 200 тысяч человек. Италия занимает второе место по численности молдавских мигрантов, диаспоры. Большинство из них прибыло в страну нелегально. Мы признательны правительству Италии за то, что из года в год растет число молдавских граждан, которым удается легализоваться в этой стране. Если в 2006 году было предоставлено 5 тысяч рабочих мест для молдавских граждан, по декрету Флусси-2007 года их доля выросла до 6.500. на это рабочие места представили заявления 38 тысяч молдаван. Таким образом, мы выходим к нашим статистическим данным – 132 тысячи плюс другие 38 тысяч».*

Женщины составляют 2/3 всех легализованных молдавских трудовых мигрантов. Это свидетельствует о том, что процесс воссоединения семей еще не получил широкого развития среди молдавских мигрантов в Италии. В то время как внутри других этнических групп мигрантов происходит постепенная нормализация демографической структуры: женщины составляют 50,4% всех мигрантов.

Сравнивая территориальное размещение молдавских трудовых мигрантов и мигрантов из других этнических групп, можно сделать вывод, что молдаване в Италии размещены более неравномерно: на северо-востоке - 51,5% (другие – 26,9%), на северо-западе – 23,6% (35,6%), в центре – 21% (25,0%), на юге – 3,6% (8,9%), на островах – 0,4% (3,6%). Среди наиболее привлекательных областей выделяются Венеция (28,3%), Эмилия-Романья (18,7%), Ломбардия (14,2%), Лацио (10,6%), Пьемонт (8,2%).

Диаграмма 1. Территориальное размещение молдавских легальных трудовых мигрантов в Италии.

Среди итальянских граждан молдаван немного. За период 2003-2007 гг. итальянское гражданство получили 879 человек. Основная масса (878 человек получили путем женитьбы: молдаванки вышли замуж за итальянца. Примеров женитьбы молдавского гражданина с итальянкой зафиксировано не было). В то же время в ходе проведенного исследования мы столкнулись с таким случаем.

<u>Р.39.</u> *«Был один приятель, который женился на итальянке. Так к нему на протяжении года приходили домой из разных социальных служб с проверкой. Хотели убедиться, что брак не фиктивный. Проверяли сколько зу-*

бных щёток в ванной, есть ли совместные фотографии, общая ли у них спальня и так далее. Проводили беседы по поводу того, собираются ли они заводить детей, всё ли у них нормально, не собираются ли разводиться. А вообще фиктивные браки у них в стране довольно распространены. Даже есть негласная цена – итальянец / итальянка берёт от десяти тысяч евро, кому как повезёт, или кто как сторгуется».

Один гражданин Молдовы получил итальянское гражданство вследствие натурализации. Нетипичность этого канала получения итальянского гражданства объясняется тем, что для получения граданства путем натурализации необходимо 10 лет легально прожить в Италии.

Данные о рождениях детей среди молдавских мигрантов позволяют глубже понять состояние интеграционных процессов. Согласно данным Министерства внутренних дел Италии в 2001-2006 годах было зарегистрировано рождение 2.043 детей, у которых родители являются гражданами Республики Молдова

Таблица 2. Динамика рождения детей, у которых родители являются гражданами Республики Молдова (2001-2006 гг.)

год	*2001*	*2002*	*2003*	*2004*	*2005*	*2006*	*Всего*
всего детей	55	69	135	467	603	714	2.043

Следует подчеркнуть, что это отнюдь не значит, что эти дети, рожденные на территории Италии, являются гражданами Италии по рождению. Итальянский закон о гражданстве (ст.1, закон №91/1992) исходит из «принципа крови» (*jus sanguinis).* Гражданином Италии по рождению является только тот, у кого хотя бы один из родителей является гражданином Италии. Человек, рожденный на территории Италии, получает итальянское гражданство, если проживал в стране легально, без перерыва, и в течение года по достижении совершеннолетия заявляет о своем желании получить итальянское гражданство (ст.2, закон №91/1992).

В 2007-2008 учебном году в системе образования Италии зафиксировано 12.564 молдаван. При этом рост учащихся по отношению к 2006-2007 учебному году составил 21,0%.

В 2007-2008 учебном году в детских дошкольных учреждениях – находилось 9,0% молдаван; в начальной школе – 29,7%; в средней школе – 27,1%; в высшей школе – 34,2%. Сравнение с аналогичными показателями по категории всех мигрантов в Италии свидетельствует о том, что основная масса молдавских учащихся не рождена в Италии, а приехала в результате воссоединения семей.

Молдавских студентов больше всего в университетах Падуи и Рима (Университет «Sapienza»). Наиболее привлекательными являются факультеты экономики; медицины и хирургии.

В 2007 году из 64.526 молдавских легальных трудовых мигрантов работали без перерыва, то есть 252 дня, 51.149 человек. 2/3 всех легальных занятых составляют женщины. Молдавские трудовые мигранты заняты в сфере услуг (особенно, домашние услуги и забота о больных и престарелых) – 2/3, в промышленности и строительстве – 22,1%, в рыболовстве и сельском хозяйстве – 5,2%. Не указали сферы занятости 6,9%.

Зарплата у молдавских трудовых мигрантов как мужчин, так и женщин значительно ниже, чем зарплата в среднем по трудовым мигрантам. Это объясняется тем, что заработная плата в сфере услуг на 50% ниже, чем в других секторах (данные по 2004 году).

Эксперт 6: *«Месячная зарплата: согласно опросу, проведенному L'IMPS (национальный институт социального предвидения) составляют от 650-1000 евро в мсяц для женщин и 1000-1500 евро для мужчин».*

Некоторая, незначительная часть молдаван фиксируется в сфере бизнеса. Если в 1998 году было отмечено только 2 индивидуальных предприятия молдавских граждан в Италии, то в середине 2008 года их было зафиксировано 1493 (96,1% после 2002 года; 40% - в последние 2 года). Основная масса молдавских бизнесменов сосредоточена в строительстве – 70,2% (по всем трудовым мигрантам – 39,1%) и торговле – 8,2% (по всем трудовым мигрантам – 35,0%). Это свидетельствует о том, что формирование молдавского бизнеса в Италии идет по тем же путем, как и у других этнических групп трудовых мигрантов. Правда, с определенным запаздыванием. В последнее время молдавские граждане начинают быстро «учиться». Согласно газете «La Republica. Metropoli» (2009, 7 июня, с.8) на 31 декабря 2008 года в Италии было зарегистрировано 2.245 предприятий, созданных молдавскими гражданами. Для сравнения гражданами Украины на этот период было зарегистрировано 2.213 предприятий.

Молдавские трудовые мигранты осуществляют большие денежные переводы своим семьям в Молдову.

Таблица 3. Динамика денежных переводов молдавских трудовых мигрантов из Италии в Республику Молдову в 1995-2007 годах.

год	*тысяч евро*
1995	2
1996	4
1997	14
1998	87
1999	313

2000	710
2001	2.302
2002	1.552
2003	970
2004	29.792
2005	46.063
2006	53.684
2007	54.567

При этом наблюдается неравномерность денежных переводов из основных зон сосредоточения молдавских трудовых мигрантов. Более того, отчетливо видно, что происходит сокращение денежных переводов из регионов, где легальные трудовые мигранты решают остаться на постоянное местожительство, перевезли туда свои семьи из Молдовы.

Таблица 4. Доля денежных переводов молдавских трудовых мигрнатов в разрезе основных зон размещения в Италии.

Географическая зона Италии	***доля молдавских легальных трудовых мигрантов***	***доля денежных переводов***
Запад	23,5%	25,4%
Центр	21,0%	23,6%
Северо-восток	51,5%	30,2%
Юг	4,0%	17,8%

В условиях нынешнего кризиса их численность несколько уменьшается.

Р.17. «*На сегодняшний день ситуация улучшилась. Поутих ажиотаж. Многие, кто проживал нелегально, получили вид на жительство. Одним словом, ситуация улучшилась, но в условиях кризиса, я думаю, многие останутся без рабочих мест*».

3. Причины выезда.

Углубленные интервью с трудовыми мигрантами свидетельствуют, что основными факторами, обуславливающими выезд молдавского населения за рубеж в поисках работы, являются социально-экономические причины. При этом в качестве доминирующей причины является тяжелое материальное положение семьи, отсутствие работы и рабочего места, заработков, достаточных для нормального существования / проживания, необходимость решения различных социально-бытовых проблем, связанных с

питанием, проживанием, лечением, обучением детей в школе, высших учебных заведениях, приобретением квартиры или постройкой дома, покупкой автомобиля и товаров долговременного пользования.

Каждая история, рассказанная респондентом, индивидуальна и уникальна. А все вместе они похожи и типичны для современной Молдовы, жизни ее населения. В трудовой эмиграции люди видят единственный выход, возможность изменить свою жизнь к лучшему.

Р.26. *«Я работала в школе учителем физкультуры, получала 400 лей в месяц. У мужа была своя компания, и мы жили в достатке. Но пошла чёрная полоса в жизни. Компания мужа разорилась, муж стал каждый день пить, моих 400 леев ни на что не хватали. Начала у родственников занимать деньги, потому что даже на хлеб не хватало с моей зарплаты, так все деньги уходили на коммунальные услуги. Очень страшно вспоминать этот момент жизни: муж каждый день с бутылкой в руках, дети, которые просят деньги на учебники, тетради, ручки. Родственники, которые просят вернуть свои деньги. Да, это был какой-то кошмар. Вариантов никаких не было кроме того, чтобы поехать на заработки в Европу».*

Р.23. *«Не могу сказать, что у меня не было работы. После окончания университета я работала учителем, затем библиотекарем. Это была стабильна, но, к сожалению, малооплачиваемая работа. Полученная зарплата не могла покрыть всех потребностей моей семьи: оплата коммунальных услуг, покупка всего необходимого для домохозяйства и т.д.».*

В то же время, в последние годы растет количество трудовых мигрантов, которые имели в Республике Молдова работу, обладали нормальным жильем, получали неплохую (по молдавским меркам) заработную плату, позволяющую их семье не бедствовать. Эти люди стали трудовыми мигрантами не столько по причине того, что им нечего есть и негде работать. В качестве определяющей причины выступило желание получать более высокую заработную плату, иметь больше, чем они имеют дома за один и тот же труд. Чтобы таким путем решить имеющиеся материальные проблемы или улучшить существующее материальное положение.

Это свидетельствует о том, что молдавская рабочая сила становится все более «капризной». В условиях глобализации она начинает мыслить не только категориями своей страны, собственного рынка труда и заработной платы, а начинает сравнивать социально-экономическую ситуацию, параметры и уровень жизни у себя в стране и за рубежом. Она делает выбор в пользу более выгодной работы, более приемлемых и человеческих условий труда и жизни, более человечного отношения к человеку, работнику и гражданину в стране приема.

Р.5. *«Сколько времени я жила с родителями, как и сейчас со своей семьей, всегда было хорошее материальное положение. Но как и всякий че-*

ловек, я хотела большего, большего для своих детей. По правде говоря, именно это обстоятельство определило, в конечном счете, наше нахождение здесь. На момент отъезда я не чувствовала больших материлаьных проблем. Но учитывая то, что мы – молодая семья, имеем и продолжаем иметь большие ожидания от жизни, все это определило наше решение о выезде за рубеж».

Р.8. *«Идея о выезде за границу мне пришла экспромтом. Приятели сообщили, что они едут за границу. Решила ехать и я, хотя у меня была хорошая работа в Кишиневе».*

Как показывает практика социологических опросов среди трудовых мигрантов имеется и третья наименее многочисленная категория граждан, которые включаются в трудовую миграцию вследствие иных причин. Для них заработок, повышение своего материального положения или материального положения их семьи не представляется важным, существенным, необходимым. По простой причине, что это у них есть.

Чаще всего это молодые люди из хорошо обеспеченных семей. Для них главным фактором, толкающим их в миграцию является стремление проверить себя в трудовой деятельности за границей, быть наряду со всеми, посмотреть мир и заодно заработать. Или решить другие проблемы, связанные с учебой, занятием спортом; стремление быть рядом с родными и близкими людьми; желание сменить обстановку, забыть о пережитых семейных трагедиях и драмах; быть самостоятельным от родителей.

Р.17. *«Был полон надежд на светлое будущее и безоблачную жизнь в Италии, мечтал о спортивной карьере. На момент моего выезда причины материального плана не играли главной роли в выборе пути трудовой эмиграции. По выезду в Италию я сказал, что важным был момент спортивной карьеры».*

Р.46. *«Оба моих родителя имеют высшее образование, у них всегда было хорошее место работы. …У меня, как и у моей супруги была одна цель – быть независимыми от родителей, которые воспротивились, когда узнали, что мы уезжаем на заработки за кордон, да еще нелегально.*

Сколько мы были в стране ни минуты не чувствовали материальных трудностей. Но это происходило не потому, что мы могли себе все обеспечить. Суть была в том, что мы, как молодая семья, ощущали полную поддержку и помощь со стороны родителей. Мы хотели стать самостоятельными, иметь квартиру, купленную на собственные деньги. Самый большим импульсом к выезду, явилось, если можно так сказать, то, что мы попали в моду, когда появилась мода на выезд в тот период».

То есть, в сегодняшней молдавской трудовой миграции наблюдается расширение спектра причин, в силу которых люди отправляются за рубеж в поисках лучшей доли.

4. Проникновение в Италию.

Готовясь к поездке за рубеж, молдавские трудовые мигранты предпринимают определенные действия.

Во-первых, это подготовка необходимых документов и морально-психологическая подготовка, изучение языка, законодательства, обычаев и традиций народа. Однако, такой подход не является типичным.

Р.6. *«Конечно, были определенные сложности при реализации плана выезда на заработки за рубеж. Ну, во-первых, необходимо было собрать требуемые документы. А, во-вторых, трудно было подготовить себя морально, все-таки не каждый день выезжаешь за границу».*

Р.33. *«Знания о Италии были поверхностными, а выбор был осознанным и готовился тщательно. Я записалась на курсы по изучению языка, ознакомилась с законами, и традициями».*

В-вторых, и это более характерно - нахождение финансов для реализации поездки. Речь идет, конечно, не о 35-60 евро для оплаты официальной визы. Суммы значительно превышают эти таксы: за неофициальное решение, за срочность и т.д.

Р.42. *«Деньги для поездки, как и большинство людей, уезжающих за границу, я взяла под проценты».*

Р.30. *«Не очень сложно найти даже большие суммы денег, потому что у нас практикуется метод залога. Так я оставила в залог дом и до тех пор пока не возвращала всю сумму плюс установленные проценты, мне не возвращали мое жилье».*

В-третьих, нахождение определенных людей или фирм, которые за определенную, часто достаточно весомую плату занимаются оформлением документов и успешным получением визы в страны Европейского Союза. Отметим, что не у всех трудовых мигрантов имеется отрицательное отношение к подобного рода фирмам. Люди хотят получить помощь и надеются на нее. Этим нередко пользуются непорядочные люди, которые делают на слезах других свой бизнес.

Р.52. *«С туристическими агенствами и трудовыми агентами дела не имел, хотя знаю о их деятельности. Но знаю также, что они могут обмануть».*

Р.46. *«Я отправился за границу с помощью одного, так называемого агентства-фантома. Все приключение длилось около месяца. Полагаю, что могу это назвать приключением, учитывая то, что и я, и моя жена оказались в Африке без копейки денег, без ничего».*

В-четвертых, учитывая то обстоятельство, что имеется немало случаев, что людей «кидают», обманывают, не выполняют взятые обязательства, потенциальные мигранты стремятся «работать» с теми, в отношении

которых испытывают доверие (личное или корпоративное), обращаются к родственникам, друзьям и знакомым, которые на личных доверительных связях помогают с установлением контактов в различного рода фирмах и агентствах.

Р.29. *«Помощь материальную в отъезде оказала мама, а фирму, оказавшую содействие в отъезде посоветовали знакомые. Я делала документы через фирму. На подготовку и оформление документов я вложила много денежных средств и времени».*

Р.51. *«Через свою соседку, у которой племянница была в Италии, я познакомилась я несколькими мужчинами, которые за кругленькую сумму (2000 евро), должны были помочь мне попасть в Италию. Деньги я одолжила у своих нанашей (посаженных отцов на свадьбе), которые согласились мне помочь и которые отдали бы этим людям деньги только после моего успешного прибытия в Италию».*

Р.42. *«Обратилась в фирму, которая обещала открыть визу, сопровождать, да еще и по прибытии на место трудоустроить. Стоило это мне немного дороже, чем во всех остальных фирмах, но и мое доверие оправдалось. Когда мы прибыли в Италию, нас встретил человек от этой фирмы там. Распределили нас по городам, все зависело от того, какое у вас образование и есть ли опыт работы».*

В-пятых, получение туристической или рабочей визы, приглашения родственников, находящихся легально в Италии.

Р.47. *«Впервые выехала в Италию 4 года назад по туристической путевке. Виза была открыта на один месяц. Туристическое агентство гарантировало только выезд».*

Р.39. *«Никаких проблем при въезде на территорию Италии не было – у меня стояла рабочая виза на полгода. И контракт с работодателем. Вообще, как я понял, для них самое главное чтобы было какое-то официальное лицо на их территории, которое могло бы за тебя поручиться и нести ответственность за твоё пребывание на их территории, и конечно же за его срок. Лучше, конечно, юридическое лицо. В моём случае это был мой работодатель».*

Р.22. *«Сестра послала трудовой контракт по уходу за больным для меня, и на работу на стройке для моего мужа».*

Если ранее акцент делался на получение туристической визы в Италию, то сегодня, акцент ставится на получение визы на основе официального приглашения / трудового контракта, оформление документов через молдавские транспортные фирмы, обладающие контрактами с коллегами из Испании.

Р.11. *«Если раньше люди выезжали через туристические агентства, через посредников, то сейчас это все прекратили. Сейчас в основном вы-*

езжают те, у которых имеются родственники и знакомые, которые работают в Италии и могут обеспечить им рабочий контракт, или те, которые много лет ездят и знают, что и как надо делать. Эти едут легально».

В последние годы наблюдается определенное изменение тактики поведения трудовых мигрантов. Главный упор делается на оформление трудового контракта. Оформление трудового контракта стала также стало прибыльным бизнесом. Трудовые мигранты раскрывают этот механизм.

Р.52. *«Тетя прислала рабочий контракт на сельскохозяйственные работы. Контракт оформил хозяин, у которого моя тетя работала. Стоимость контракта 1500-2000 евро. Почему так дорого? Так они же оформлялись через несколько лиц. Или наших молдаван или румын».*

Р.47. *«Что касается посредников. Моя родственница (жена брата) оформила рабочий контракт за 2.000 Евро. А оказалось, что патрон заплатил за этот контракт всего 50 Евро. То есть контракт делался через 2-3 человек, каждый из которых добавлял свою сумму, говоря по-нашему «наваривался». Когда патрон узнал о том, сколько она заплатила, то грозился поднять скандал. Он хотел заставить того человека вернуть все деньги. Просто невестка моя не хотела поднимать шум, так как эти люди ей помогали, она у них жила».*

Кроме того, используются такие возможности для проникновения в страну как различного рода конференции, семинары, спортивные соревнования.

Р.17. *«Фирма, которая занималась отправкой людей в Европу, набрала группу и мы поехали, якобы, на соревнования по гандболу в Нидерланды. Хочу заметить, что из всей группы, состоящей из 25 человек, я был единственным спортсменом».*

Р.24. *«Наша группа в количестве 30 человек выехала зарубеж под видом лесников, едущих по программе обмена опытом с зарубежными коллегами. За все время пребывания зарубежом, мы успели побывать в лесничеких хозяйствах нескольких европейских стран. На обратном пути вблизи итальянской границы, нас высадили и мы, не зная ни языка, ни законов, отправились кто куда».*

В-шестых, использование румынского или болгарского гражданства (паспорта), обуспечивающего безвизовое передвижение в странах Европейского Союза.

Р.54. *«у меня есть румынское гражданство. А для румынских граждан Европейский Союз разрешил безвизовый проезд и трехмесячное легальное пребывание в странах Европейского Союза. Тут, главное, вовремя, то есть через три месяца выехать из Италии. Просрочишь выезд, считай пропал. Попадешь в компьютер как нарушитель и больше не надейся на*

удачные поездки в страны Европейского Союза. Одним словом, я вынужден через каждые три месяца выезжать из Италии, возвращаться домой. Пробыв некоторое время в Молдове, вновь лечу в Рим, на заработки. Скажу честно, когда есть нормальные правила игры, то их уважаешь, стремишься соблюдать. При этом не чувствуешь себя идиотом, против которого все и вся».

Р.35. *«Заплатила, чтобы сделать болгарский паспорт, купила билет до Парижа, оттуда поездом добралась до Турина. Там и началась моя новая жизнь».*

Р.13. *«У меня болгарский паспорт. Болгария давала паспорт этническим болгарам и гагаузам из Молдовы. Тем, кто раньше сообразил сделать паспорт, это было быстро и без проблем. Я вовремя об этом подумала и сделала себе паспорт. Болгария – страна Европейского Союза и с ее паспортом можно ездить по Европе без виз».*

В-седьмых, упрощенный режим въезда в Испанию обеспечивается также и другими путями: замужество с итальянским гражданином. Однако, в отличие от гражданок, к примеру, России молдавские гражданки знакомятся с гражданами Италии и выходят замуж, уже находясь на территории стран приема в качестве трудовых мигрантов (легальных или нелегальных). В то же время мы встречали и молдавских граждан, которые обладают итальянским гражданством. В этом же контексте отметим и воссоединение семьи, когда к жене, мужу, матери приезжают их жены, мужья, дети.

Р.28. *«Через полгода я познакомилась с итальянцем, который владел несколькими отелями на берегу моря. Он предложил мне работать у него в отеле официанткой за хорошие деньги. Время шло. Я понравилась итальянцу, и он предложил мне жить вместе. Я согласилась. Я продолжала работать в отеле, но получала намного больше прежнего.*

Прошло еще некоторое время и итальянец сделал мне предложение руки и сердца. Недолго думая, я согласилась, ведь и он мне понравился. Мы поженились. Теперь я стала женой богатого человека. Изменился мой статус, мой образ жизни. Я стала как бы хозяйкой. Но продолжаю работать в отеле. Конечно, уже не в качестве официантки».

Р.22. *«Моя сестра приехала еще в 2002 году по вызову. Она познакомилась с итальянцем, который предложил ей выйти за него замуж. Он оформил ей документы как своей невесте. Свадьба не состоялась, но она продолжает работать легально, готовит документы для легализации и хорошо зарабатывает».*

Р.11. *«Теперь я имею итальянское гражданство. Собственно, у меня двойное гражданство. Вообще то, для получения итальянского гражданства, необходимо прожить в Италии не менее семи лет. После получения*

гражданства я оформил документы на жену и детей (воссоединение семьи). Теперь они также живут в Италии. Дети имеют гражданство (с согласия жены)».

P.15. *«Я поехала к мужу. Для поездки я особых приготовлений не делала. Только приготовила необходимые документы для осуществления воссоединения семьи».*

В-восьмых, поиск работы посредством активизации социального капитала, миграционных сетей - своих родственников, знакомых и друзей, находящихся на работе в Италии. Отметим также и такую форму как использование современных коммуникационных возможностей (интернет) для поиска работы.

P.54. *«Поехал я не на пустое место. В Италии находился муж моей сестры. Он уже в течение восьми месяцев жил и работал в Италии».*

P.27. *«В Риме у меня есть родственники, которые приехали раньше. Поэтому, определенные представление об Италии, о возможностях трудоустройства, об условиях работы и проживания там, я имела. Родственники мне помогли найти работу».*

P.13. *«Там, в Италии, я (с помощью своей родственницы) обратилась в агентство, чтобы мне нашли работу. При этом надо было заплатить 50 евро за услугу. Работу мне быстро нашли... Я работала сиделкой в одной семье».*

В-девятых, нелегальное проникновение в страну приема. В условиях удаленности Италии от Молдовы это, в первую очередь, означает нелегальность проникновения в Европейский Союз и дальнейшее передвижение в Италию, пользуясь отсутствием пограничного контроля между государствами-членами Европейского Союза. Нелегальность проникновения предполагает различные формы – нелегальный переход границы «в зеленой зоне», проникновение по чужим или фальшивым документам, предоставление неверных, фальшивых документов и т.д. Естетсвенно, что в тком случае рисков и опасностей для мигранта значительно больше, чем для того, кто въезжает в страну легально.

P.34. *«Как и большинство я попал за границу нелегально. В дороге у меня было много приключений, я отправилась в дорогу в составе группы людей, которые были без документов».*

P.13. *«Двоюродная сестра уехала при помощи одного украинского туристического агентства, которое оформляло фальшивый вид на жительство. Документы переправляются в Кишинев, и люди спокойно летят самолетом, до нужного места. Денег с них не берут, только стоимость авиабилета. Расчет производится после прибытия на место (3-3,5 тыс. евро). Каждый раз набирают группу по 12 человек. По прибытии на место, могут помочь устроиться на работу.*

... Другие едут так называемым «черным образом». Оформляют визы до Будапешта (как туристы). Там есть гостиницы, где приехавшие ждут 4, 5, 6 дней, пока не приедет транспорт, который перевозит таких рабочих. Машины с итальянскими номерами как правило не проверяют. Они доставляют людей в нужные населенные пункты (это оговаривается заранее). А дальше каждый устраивается как может (это нелегалы)».

Эксперт 7: *«Молдаване приезжают в Италию легально (на основании трудового контракта, заключенного с итальянской фирмой, или имея разрешение на временное проживание), но чаще всего нелегально, при помощи посредника. Дорога в Италию им кажется дорогой в ад, потому что им приходится прятаться от пограничников и таможенников, которые жестко проверяют всех, кто пересекает границу их государств (Румыния, Венгрия), или попадают в Европу через Украину, Польшу. Они платят от 3.500 до 4.500 евро, чтобы добраться до Италии. Время в пути от 10 дней до двух недель. Передвигаются они в зеленой зоне, через поля, леса, горы, испытывая голод, холод, страх, преодолевая все препятствия, лишь бы увидеть воплощение своей мечты, заработать как можно больше денег, достичь лучшей жизни для своих, оставшихся дома детей».*

5. Социальная адаптация и интеграция в стране приема.

Адаптация и интеграция мигрантов является очень сложной и неоднозначной проблемой.

Р.46. *«Находишься в состоянии стресса, особенно первый год, когда адаптируешься, когда учишься и общаешься, когда начинаешь социализоваться и понимать куда действительно ты попал. Здесь чаще всего находишь помощь у молдаван, которые дома для тебя чужие люди, а здесь они становятся буквально твоими родственниками. В начале нам было очень трудно, но нам было легче, скажу я, потому что мы были вдвоем».*

Адаптация и интеграция трудовых мигрантов в стране приема зависит от многих факторов, толерантного отношения. взаимодействия государственных структур и гражданского общества страны приема и самих иммигрантов. Характеристика особенности иммиграционной политики Италии, отношение к иммигрантам и их интеграции как со стороны властей, так и со стороны гражданского общества, его структур и местных жителей, простых итальянцев не является предметом настоящего исследования. Нас интересует как сами иммигранты, воспринимают различные аспекты этого многопланового и многогранного процесса интеграции в стране приема.

Во-первых. Владение итальянским языком как инструментом общения. Исследования показывают, что основная масса молдавских граждан стремятся овладеть ***языком страны пребывания***. Несомненно, что это связано в первую очередь с пониманием того, что знание языка обеспечи-

вает более широкий доступ на рынок труда Испании, возможность найти хорошую и высокооплачиваемую работу. Однако, нельзя забывать, что изучение / владение языком страны означает кроме того, и уважение к самому народу, его культуре и традициям. Подчеркнем, что практически никто не посещал специальных языковых курсов в Италии. Это характерно для молдавских трудовых мигрантов и в других странах, в первую очередь романоязычных. Мы не встретили трудовых мигрантов, не владеющих итальянским языком. Более того, люди говорили с гордостью, что они владеют языком. Были респонденты, которые подчеркивали, что они и думают, и общаются с молдаванами, и пишут стихи на итальянском языке.

<u>Р.32.</u> *«Когда я приехала, я не знала итальянского языка. И естественно, что испытывала большие трудности и дискомфорт в общении. Без знания языка ты немой. Вспоминаю, что когда-то прочитала книгу «Без языка». Кажется, русского писателя Короленко. Про жизнь людей с Украины, которые поехали в Америку и не знали ни слова по-английски».*

<u>Р.16.</u> *«Не скажу, что знаю в совершенстве этот красивый язык, но стремлюсь учить правильно. До сих пор мне удавалось давать частные уроки математики итальянским детям и даже перевести на итальянский стихи, которые пишу в свободное время.*

Ma uit la lumea asta-ndurerata,	*Il mio sguardo è fissato,*
Si inima-mi se stringe ca un ghem.	*Sulle persone addolorate.*
De ce e asa de disperata?	*Sento il cuore diventando matto,*
Doar inteleg ca totu-i un infern.	*Come - un gomitolo dentro di me che batte.*
Si daca pe Pamint e atita rautate,	*Perchè sarrei così io disperata,*
Atita nedreptate ca un rau vis,	*Quando capisco questo inferno, questo abisso,*
E natural ca sa visez la libertate,	*E trovo giusto nella vita abbandonata,*
La viata de apoi, la Paradis.	*Sperare di arrivare in Paradiso».*

<u>Р.4.</u> *«Итальянский язык я выучила без проблем. Видимо, помогло и мое лингвистическое образование. Да и язык очень близок, латинская основа».*

<u>Р.6.</u> *«Язык мне давался легко, тем более, что он похож с молдавским».*

<u>Во-вторых,</u> адаптация и интеграция иммигрантов проявляется и в ***восприятии страны пребывания, ее культуры, отношения к населению***. Конечно, среди молдавских трудовых мигрантов (как и среди любого народа) люди отличаются по своему характеру, способности к коммуникации, обладают различным эмпирическим опытом общения и знания как итальянской действительности, так и итальянцев, который затем обобщается. При этом нередки случаи обобщения даже не собственного опыта, а пересказов других людей, в том числе и авторитетных для данного мигра-

нта. Однако, в целом господствуют положительные оценки, восприятие итальянского народа и его страны.

Отметим также, что молдавские трудовые мигранты в Италии стремятся перенять не только образ, но и стиль жизни, манеры поведения. При разговоре они много жестикулируют. Наши эмпирические наблюдения свидетельствуют, что они становятся более нетерпимыми к проявлениям грубости, неуважения к человеку, его правам и т.д.

2.1. Восприятие красоты, исторических и культурных памятников, географии, ландшафта страны.

Р.4. *«В первый же день у меня была экскурсия по городу Риму. Ознакомилась с достопримечательностями города. Я была поражена красотой, которую видела. Это не передать словами. Это надо увидеть».*

Р.38. *«Италия – это самый прекрасный сад Европы. Мне удалось увидеть много духовно-богатых мест: остров Капри, Сан-Ремо, Неаполь, Рим, Милан, Александрию, Падую, Пиачезу, Тортону. Я осталась глубоко восхищенной как горами Италии, так и морями, ее омывающими. Италия это действительно экзотическое чудо. Меня вынудило поехать в Италию как мое материальное состояние, так и желание увидеть и обогатиться духовно».*

Р.32. *«Со своими друзьями проводила свободное время. Они также легально проживают в Италии. Вместе с ними поездила по Италии, увидела страну. Страна очень красивая, разнообразная – и море и горы... А исторических и культурных памятников не счесть. То что рассказывала школьникам на уроках, сама никогда не видев, а прочитав в книгах, увидела воочию, своими глазами. Изумительно!»*

2.2. Восприятие ее политической и социальной системы, их сильных и слабых сторон.

Р.39. *«Помимо условий для работы и архитектурных достопримечательностей Италия может гордиться миром и демократией, системой медицинского обслуживания, предусматривающей заботу как о собственных гражданах, так и об иностранцах, высоким уровнем образования и членством в Европейском Союзе со всеми связанными с этим преимуществами.*

А вообще в Италии постоянные пробки. В каждой семье по несколько машин, а дороги узкие. Парковки - это вообще отдельный разговор. Рим нельзя представить себе без туристов, снующих по улицам в поисках достопримечательностей. По всей стране принят обеденный перерыв ("сиеста"). В Италии нет единых, четко установленных часов работы магазинов. Обычно они открыты с 8.30 или 9.00 до 12.30 или 13.00 часов, а также приблизительно с 15.00 еще в течении трех-четырех часов».

Р.6. *«главное, что мне понравилось в Италии это то, что появились возможности, которых не было дома».*

2.3. Восприятие простых людей, их достоинств и недостатков.

Р.33. *«Поразила красота и чистота города, менталитет людей. Люди очень сильно отличаются от того какие у нас здесь. Население очень доброе, отзывчивые люди всегда предложат свою помощь, если ты в ней нуждаешься».*

В-третьих. Успешность интеграции трудового мигранта в новый социум зависит от ***наличия работы***, возможности зарабатывать деньги на свое пропитание и проживание, на содержание своей семьи на родине или в Италии, если она также находится в данной стране. Ради чего, в общем-то, он и приехал в Италию.

Говоря о поисках работы, легкости / сложности ее нахождения в стране приема, трудовые мигранты называют ряд факторов, которые определяют успешность (легкость) ее нахождения и получения. В первую очередь, знание языка страны. Во-вторых, учет менталитета работодателя, который не возьмет неизвестного человека на работу. В-третьих, профессионализм соискателя рабочего места. В-четвертых, наличие легального статуса трудового мигранта. В-пятых, наличие информации о существовании рабочих мест. В-шестых, помощь, содействие, рекомендация со стороны того, кто знает патрона лично и кого знает и уважает работодатель как по профессиональным, так и личностным качествам. В-седьмых, определенное человеческое везение – быть в нужный момент в нужном месте («родиться под счастливой звездой»).

Р.2. *«Я лично нашла работу очень трудно... Вообще-то трудно найти работу самостоятельно. Очень моного значит иметь информацию, друзей, которые тебе помогают».*

Р.33. *«Можно ли найти работу самостоятельно? Можно, но очень трудно, просто не каждый из нанимателей решится взять в свой дом постороннего человека. Поэтому чаще всего всё происходит через рекомендации знакомых».*

Р.45. *«Меньше чем за месяц я нашел работу. Мне было легко, потому что я знал итальянский язык».*

Получает ли трудовой мигрант в Италии заработную плату, равную с зарплатой местного жителя, итальянского гражданина? Обобщая сказанное мигрантами можно сделать вывод, что тут нет однозначного ответа. На величину заработной платы влияет много факторов: продолжительность рабочего дня; профессионализм работника; легальный / нелегальный статус; знание языка и законов страны, и в частности трудового законодательства; законопослушность работодателя, его стремление соблюсти законы страны в отношении трудового мигранта и т.д.

Р.34. *«Если у молдавского трудового мигранта документы в порядке, то он может получать заработную плату, такую же как и итальянский гражданин.... Но мы, молдаване, молодцы, работаем столько, что даже забываем о себе и иногда получаем и большую зарплату».*

Р.33. *«Я знаю, что мигранту платят больше, так как чаще всего он устроен неофициально. Однако, я также знаю очень много случаев, которые мне рассказывали мои знакомые, что иногда нанимают на работу мигранта, а когда приходит день зарплаты, просто-напросто увольняют и не платят».*

Р.6. *«Говоря о работе в зарубежье. Следует отметить, что часто бывает, что приезжие за одну и ту же работу получают меньше, чем местные работники. И этим нередко пользуются работодатели, и нередко бывает, что за работу не выплачиваются деньги».*

В-четвертых. На интеграцию трудового мигранта в страну приема оказывает непосредственное влияние ***статус пребывания в стране***. От того, легально или нелегально он находится в стране, зависит решение подавляющего большинства проблем, с которыми человек сталкивается в мигрантской жизни. Большинство опрошенных мигрантов находится в Италии легально. В то же время имеются и нелегальные мигранты, как и те, кто сумел изменить свой статус с нелегального на легальный. Представляет интерес их мнение о плюсах и минусах как легального, так и нелегального статуса пребывания в Италии. У нелегального мигранта больше рисков быть обманутым, пойманным, депортированным и больше опасностей сорваться, переступить и нравственный, и человеческий, и государственный закон.

Р.48. *«А решение вопроса с легальной работой, - зависит от хозяев. Если они оформляют документы, то платить налоги придется самому. Из той зарплаты, которую получаешь. То есть, твой заработок уменьшается на приличную сумму. Если хозяева не хотят оформлять документы, то налоги платят они сами».*

Р.39. *«Работали мы легально. Вообще всем бы посоветовал работать заграницей только легальным путём. Ситуация, в которой находится нелегальный работник, пребывающий на территории Италии, дает возможность воспользоваться слабостью его положения и работник становится полностью незащищенным и как правило получает заниженную зарплату. Часто "нелегалов" просто "кидают", потому что знают, что жаловаться им некому. В любом случае закон не будет на их стороне».*

Р.33. *«Когда человек находится легально, он намного спокойнее себя чувствует в отличие от нелегала. Он спокойно ходит по улице, не переживает, что его остановят для проверки документов. Легальным мигрантам легче устроиться на работу».*

Р.27. *«В Италии отношение к мигрантам довольно лояльное. Но нелегал прав не имеет. Тебе никто поможет, ну разве что хозяева, если захотят. Официальные власти просто вышлют домой. Если ты работаешь легально, то можешь отстоять свои права, даже в суде».*

В-пятых. Адаптация и интеграция иммигранта в значительной степени зависит от сознания наличия и функциональности его ***правовой и социальной защиты*** в стране пребывания. Наиболее зримо проблемы правовой и социальной защиты трудовой мигрант воспринимает на уровне оплаты его труда и труда местного жителя, наличии медицинской страховки, использовании свободного времени, возможности и реальности защищать свои права в государственных структурах, суде страны пребывания.

Р.52. *«Что касается защиты прав. Если ты легальный мигрант, то, пожалуй, права защищены больше в Италии, чем в Молдове. Можно обратиться в суд. Можно чего-то добиться. У нелегала прав нет. Ну, а дома, права, у нас, конечно, есть, но законы у нас, что дышло…».*

Р.35. *«В Италии, если нарушаются права мигрантов, если он не виноват, тогда он может обратиться в суд на виновных. Процесс может длиться от трех до пяти лет. После такого периода ожидания можешь узнать каков приговор и какое возмещение ущерба получит невиновный. К примеру, моя семья судится в течение трех лет и мы не знаем сколько он еще продлится. Моя свекровь попала в автомобмльную катастрофу и погибла не месте. Виноват был местный житель. Надеемся, что справедливость в конце концов восторжествует».*

Р.7. *«Моя самая большая проблема - это нелегальный статус пребывания в Италии. Я был вовлечен в судебный процесс, потому что посчитали, что я не купил, а украл машину. Адвокат защищал мои права как и любого другого своего клиента. Мне очень повезло с моим работодателем, который всегда приходил со мной на заседания суда».*

Социальная защита предполагает не только наличие у работника рабочего места, гарантированной и оплачиваемой в соответствии с установленными государством стандартами заработной платы, но и медицинской страховки.

Р.52. *«Имеются проблемы с медицинской помощью, так как страховок нет, а платная помощь очень дорогая. Поэтому, мы все проблемы оставляли до возвращения домой. По возможности, конечно. А если было необходимо, то оказывали помощь друг другу сами: делились своими лекарствами, медицинской консультацией. Среди нас ведь и врачи были и есть, помогали разбираться. У меня был случай, когда я упал, ударился. У меня был приступ эпилепсии. Мне помогли работавшие со мной мигранты. Лечился я в домашних условиях».*

<u>P.22.</u> *«Медицинская помощь дорогая, особенно для нелегала (нет страховки). Старались лечиться своими силами. Но, если остро необходимо, то можно получить медицинскую помощь с помощью хозяев или церкви».*

Социальная защита трудового мигранта предполагает и наличие у него свободного времени, ибо он не только работник, но и человек, который помимо материальных интересов имеет и духовные запросы, может и должен побыть самим собой, отдохнуть от работы, других людей, переключиться на другие виды деятлеьности.

<u>P.6.</u> *«Реализация духовных потребностей предполагает наличие свободного времени. Свободное время у меня, конечно, было. Раз в неделю. В выходной я могла посвятить время себе. Использовала я его по-разному. Но в основном это был отдых, прогулки по городу, встречи с друзьями, знакомыми».*

<u>P.4.</u> *«Однако это работа однообразная. Устаешь, конечно, очень. Может быть больше от монотонности, отсутствия общения, самовыражения. Тем более для меня, привыкшей к школе, детям, живому потоку впечатлений, общения, страстей».*

Отсутствие работы, социальной и правовой защищенности толкает многих на антиобщественные и антигуманные действия.

<u>Эксперт 5:</u> *«Практически ежедневно имеем экстренные случаи: смерти, депортации, случаи, когда полиция приводит молдавских граждан, чтобы выправить проездные документы и т.д. И усыновление, и брошенные дети, и молдавские граждане, которые находятся в итальянских тюрьмах это также наши граждане. В прошлом году было выявлено 15 молдавских детей, привезенных родителями и брошенными на произвол судьбы в Италии. В 2008 году пока не имеем таких случаев. Они находятся в учреждениях, которые занимаются воспитанием детей. Не думаю, что тот кто бросил ребенка в чужой стране, имеет право называться родителем.*

В настоящее время в итальянских тюрьмах находится 190 молдаван. Согласно итальянскому законодательству заключенные имеют право на помощь со стороны посольства, если они такую помощь попросят. Даже в ситуациях, когда расследование еще не завершено. Как в миланском случае, когда в качестве подозреваемых рассматирваются молодая девушка и ее мать из Республики Молдова. Об этом много говорилось и в итальянских, и в молдавских масс-медиа».

Молдова пытается расширить имеющиеся возможности в деле социальной и правовой защиты своих граждан в Итальянской Республике. Этой цели должно служить соглашение, которое правительство Молдовы хотела бы подписать с властями Италии.

В-шестых. В то же время свою правовую и социальную защиту молдавские трудовые мигранты увязывают с возможностью свободного передвижения, въезда в Италию, в целом, с проводимой страной ***иммиграционной политикой***. Они отмечают позитивные моменты и в то же время видят и определенное ужесточение, сложности в оформлении въездной визы и др. Возможно, что эти проблемы связаны с современным экономическим и финансовым кризисом, необходимостью защиты итальянских граждан на рынке труда.

Р.35. *«Италия – одна из тех стран, которая предоставила полные права тем, кто приехал сюда работать, легализовала их, предоставила место работы. Считаю, что они поступают хорошо, проводят очень хорошую миграционную политику».*

Р.39. *«Хотя есть закон о том, что легальные работники, имеющие вид на жительство, могут подать заявление на въезд в Италию своих родственников, запросить для них визу на воссоединение семьи. Из знакомых, которых я приобрёл в Риме я знаю несколько семей, которые так и сделали. И сейчас живут все вместе в Италии.*

Италия предоставляет ежегодно квоты для молдавских гастарбайтеров. Это хорошо!».

Р.6. *«В Италии в последнее время несколько ужесточилась миграционная политика, хотя иногда бывают моменты, когда власти идут навстречу иммигрантам, как например легализация людей, находящихся в стране незаконно».*

Эксперт 6: *«Нелегальные мигранты не обращаются ни к кому, боятся, чтобы их не выявили, особенно после принятия закона об экстрадиции (2008 год) в результате выборов нового правительства …Молдавские мигранты очень плохо знают законодательство, у них очень мало информации об итальянской миграционной политике и практике».*

В-седьмых. Важную роль в процессе интеграции трудового мигранта играют отношения с работодателем (патроном), коллегами по работе и местным населением, представителями органов власти (полицией и др.). Отметим, что в целом респонденты положительно оценивают свои отношения с местными жителями, работодателем и коллегами по работе, представителями власти, отмечая при этом определенную, немолдавскую специфику.

7.1. Отношения с работодателем (патроном).

Р.54. *«Отношения с работодателем были в целом неплохими. У нас не было претензий друг к другу. С местным населением отношений практически не было, потому что мы целый день были заняты на стройке».*

Р.7. *«Со своим работодателем мы хорошие друзья. Местное население очень воспитанное».*

7.2. Местные жители, коллеги по работе

P.6. *«Думаю, что для сохранения хорошего душевного состояния важно также иметь нормальные отношения со стороны тех, кто тебя окружает, как итальянцев, так и таких же как ты трудовых мигрантов. В повседневной жизни мне приходилось общаться с итальянцами».*

P.15. *«Если работаешь честно и к тебе относятся достойно. Я довольна отношениями с патроном и местными жителями».*

P.25. *«Я удовлетворена отношениями с патроном и местным населением. Я уважаемый человек. Они мне нравятся, потому что они культурные, внимательные люди, они любят себя, все время о себе заботятся. Мои коллеги по работе в большинстве своем местные».*

P.52. *«В Италии к мигрантам отношение лояльное. Итальянцы доброжелательны, каких-либо проблем с ними не было».*

7.3. Отношения с органами государственной власти, в первую очередь с полицией.

P.48. *«В город старалась выходить пореже, чтобы не столкнуться с полицией. Хотя, по правде, не очень-то и трогают. Если не нарушаешь никаких законов. Но уж если нарвешься, то тогда отправят домой с депортом, если нелегал».*

P.40. *«Итальянская полиция хорошо обучена и понятлива».*

P.38. *«Итальянская полиция самая демократичная полиция в мире. Тебя задержат только тогда, если увидят, что ты нарушаешь. В остальном – иди своей дорогой. Они входят в твое положение, культурные и в то же время очень строгие в отношении тех, кто нарушает законы государства».*

В-восьмых. Большую роль в социальной адаптации и интеграции трудовых мигрантов играют ***институты гражданского общества. И особенно католическая церковь*** в Италии. Ее позитивную роль в социально-психологическом самочувствии отмечают все мигранты, независимо от наличия личной религиозности трудового мигранта.

В то же время отметим, что церковь выполняет не только функцию окормления своей паствы, но и оказывает посильную помощь в существовании трудовых мигрантов (как легальных, так и нелегальных), предлагая им кров, еду, одежду, помощь в поисках работы, социальной и правовой защите.

P.33. *«Я знаю, что многие находят помощь в церкви, к примеру: еду, одежду, ночлежку. Да, у меня многие знакомые таким образом прожили, первое время находясь в Италии».*

P.32. *«Выходной день у меня был один - по воскресеньям. Я ходила в церковь на утреннюю службу в русскую православную церковь. Специально искала, чтобы были службы на русском. Хотелось общаться на род-*

ном языке. Прямо как наваждение было – говорить на своем языке. Хоть чуть-чуть. В церкви прихожан много. Из России, Украины. Молдаван встретила немало. Постепенно установился круг знакомых из числа этих людей».

Р.11. *«Церковь помогает всем мигрантам, кто бы не обратился. Еда, одежда, для вас или для детей. Или просто место для ночлега. Лечение, если вы туда обратились, то обязательно получите.*

Церковь, главным образом католическая, но есть и православные храмы (итальянские). В румынских селах также есть православные (румынские) церкви. Там служат на румынском, а также читают на греческом и русском языках».

Р.7. *«Церковь – это первый институт, который оказывает помощь, потому люди и верят церкви».*

Помимо позитивной роли церкви в социальной адаптации и интеграции иммигрантов респонеднты отмечают и общественные организации, которые также оказывают разнообразную помощь нуждающимся. Особое внимание при этом они уделяют такой организации как «Caritas».

Р.12. *«Социальные службы очень сильные. Помогают бедным, больным, инвалидам. Причем помощь эта реальная. Возьмите общественные организации, помогающие нашим мигрантам. Одно из самых известных и больших организаций это "Caritas". Туда может обратиться кто угодно, никому не откажут в помощи. Помощь самая разнообразная».*

В тоже время отметим, что встречаются и случаи, когда трудовой мигрант рекомендует, видимо, опираясь на свой личный опыт, искать помощи и защиты в криминальных структурах. Возможно, что это не просто декларация, и ему действительно помогли решить какие-то проблемы представители криминалитета.

Р.29. *«Я считаю, что помощи не у кого искать не стоит, надо рассчитывать только на свои силы. Защиту в церкви, я считаю, не стоит искать, а вот у криминальных структур можно поискать защиты».*

6. Общение с родиной.

Важную роль в адаптации трудового мигранта в зарубежье и в то же время в сохранении его духовного, социально-психологического здоровья играет общение с родиной, во всем многообразии его проявлений.

Во-первых, общение с родными, находящимися далеко, в Республике Молдова. Основными каналами общения выступают мобильный телефон или интернет. В то же время одним из важных инструментов снятия ностальгии выступают поездки на родину, в основном в период рождественских или пасхальных праздников. Естественно, что это не распространяется на нелегальных трудовых мигрантов.

Р.46. *«Посредством интернета я узнаю о том, что происходит в стране».*

Р.9. *«Связь с родными я поддерживала с помощью Интернета, мобильной связи. У меня была возможность пригласить своих родных в гости, но родители отказались, из-за наличия домохозяйства, да и возраст не тот. А вот младшая сестра приехала, мало того мой работодатель оплатил её авиаперелет, а также взял на себя некоторые расходы во время её пребывания в Италии».*

Во-вторых, общение с родиной материализуется и путем получения и передачи посылок, денег родным. В этой помощи люди видят реальный результат своего успешного и позитивного пребывания в Италии. Однако, эта форма контактов с родиной несет и другую положительную эмоциональную нагрузку, выступает поводом и средством общения, установления контактов со своими соотечественниками за рубежом.

Р.41. *«Мы встречались там, где встречаются все молдаване. Именно в одном парке, там же где получаем от родных, из дому передачи».*

Р.23. *«К радости своей я обнаружила место еженедельной стоянки одной международной маршрутки, которая собирала со всей моей округи посылки в Молдову и подъезжала практически ко мне домой. Таким образом у меня появилась возможность радовать хотя бы раз в месяц моих близких посылочкой со всяким добром. Плюс к этому я могла отправлять им деньги. За услуги с меня брали значительно меньше, чем если бы я отправляла деньги через банк».*

В-третьих, снятию ностальгии, стресса за пределами родины, решению многих животрепещущих и важных для трудового мигранта вопросов в сфере поиска работы, квартиры, получения совета, установления новых межличностных контактов помогают активно складывающиеся молдавские сообщества за рубежом, формирующаяся молдавская диаспора.

Эксперт 6: *«К сожалению, активными можно назвать очень мало молдавских этнокультурных ассоциаций в Италии. В Риме зарегистрировано 5 ассоциаций. Однако активными можно назвать только две. Других не знаю».*

Р.39. *«В Италии существует целая молдавская диаспора, куда можно обратиться за любой помощью. Там все друг за друга горой! И что самое интересное, итальянцы об этом знают и даже иногда побаиваются к нам лезть. Кстати в Риме молдаван очень много! У нас даже были, и уверен что и до сих пор есть, места и заведения, куда ходили только молдаване! Сам не сталкивался, но знаю что есть и несколько молдавских бандитских группировок.*

... Друзьями и знакомыми все обзаводились с лёгкостью. Но, конечно, чаще всего это были наши соотечественники. В этом нет ничего странного: свои люди в чужой стране, - как тут не сдружиться».

Р.16. *«О молдавских этнокультурных организациях знаю, что они организуют культурные мероприятия. Несколько раз на подобных мероприятиях присутствовала и я. Мне нравится иметь дело с людьми, которые занимаются организацией такого рода мероприятий».*

Р.4. *«Находясь за рубежом как-то по другому начинаешь осознавать важность родного языка, своей культуры. Боже с какой радостью, если у меня получалось, я ходила на «Мэрцишор», какие-то другие культурные мероприятия, связанные с Молдовой».*

Р.11. *«Мигранты вообще охотно общаются друг с другом, заводят знакомства, стараются по возможности помочь друг другу. На севере Италии имеются целые румынские села, созданные усилиями румынских деловых людей. Есть попытки создать и молдавские поселения».*

Практика показывает, что формирующиеся молдавские сообщества за границей, в том числе и в Италии неоднородны: в них представлены как легальные, так и нелегальные трудовые мигранты. В то же время возрастает количество молдавских гражданок, которые вышли замуж за итальянцев и находятся в ином социальном статусе по отношению к первым двум категориям. В основном трудовые мигранты отмечают, что отношения между всеми категориями молдавских граждан хорошие.

Р.9. *«Бывало, что я знакомилась с людьми, которые выехали на ПМЖ, но их общение с нелегалами ничем не отличается от того, как они общаются с легалами».*

Р.33. *«У меня есть знакомые которые уехали на постоянное место жительство в Италию. Мы с ними до сих пор поддерживаем связи. Конечно люди отличаются: те, кто уехал на заработки и те, кто на постоянное место жительство. Отличие их в том, что они стали более уверенные в себе».*

Р.47. *«Наши мигранты, часто между собой общаются. Но связи эти скорее родственные, дружеские, с односельчанами. Те, которые уже легализовались, стараются поменьше иметь дело с нелегалами. Они боятся иметь проблемы с властями, стараются упрочить свое положение в стране и, по возможности, использовать свои профессиональные знания для роста, получения более высокой зарплаты».*

Не секрет, что формирующиеся молдавские этнокультурные сообщества выступают и как благоприятная почва для формирования чисто молдавского бизнеса, ориентированного на молдавских граждан, соотечественников.

P.19. *«Без общения сложно. Чувствуешь себя одиноко, скучаешь по дому, семье. Без знакомых и друзей трудно найти работу, трудно приспособиться, поэтому, в основном люди стараются помочь друг другу. Некоторые, правда, на этой помощи еще и зарабатывают».*

Молдаване также люди разные. Есть и такие, которые промышляют преступной деятельностью, как и индивидуальной, так и организованной. Миграция это бизнес и для криминальных кругов.

P.48. *«Вызвала к себе сына, он приехал два года назад. Мы нашли ему работу на стройке. Работал он нелегально, зарабатывал 1.000 Евро.*

Потом выяснились неприятные обстоятельства. Попался он на краже из автомобиля. Украли мобильный телефон, магнитолу. Он и еще 2-3 парня из наших, оказывается промышляли этим. Посадили его в тюрьму, где он просидел около трех месяцев. Хотели переправить в молдавскую тюрьму, но мы с родственниками собрали нужную сумму, дали взятку. После чего его отправили домой без депорта, под надзор родителей.

Сын вроде бы все понял, в течении года продолжил учебу в университете. А в 2008 году вновь приехал ко мне и вся история повторилась вновь. На этот раз, он просидел около полугода. Мы долго не могли собрать нужную сумму. В конце 2008 года его выдворили окончательно».

Case study. P.49. *«7 лет тому назад я решил уехать в Италию. Нельзя сказать, что я сделал это из-за каких-то финансовых проблем или отсутствия видимых перспектив в Молдове. Просто представилась возможность неплохо заработать и в то же время хорошо пожить.*

В свое время я услышал от знакомых о варианте с Италией, а именно Неаполе. Сказали, что это не тот случай, когда вкалываешь за 1.200 евро в месяц. В своем городе у меня хорошие связи. Я обратился к кому надо, дал немного денег и через несколько дней виза на полгода была готова. При этом я ни в какие миграционные службы не обращался.

В Неаполь я прибыл на автобусе. И, как уже отмечал, обосновался там на легальной основе. Незадолго до этого в Италии был принят какой-то закон, по которому стало легче получать легальный статус. Безусловно мои знакомые на месте помогли мне продлить визу.

Насчет работы не хотелось бы сильно распространяться. Но могу сказать, что она заключается в обеспечении жильем и работой приехавших молдавских трудовых мигрантов, помощи в получении легального статуса и общем контроле за ними.

Разумеется, что месячный заработок варьируется в зависимости от разного рода факторов. Но всегда очень высокий. Например, я живу в отличной двухкомнатной квартире (2.000 евро в месяц) в ста метрах от моря. И уже через месяц после приезда в Неаполь забрал сюда жену.

Разумеется, отношения с коллегами по работе хорошие, так как всех устраивает существующее положение. А многие трудовые мигранты зависимы от меня. Поэтому они относятся ко мне как к начальнику. Местное население достаточно дружелюбное. Чему во многом способствовало освоение языка. В основном же приходится общаться с выходцами из Молдовы и Украины. Пока в Италии существует такая возможность, то нет никакого смысла оставаться в Молдове».

Молдавские власти предпринимают определенные шаги по консолидации молдавской диаспоры за рубежом, привлечения ее возможностей к социально-экономическому развитию страны, материальной и финансовой помощь в формировании и функционировании молдавских этнокультурных сообществ.

Эксперт 4: *«Упрочение связей с диаспорой. Это предполагает, в первую очередь, предоставление информации о последних событиях в стране как в отношении инвестиционных возможностей при возвращении, так и предоставление возможностей по реинтеграции в Молдове посредством информационных центров в дипломатических миссиях Республики Молдова за границей. Во-вторых, дальнейшее создание в составе дипломатических миссий Республики Молдова за границей Молдавских культурных и социальных центров. В-третьих, переговоры со странами Европейского Союза, странами назначения, в отношении оказания правовой и интеллектуальной помощи при регистрации молдавских сообществ. В-четвертых, задействование всех заинтересованных акторов, координация и эффективное внедрение мер, предусмотренных Национальным планом защиты граждан Республики Молдова за границей».*

Эксперт 11: **«***Одним из направлений деятельности Национального Бюро Республики Молдова является сотрудничество с диаспорой. Проблемы молдавских сообществ, «западной» диаспоры в странах «старого зарубежья» иные. Несомненно, что имеются проблемы, связанные с сохранением национальной, этнической и лингвистической идентичности, общие и для «восточной» диаспоры. Суть в том, что основная масса молдавских сообществ формируется в результате трудовой миграции, начавшейся в середине 90-х годов XX века. Люди ехали на заработки. У многих нелегальный статус. Отсутствуют правовые и социальные гарантии, они не защищены перед произволом и рисками, связанными с нелегальным пребыванием в чужой стране.*

Для них главные проблемы и, соответственно, запросы и сотрудничество с Республикой Молдова акцентируется на помощи со стороны Молдовы в содействии легализации в странах пребывания, их правовой и социальной защиты, признании дипломов и т.д. Молдова предпринимает определенные усилия по содействию в решении этих вопросов. Однако это за-

висит не только и не столько от нее, сколько от государств приема наших мигрантов, которые исходя из своих интересов, ситуации на рынке труда проводят соответствующую миграционную политику.

В среде диаспоры, молдавских сообществ за рубежом сегодня наблюдается и другая тенденция – стремление к самоорганизации, установлению контактов между молдавскими гражданами, выходцами из Молдовы, находящимися за рубежом как на уровне населенных пунктов, в которых они живут и работают, так и на уровне регионов, страны в целом, так и на уровне международном, сотрудничестве этнокультурных сообществ. Это характерно для многих стран. Однако в первую очередь хотелось бы отметить Италию, Португалию».

В-четвертых, общение с Молдовой осуществляется при помощи официальных представительств за рубежом (посольство, консульство), которые призваны работать не только с органами власти страны пребывания, но и оказывать информационную и иную помощь и содействие молдавским гражданам, находящимся в Италии. В отличие от Испании, где нет нашего посольства и консульских структур, в Италии спектр услуг, оказываемых молдавским иммигрантам консульствами Республики Молдова более широк. Однако, люди, отмечая необходимость подобного рода структур, жалуются на невнимательное отношение к ним, высокие цены на услуги.

Р.12. *«За помощью можно обратиться и в наше посольство. Они всегда помогают. Правда, там всегда большие очереди, волокита, и все делается очень долго».*

Р.22. *«Если есть проблемы можно обратиться в посольство. Они помогают.... Домой вернулась с так называемым "белым паспортом". Пришлось заявить о пропаже документов. У меня ведь виза была просрочена».*

Р.35. *«Однажды я воспользовалась помощью со стороны консульства. Но они отнеслись ко мне некрасиво. Понадобилось время, чтобы пробиться к ним, я хотела поменять водительские права на аналогичные на итальянском языке. Чтобы попасть туда. Я заплатила одному субьекту 200 евро, чтобы нас записали, потом еще понадобились деньги, чтобы поменять водительские права очень трудно сделать какой-либо документ в посольстве Молдовы в Италии, как будто мы не молдавские граждане. Там работают самые плохие люди. Так мне показалось».*

Эксперт 5: *«Считаю, что самым важным является то, чтобы быть рядом с нашими гражданами, чтобы помочь им в решении их проблем.*

Мы установили более тесные связи с молдавскими сообществами и пытаемся быть везде, где есть наши граждане, в том числе и посредст-

вом созданных здесь молдавских ассоциаций. С одними мы беседовали в посольстве. С другими встречались на местности».

Эксперт 6: *«Деятельность посольства в области защиты прав молдавских граждан в Итальянской Республике очень слаба».*

В-пятых, деятельность православной церкви, молдавских священников в Италии. Верующие получают духовно-нравственную поддержку в храмах Русской или Румынской православных церквей. Молдавская митрополия, входящая в состав Русской православной церкви стремится направить при помощи отдела внешних сношений Русской православной церкви своих священников, способных вести проповедь на молдавском (румынском) или русском языках, на работу в зарубежье, где имеется значительное число молдавских прихожан.

Эксперт 8: «*Сегодня многие православные верующие из нашей республики выехали за границу, в зарубежье, как правило. В Россию, Италию, Португалию, другие страны Европейского Союза. Но и там, находясь далеко от родного дома, в большинстве своем в католических странах, наши христиане чувствуют потребность исповедывать веру, в которой они были крещены, исповедываться, получать священное таинство, молиться на родном языке.*

В этих условиях Православная церковь Молдовы не осталась в стороне от своих верующих. Поэтому в составе патриархата Русской православной церкви, департамента внешних сношений были основаны многие православные приходы для молдавских верующих, находящихся за пределами страны».

В-шестых, в сохранении связи с родиной важна роль молдавского международного радио и телевидение. К сожалению, основная масса молдавских трудовых мигрантов в Италии, как и в других странах ничего не знает о наличии и деятельности таковых. Причин этому несколько: они относительно недавно начали свое вещание, имеются проблемы с их включением в международную телевещательную сеть. Кроме того, трудовой мигрант является достаточно специфическим потребителем теле / радионовостей.

Р.7. *«Тоску по родине чувствую очень незначительно. Но тоска по родителям, родственникам, друзьям очень велика. Смотрю ТВ Moldova Internațional. Но это что-то на уровне любопытства, не на уровне души».*

Р.9. *«Находясь за границей, я узнаю информацию о Молдове от своих близких и родственников, а также по телевидению и радио. Считаю, что мне этой информации достаточно.*

Да, я смотрела и слушала передачи, впечатления наилучшие, это очень хорошо, что создали международное спутниковое телевидение и радио, они на самом деле помогают мигранту».

Эксперт 5: *«Возможно одной из самых больших трагедий этих людей является отсутствие информации. То, что делает канал „Moldova Internațional” это шаг вперед. Но, к сожалению, мало тех, кто имеет доступ к его просмотру».*

7. Возвращение на родину.

Возвращение на родину трудовых мигрантов – это серьезная проблема, волнующая как представителей стран приема, так и представителей стран выезда, стран-«доноров». На наш взгляд, выяснение позиции трудовых мигрантов относительно возвращения на родину предполагает учет наскольких моментов.

Во-первых, отношение к миграции. Многочисленные беседы и интервью с мигрантами, в том числе и в Италии, показали, что никто не пожалел, что выехал на заработки в зарубежье. Однако, все-таки господствующей является позиция, включающая в себя учет как положительных, так и отрицательных моментов, которые привнесла в судьбы людей трудовая миграция.

Что же положительного дала трудовая миграция?

Миграция дала людям материальное благосостояние, уверенность в себе, самоутверждение и самоуважение, знание языка, новый производственный опыт, расширился социально-политический, культурный и коммуникационный горизонт. Люди отмечают, что у них появилась уверенность не только в конкретном завтрашнем дне, но и в будущем как реальной перспективе жизни У них в целом расширились возможности. В то же время, мигранты отмечают, в качестве позитива, что трудовая миграция, понижение их статуса является временной мерой, обусловленной необходимостью решения существующих материальных проблем.

Р.39. *«Совершенно не жалею, что съездил в Италию. Может ничего особенного в рабочем плане и не приобрёл. Но в любом случае хороший опыт. Выучил язык, посмотрел страну, денег в семью заработал».*

Р.33. *«Что мне еще дала Италия, поездка на заработки? Я стала взрослее, целеустремленнее. Изменилось мировоззрение, стремление сделать многое. Появились требования к себе и поставлена большая планка, к которой надо дойти, много целей и идей. То есть помимо всего прочего работа и деньги, которые за нее получаешь, были еще формой самоутверждения как личности, взрослого человека».*

Р.39. *«С тех пор как вернулся на родину, я стал гораздо активней и инициативней. Хочется хорошо устроиться и хорошо зарабатывать, чтобы больше не пришлось никуда уезжать».*

Эксперт 7: *«Воздействие процесса миграции рабочей силы носит комплексный характер и имеет политические, экономические и социальные*

последствия как положительного, так и отрицательного плана. Среди положительных экономических эффектов отмечаются трудоустройство, высокие зарплаты, возможность поддержать материально свои семьи, формирование новых навыков, приобретение новых знаний, опыта. В то же время говоря о социально-психологических эффектах миграции рабочей силы в стране приема следует назвать интеграции, адаптации и терпимости со стороны окружающего населения. Интеграция трудовых мигрантов в новое и неизвестное пространство страны приема является комплексным и трудным процессом, который требует времени и охватывает различные аспекты: демографические, социально-психологические, этнокультурные, религиозные. Это сложный процесс адаптации».

Что потерял трудовой мигрант в результате поездки за рубеж?

Общение с родными и близкими. Реальностью стало отчуждение, разрыв семейно-родственных связей, порой развод. Была утрачена имевшаяся профессия и квалификация, социальный статус. Но, с другой стороны, был бы сохранен этот социальный статус в условиях существующей в Молдове бедности, не стал бы он только формальной фикцией? Нельзя не согласиться с респондентами и в том отношении, что в результате миграции они утрачивают связь с родиной, отрываются от молдавского государства, не знают его законов, забывают свои права и обязанности и т.д.

Р.16. *«Мое нахождение за границей на заработках воздействовало на мои отношения с семьей очень сложным образом. Мне бы хотелось сохранить старые отношения, но территорилаьное расстояние отдаляет и душевно.*

... В глубине души мне больно, что мне хотелось бы и нравилось делать в жизни – моя профессия. В профессиональном плане я потеряла то, что было мне самым дорогим – общение с детьми».

Р.13. *«Похоронив отца, я долго не могла прийти в себя, тем более, что ни о какой Италии и речи быть не может. Но прошло две недели и я решила ехать, ведь детей надо как-то прокормить. Мой муж был категорически против этого, он ни в коем случае не хотел меня пускать. Дети все плакали, говорили, что когда мама уезжает куда-то надолго, то это ненормально, что этого не должно так быть. Я все понимала, но должна была ехать ведь у мужа здоровье было уже не то, что раньше и он не мог уехать, так как не было пока для него работы».*

Эксперт 7: *«Жертва, которую приносят молдаване, работая за границей, не имея рядом семьи и дорогих им людей, воспринимается трудовыми мигрантами как черное пятно, остающееся на всю жизнь».*

Во-вторых, миграция дала новое видение мира, помогла лучше увидеть себя, свою страну, познать ее, сравнить с другими странами, страной приема.

Что же поражает трудовых мигрантов при их возвращении на родину, при повторной социализации? Они отмечают, что наши девушки и красивее, и одеваются с большим вкусом. И еда наша вкуснее («на вкус и цвет товарища нет»). Отмечают терпение и энергию народа, который хочет преодолеть имеющиеся трудности и проблемы.

Однако они видят и другое. Огромное и не скрываемое расслоение молдавского общества на богатых и бедных. Низкие зарплаты и высокие цены, грязные подъезды и плохие дороги, качество работы транспорта и сферы обслуживания, бюрократизм и коррупция, культ денег и наживы. Сравнивая права человека в Италии и Молдове, люди отмечают реальный (страна приема) и формальный (страна выхода) характер прав. Люди начинают ощущать свою беспомощность и бессилие на родине, где они свои граждане, а приезжие, трудовые мигранты. Они делают вывод о правильности эмиграционного выбора и выезда за рубеж.

Р.16. *«Когда приезжаю в мою страну меня поражают настойчивость и неимоверные усилия, которые прилагает наш народ, чтобы выжить».*

Р.34. *«Когда приезжаю домой меня поражает наша молодежь, часто красиво одетая, особенно элегантность, красота и стройность девушек, чего в Италии не очень увидишь. Все ходят так, как будто им нечего одеть».*

Р.52. *«После возвращения поражает еда (наша – лучше!). Ужасает грязь, транспорт, дороги».*

Р.46. *«С тех пор как я нахожусь за границей, домой приезжал три раза. И каждый раз сталкиваюсь с той же проблемой – депрессивное состояние населения и бюрократическая система дома».*

Р.39. *«Проведя долгое время заграницей начинаешь обращать внимание на вещи, которых раньше не замечал. Теперь Кишинёв кажется мне очень грязным. Поражает много чего. В первую очередь - это уровень обслуживания, подход к потребителю и ситуация в государственных учреждениях».*

Р.33. *«Что особенно удивляет, когда приезжаешь в Молдову, так это не ухоженный город, менталитет людей, пугает обращение людей друг с другом. ... Ты привыкаешь к той жизни и сталкиваясь с непониманием, с отсутствием тех возможностей здесь, чувствуешь себя беспомощным».*

Р.29. *«Что поражает, когда приезжаешь погостить на родину, в Молдову - это нищета нашей страны. Очень часто я задумываюсь над тем, что если бы я вовремя не покинула страну, то моя семья существовала бы подобным же образом».*

Р.27. *«Очень скучаю по дому. Если бы могла, сегодня же вернулась бы. Тяжело морально, тяжело ощущать себя чужим. Трудно постоянно под*

кого-то подстраиваться, от кого-то зависеть. Но с другой стороны, дома не решишь ни одной проблемы. Из медсестры я стала прислугой, муж из инженера трансформировался в шофера. А что делать? Но ни он, ни я, дома таких заработков иметь не будем. Что нас ждет в сегодняшней Молдове? Нищенская пенсия и куча проблем. А нагрузки? Так ведь и дома приходится вытягиваться за гораздо меньшие деньги».

Р.25. *«Благодаря поездке за границу я увидела настоящую жизнь, то, что раньше и не могла себе вообразить... Когда приезжаю домой, на моей родине меня больше всего удивляют очень плохие дороги и европейские цены в такой бедной стране. Иногда я ходила в магазин и я боялась что-либо купить, мне казалось, что это дороже, чем за границей... В нашей стране, если хочешь выправить какой-то документ или что-то решить в правовых структурах, то для этого нужно иметь большие деньги. Если при этом еще узнают, что ты приехал из-за кордона, то для тебя это еще хуже, будешь платить еще больше. Сегодня в Молдове труднее, чем было раньше. Сегодня деньги командуют всем».*

Р.12. *«Вообще, когда приезжаешь домой, поражает все: грязь, дороги, транспорт, обслуживание, продукты питания, культура, законы. Не понимаешь, как могли во всем этом жить».*

Р.31. *«Бедность в Молдове не проходит. Цены все растут и растут. Каждый раз по приезду домой это отмечаю. Мне представляется, что сегодня жить труднее, чем было до моего отъезда. Приезжая из-за границы меня больше всего поражают высокие цены в нашей стране и очень малые зарплаты».*

В-третьих, желание вернуться в Молдову, здесь жить и работать. К сожалению, основная масса респондентов не желает возвращаться в Молдову на постоянное местожительство. И это аргументирует вполне рационально. Однако, нельзя сказать, что люди, даже те, кто заявляет о своем желании остаться на ПМЖ в Италии, не хоткли бы вернуться. Однако, этот свой возможный выбор они обуславливают целым рядом серьезных подвижек на родине. Представляется, что в этом подходе нет ничего странного, шокирующего. Патриотизм – это двустороннее движение как со стороны государства, правительства, так и со стороны гражданина, в данном случае трудового мигранта, находящегося за рубежом.

Р.52. *«Проблемы свои частично решил, однако буду продолжать выезжать за границу. Дома никаких проблем не решишь, заработки продолжают оставаться очень низкими».*

Р.46. *«Каждый раз еду домой с большими надеждами и даже инвестировал определенные суммы. И тогда, когда дочка должна будет пойти в школу, хочу вернуться домой, заняться агротуризмом и сельским хозяй-*

ством. Однако, каждый раз задумываюсь, а не будет ли это моей самой большой ошибкой в жизни».

P.4. *«Хочу ли я вернуться домой в Молдову? Трудно сказать. Раньше бы однозначно сказала, что да. Сейчас начала бы рассматривать много если. Если бы дочка была со мной в Италии – то нет. Общения с молдаванами, друзьями, родную речь сегодня в Италии встречаешь часто. В Молдову можно приезжать в отпуск.*

Я не думаю, что такая позиция говорит обо мне, что я не патриот Молдовы, своей страны. Думаю, что и мы относимся к своей стране лучше тогда, когда и она к нам с любовью и помощью. Это ведь обоюдное движение».

P.9. *«Пока что я не предпринимала никаких решений и действий, для того чтобы остаться за границей, но не исключаю, что в дальнейшем это может случиться.*

Вернуться в Молдову? Для этого надо иметь достойную зарплату и хорошую работу, заниматься тем, чем бы мне нравилось, но пока я этого не вижу, так как в Молдове власть думает только о себе, прежде всего, а не о народе. Я надеюсь и ожидаю, что рабочая сила будет цениться, повысят зарплату, закон будет равен для всех, хотелось бы перспектив»

P.15. *«Хотелось бы остаться за границей, потому что в Молдове плохие условия для жизни и ничтожные для работы. Меня ничто не держит здесь».*

P.18. *«Планы на будущее? По-моему все ясно. У меня здесь все нормально. А вернуться в Молдову, домой. И что ...? Опять начинать все сначала? У меня здесь, в Италии, все есть, а там, в Молдове, – что будет? Возможность начать все с начала? Без гарантий, реальных перспектив? Не смешите меня. Спасибо, сыт такими перспективами. Я сам создам свои перспективы.*

Приезжаем каждый год на родину, в Молдову, к родителям, родственникам в село в гости. Видим родных, помогаем им материально.

Ностальгия? Ностальгия проходит как побудешь в Молдове неделю. Столкнешься с прелестями бюрократии, неуважением и безразличием к человеку. Сразу все проходит. Хочется обратно, домой, в Италию. Вот такие пироги».

P.25. *«Если вернусь в Молдову, попробую открыть собственный бизнес. В настоящий момент препятствует этому отсутствие денег. Если открою собственное дело, хотелось бы поддерживать отношения с кем-то из Италии, кто имеет аналогичный бизнес. Думаю, что из этого выйдет что-то хорошее.*

Я не хотел бы остаться в италии, но меня останавливает отсутствие денег. У нас в стране я не смог бы их заработать, потому что у меня

там нет работы. Хочу вернуться в Молдову, но жду, чтобы произошли изменения к лучшему, чтобы были рабочие места с зарплатой как здесь. Не обязательно больше».

Р.53. *«Жить в Молдову мы не вернемся. Будем приезжать только погостить, потому что очень трудно досталась нам эта хорошая жизнь в Италии. И менять ее на нашу молдавскую действительность нет ни сил, ни желания. Я рад, что в тяжелый момент жизни я сделал верный шаг и уехал. Я нисколько не жалею о содеянном. И сейчас понимаю, что я сделал лучшее из того, что мог сделать».*

Эксперт 4: *«Говоря о возвращении молдавских трудовых мигрантов домой, в Молдову необходимо ответить на вопрос - устранены ли причины, которые выталкивают молдавских граждан в трудовую миграцию? К сожалению, этого не происходит. Да имеется определенный рост в стране, в социальной сфере. Но все это надо рассматривать в контексте современных процессов глобализации, когда человек не просто ищет и находит работу, но ищет работу хорошо оплачиваемую. Работу, оплата которой сравнима с зарубежными аналогами. Это во-первых. Во-вторых, товары и услуги, цены на них в нашей стране выравниваются, выходят на уровень международных показателей. В то время как заработная плата, ее уровень очень далек от среднемирового уровня.*

... Мы много и хорошо говорим о вновь созданных рабочих местах. Сегодня говорится о том, что у нас свободными являются около 100.000 рабочих мест. Но почему-то забываем, ... о том, что это рабочее место будет незанятым, если оно будет дешево стоить. Оно будет занято тогда, когда оно даст, должно дать человеку необходимое количество денежных средств для достойной жизни. Этот момент должны учесть и иностранные инвесторы, когда они приходят к нам с желанием открыть свой бизнес. Если они будут предлагать зарплату в 2-3 тысячи лей, о они не найдут работников на свои предприятия.

В то же время отмечу, что государство должно проводить более продуманную и конкрентную политику в области миграции, возвращения своих граждан домой, их реинтеграции в молдавский социум. Приведу такой пример. Только 4 трудовых мигранта (а мы опросили респондентов из 1537 домохозяйств из 116 населенных пунктов Республики Молдова) сумели успешно реализовать свой бизнес в Молдове на основе заработанных за границей, в трудовой миграции, денег. Это свидетельствует о том, что люди, во-первых, не знают страны, в которую они возвращаются. Во-вторых, они не знают правовой системы в области бизнеса. В-третьих, они не знают как вести бизнес (у них нет навыков). В-четвертых, государственная политика поддержки и стимулирования бизнеса, его инициирования в Молдове не отвечает реальным потребностям людей.

Если у всех не идет, значит не только они виноваты, но виноваты и правила игры, то есть и существующий инвестиционный климат, и неэффективность механизмом поддержки малого и среднего бизнеса».

В-четвертых, трудовые мигранты не безразличны к судьбе Молдовы. Даже говоря, что они не вернутся, они оговаривают иные варианты, обуславливая их определенными требованиями к молдавским властям, высказывая советы и рекомендации правительству.

Р.37. *«Считаю, что государство должно заниматься проблемой миграции. Оно должно предоставлять своим гражданам. В особенности молодому поколению возможности для самореализации, как минимум для своего содержания».*

Р.25. *«Правительство нашей страны должно не мешать людям работать, не ставить им палки к колеса высокими налогами. Они должны, если могут, сделать что-то для людей. Если не могут ничего сделать - то хотя бы пусть учатся чему-то у других стран».*

Р.6. *«Не знаю, что посоветовать конкретного властям, разве чтобы они наконец стали заботится о народе, а вот для того, чтобы вернуться домой надо, чтобы там было не хуже, чем за границей».*

Р.16. *«Молдавским властям я бы рекомендовала бы поддерживать экономические отношения с европейскими странами, и надеюсь, что наше возвращение станет возможным, когда будет настоящая европейская интеграция».*

Р.33. *«В Трудовом кодексе должны произойти изменения, у студентов должно быть больше возможностей на приём на работу, правительство должно больше возможностей и в финансовом плане уделять молодёжи. ... Что нужно делать в Молдове, чтобы люди не уезжали? Считаю, во-первых, надо навести порядок в городе, в правительстве. Во-вторых увеличить рабочие места, и повысить зарплату и пенсионный фонд».*

Р.54. *«Я не жалею, что поехал на заработки в Италию. Не жалею, что получил румынское гражданство. С молдавским гражданством как бы я попадал и работал в этой стране? Думаю, что нашим властям надо учесть это и постараться добиться того, чтобы в Евросоюзе и молдаване пользовались такими же возможностями для трехмесячной поездки как и румыны, болгары, поляки, чехи.*

Тогда и нарушений будет меньше. И уважения к стране пребывания и к местному населению. И правила жизни и пребывания в стране будут соблюдать больше и лучше. Наш ведь человек в основной своей массе законопослушен и богобоязнен. Не надо его ставить в такие условия, чтобы он становился преступником и нарушителем. А это от власти, правительства зависит. Власть она должна думать и понимать, что запретом мало что решить можно».

Эксперт 6: *«Для улучшения жизни молдаван в Италии. По моему мнению, надо установить более прочное сотрудничество между гражданами, посольством в Италии и правительством Республики Молдова, в плане продвижения инициатив по информированию о социально-экономическом развитии в Молдове и о молдавских сообществах за границей.*

В этом плане первым шагом могло бы быть издание газеты, как приложения к румынской газете, которая очень активна в Италии, получив для этого ее согласие. Таким образом, можно будет легче донести до сознания наших сограждан социально-экономические изменения в нашей стране. Это будет способствовать их приближению к правительственным структурам Республики Молдова.

Кроме того, ощущается необходимость создания ассоциации молдавских граждан, с участием представителей правительства Республики Молдова на индивидуальной основе. Ассоциация не должна иметь целью посылку молдавских граждан на работу за рубеж. Она должна оказывать помощь и поддержку тем, кто уже находится в Италии, так и тем, кто хочет вернуться в Молдову».

В-пятых, рекомендации потенциальным мигрантам.

Р.46. *«Начинающим мигрантам я бы порекомендовал уважать страну, в которую едут, учить язык и вести себя цивилизованно».*

Р.15. *«Что бы я посоветовала тем, кто хочет поехать на работу за границу? Им следовало бы хорошо подумать. Одно дело ситуация, когда его семья вместе с ним в стране трудовой миграции и другое дело, когда они будут далеко друг от друга. Если второй случай, то надо посмотреть, надо ли ехать или нет».*

Р.4. *«Хочу посоветовать людям, которые собираются за границу на заработки, чтоб делали всё легально. Так свободней себя чувствуешь. Меньше проблем, неприятностей, риска. И уважение к себе видишь со стороны местных жителей. Ты легально, тебя пустили. Ты не как вор, который тайком пробрался в чужой дом».*

Р.9. *«Чего бы я посоветовала людям, которые хотят выехать на работу в другую страну? Крепиться морально, держаться физически, верить в себя, не унывать и целей своих достигать! Я бы порекомендовала соотечественникам, чтоб они стремились к своим целям и не останавливались на достигнутом, а также со временем все-таки возвращались обратно на родину, в Молдову».*

Р.34. *«Посоветовала бы тем, кто находится дома, в Молдове и хочет поехать на заработки за рубеж, не делать этого, потому что разлученная семья через 2-3 года распадается... тем, кто хочет выехать за границу я бы посоветовала остаться в Молдове, выучиться, получить профессию, если для этого есть возможности».*

<u>P.17.</u> *«Совет мой таков, ребята, раз уж вы поехали за границу, будьте готовы к тому, что вы проведёте долгий период времени в разлуке с родными и близкими так, что подготовьтесь. Создайте почтовый ящик, создайте профайл на социальных сайтах, таких как «одноклассники» и «в контакте», благо интернет есть везде».*

Респонденты

<u>Респондент №1.</u> Женщина, 25 лет, неполное среднее образование, в Италии 5 лет.

<u>Респондент №2.</u> Женщина, 29 лет, высшее образование, в Италии 7 лет.

<u>Респондент №3.</u> Женщина, 50 лет, высшее образование, в Италии 13 лет.

<u>Респондент №4.</u> Женщина, 33 года, образование высшее, в Италии 2 года.

<u>Респондент №5.</u> Женщина, 30 лет, среднее образование, в Италии 7 лет.

<u>Респондент №6.</u> Женщина, 23 года, среднее образование, в Италии 3 года.

<u>Респондент №7.</u> Мужчина, 25 лет, среднее специальное образование, в Италии 4 года.

<u>Респондент №8.</u> Женщина, 30 лет, среднее специальное образование, в Италии 3 года.

<u>Респондент №9.</u> Женщина, 26 лет, среднее образование, в Италии 7 лет.

<u>Респондент №10.</u> Женщина, 28 лет, среднее специальное образование, в Италии 2 года.

<u>Респондент №11.</u> Мужчина, 39 лет, среднее образование, в Италии 5 лет.

<u>Респондент №12.</u> Женщина, 34 года, среднее образование, в Италии 11 лет.

<u>Респондент №13.</u> Женщина, 27 лет, высшее образование, в Италии 4 года.

<u>Респондент №14.</u> Женщина, 40 лет, высшее образование, в Италии 2 года.

<u>Респондент №15.</u> Женщина, 37 лет, среднее специальное образование, в Италии 4 года.

<u>Респондент №16.</u> Женщина, 48 лет, высшее образование, в Италии 4 года.

<u>Респондент №17.</u> Мужчина, 24 года, среднее образование, в Италии 2 года.

<u>Респондент №18.</u> Мужчина, 36 лет, среднее образование, в Италии 13 лет.

<u>Респондент №19.</u> Женщина, 68 лет, образование, в Италии 7 лет.

<u>Респондент №20.</u> Женщина, 40 лет, высшее образование, в Италии 2 года.

<u>Респондент №21.</u> Женщина, 26 лет, высшее образование, в Италии 5 лет.

<u>Респондент №22.</u> Женщина, 28 лет, среднее специальное образование, в Италии 4 года.

<u>Респондент №23.</u> Женщина, 35 лет, высшее образование, в Италии 6 лет.

<u>Респондент №24.</u> Женщина, 35 лет, высшее образование, в Италии 4 года.

<u>Респондент №25.</u> Женщина, 38 лет, высшее образование, в Италии 6 лет.

<u>Респондент №26.</u> Женщина, 42 года, высшее образование, в Италии 5 лет.

Респондент №27. Женщина, 48 лет, среднее специальное образование, в Италии 6 лет.
Респондент №28. Женщина, 38 лет, среднее специальное образование, в Италии 4 года.
Респондент №29. Женщина, 23 года, среднее образование, в Италии 3 года
Респондент №30. Женщина, 27 лет, среднее специальное образование, в Италии 2 года.
Респондент №31. Женщина, 36 лет, среднее специальное образование, в Италии 5 лет.
Респондент №32. Женщина, 45 лет, высшее образование, в Италии 4 года.
Респондент №33. Женщина, 24 года, высшее образование, в Италии 2 лет.
Респондент №34. Женщина, 23 года, среднее образование, в Италии 5 лет.
Респондент №35. Женщина, 21 год, среднее образование, в Италии 3 года.
Респондент №36. Женщина, 24 года, среднее образование, в Италии 5 лет.
Респондент №37. Женщина, 25 лет, среднее образование, в Италии 5 лет.
Респондент №38. Женщина, 50 лет, высшее образование, в Италии 8 лет.
Респондент №39. Мужчина, 42 года, среднее образование, в Италии 2 года.
Респондент №40. Женщина, 42 года, высшее образование, в Италии 7 лет.
Респондент №41. Женщина, 32 года, высшее образование, в Италии 7 лет.
Респондент №42. Женщина, 47 лет, среднее специальное образование, в Италии 4 года.
Респондент №43. Мужчина, 26 лет, среднее образование, в Италии 3 года.
Респондент №44. Мужчина, 43 года, среднее образование, в Италии 5 лет.
Респондент №45. Женщина, 47 лет, высшее образование, в Италии 8 лет.
Респондент №46. Мужчина, 29 лет, высшее образование, в Италии 7 лет.
Респондент №47. Женщина, 39 лет, среднее специальное образование, в Италии 8 лет.
Респондент №48. Женщина, 45 лет, среднее образование, в Италии 6 лет.
Респондент №49. Мужчина, 45 лет, среднее образование, в Италии 7 лет.
Респондент №50. Мужчина, 30 лет, среднее образование, в Италии 3 года.
Респондент №51. Женщина, 47 лет, среднее специальное образование, в Италии 12 лет.
Респондент №52. Мужчина, 32 года, высшее образование, в Италии 6 лет.
Респондент №53. Мужчина, 50 лет, среднее образование, в Италии 6 лет.
Респондент №54. Мужчина, 27 лет, высшее образование, в Италии 5 лет

Эксперты

Эксперт №2 – Сергей Саинчук, Министерство экономики и торговли Республики Молдова, заместитель министра

Эксперт №3 – Наталья Владическу, социологическая фирма CBS AXA, социолог

Эксперт №4 – Еуджен Христев, Центр социального и экономического анализа CASE, независимый эксперт

Эксперт №5 – Георге Руснак, посол Республики Молдова в Итальянской Республике

Эксперт №6 – Наталия Морару, социокультурная ассоциация «Doina» (Рим, Италия)

Эксперт №7 – Мариана Кетрушка, Молдавский государственный университет, доктор, проживает в Италии

Эксперт №8 – Владимир, Митрополит Кишинева и всея Молдовы, Русская православная церковь (Московский патриархат)

Эксперт №9 – Александр Гребинча, Свободный независимый университет Молдовы, профессор

Эксперт №10 – Ольга Гончарова, Нацинальное бюро межэтнических отношений Республики Молдова, генеральный директор

Эксперт №11 – Татьяна Левандовская, Нацинальное бюро межэтнических отношений Республики Молдова, управления диаспоры, начальник

Представлен в редакцию
23 октября 2009 года

Recenzent – **Rodica RUSU**, doctor în ştiinţe politice

ИСПАНИЯ ГЛАЗАМИ МОЛДАВСКИХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ

Валерий МОШНЯГА
Республика Молдова, Кишинев, Молдавский государственный университет, факультет международных отношений, политических и административных наук, кафедра политологии
заведующий кафедрой, доктор хабилитат политических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Молдова «Om Emerit»

Валентин ЦУРКАН
Республика Молдова, Кишинев, Молдавский государственный университет, факультет международных отношений, политических и административных наук, лаборатория «Социология политики»
заведующий лабораторией, доктор философских наук, доцент

Геннадий СЛОБОДЕНЮК
Республика Молдова, Кишинев, Академия Наук Молдовы, Департамент европейской интеграции и международного научного сотрудничества
Советник, магистр политических наук

In given article the Moldavian labour migration to Spain is analyzed, appeal of Spain as the country of reception of the Moldavian labour migrants is proved, the basic places of a concentration of migrants from Republic Moldova are considered. On the basis of the spent qualitative sociological researches (in-depth interviews of respondents and experts) reveal principal causes of labour migration in the Kingdom of Spain, a condition and the basic aspects of adaptation and integration in the reception country. The important place in the presented material is given questions of formation of the Moldavian communities abroad, in specially in Spain, activity of institutes of a civil society and the state structures on preservation of identity and communications of migrants with the exit country. In a final part of article the basic positions of labour migrants on a homecoming problem are considered. Re-socialisation in Moldova, the basic recommendations and wishes of respondents to the Moldavian government and potential migrants reveal.

1. Почему Испания?

Испания представляет интерес для молдавских трудовых мигрантов.

Во-первых, это страна Европейского Союза, в которой уровень жизни и размеры заработной платы значительно выше, чем в Республике Молдова. Кроме того, в силу развитости сферы туризма и услуг, необходимости

рабочих рук в строительстве в Испании были неплохие возможности для трудоустройства трудовых мигрантов.

Во-вторых, испанский язык входит в группу романских языков. Это облегчает для молдаван, язык которых также входит в эту группу, процесс овладения испанским языком.

В-третьих, начиная со второй половины ‘90-х годов XX столетия, молдавские трудовые мигранты подобно «масляному пятну» начинают осваивать рынки труда соседних и близлежащих стран Нвропейского Союза. Как ни странно, но удаленность Испании и Португалии от Молдовы способствовала росту миграционного интереса и планов в отношении этих стран: «поедем туда, где где молдаване еще не успели наследить нас и не ждут».

В-четвертых, в Республике Молдова в советское и постсоветское времена активно изучался испанский язык. Данное обстоятельство способствовало формированию определенного слоя испаноговорящих граждан Республики Молдова, которые выступили в во второй половине ‘90-х годов XX века в качестве пионеров, «первооткрывателей» Испании и ее рынка труда. В условиях, когда люди ехали в полную неизвестность, не обладали социальным капиталом и миграционными сетями, это было существенным фактором.

В то же время отметим, что и сегодня имеет место (хотя и значительно реже, чем ранее) случайный, ситуативный выбор Испании в качестве страны трудовой миграции.

Респондент №3: *«Почему я выбрал Испанию? Выбрал потому что на тот момент ничего другого не было, и условия, которые мне предложили, были достаточно хорошими. Знал только, что в Испании платят меньше, чем в других странах Европы. К примеру мои знакомые в Бельгии за одну поездку получают значительно больше»*.

В-пятых, в начале XXI века в Испании сложилась достаточно разветвленная миграционная сеть, представленная родственниками, друзьями, односельчанами приезжающих на заработки молдавских трудовых мигрантов, которые оказывали помощь в поиске работы, содействовали процессам социальной адаптации и интеграции в испанское общество. Это способствовало повышению значения Испании в качестве аттрактора молдавских трудовых мигрантов.

В-шестых, представляется, что Испанию и Португалию следует рассматривать в качестве единого или, по крайней мере, взаимосвязанного центра притяжения молдавских трудовых мигрантов. При этом в этой связке длительное время (на наш взгляд, это имеет место и сегодня) ведущую роль играет Португалия.

Это было обусловлено тем, что Португалия в конце XX века - в начале XXI века испытывала мощный строительный бум, обусловленный подготовкой и проведением чемпионата Европы по футболу (2004 г.), созданием в связи с этим мощной спортивной, гостиничной и транспортной инфраструктуры. Проведение чемпионата Европы привело к сокращению потребности в строителях, которые стали уходить на заработки в Испанию, обладающую более развитым и емким рынком труда. При этом молдаские трудовые мигранты, легализованные в Португалии, работали в Испании нередко «вахтовым методом».

Однако, процесс перетока молдавских трудовых мигрантов в Испанию был осложнен тем обстоятельством, что современный экономический и финансовый кризис в наибольшей степени отразился на испанской экономике и, соответственно, на рынке труда. Естественно, что возникают большие сложности с трудоустройством как для испанского населения, так и для трудовых мигрантов как из стран Европейского Союза, так и из других стран, в частности и Молдовы.

Кроме того, следует подчеркнуть, что Португалия проводит наиболее толерантную миграционную политику, что обусловлено как потребностями в рабочей силе (заработная плата в Португалии одна из самых низких среди стран, «старых» членов Европейского Союза), так и толерантным отношением местного населения к трудовым мигрантам: - Португалия обладает давними и прочными традициями в трудовой иммиграции своего населения. Соответственно, что молдавские трудовые мигранты предпочитают оставаться на небольших зарплатах в Португалии, чем ехать в другие страны, где миграционная политика носит более рестриктивный характер (как например, в последние годы в Италии).

2. Молдаване в Испании: количество и места сосредоточения.

Молдавский эксперт, живущий в Испании (**эксперт №1**), отмечает, что *«по сравнению с другими европейскими странами эта страна была открыта молдавскими трудовыми мигрантами позже. Первый поток мигрантов отмечен сразу же после распада СССР, в 1992 году. Миграции продолжаются до сих пор. Количество мигрантов из Восточной Европы, в нашем случае молдаван постоянно растет, о чем свидетельствуют миграционные амнистии. В 1997 году Министерство внутренних дел Королевства Испания указало на 324 молдаван, которые легально находились на испанской территории. В дальнейшем количество молдаван возрастало: в 2004 году – 2.915 человек, а в 2008 году - 13.646 человек, согласно статистическим данным правительства Испании.*

Основными местами сосредоточения молдавских мигрантов являются северный и центральный регионы Испании. К примеру, овтономная

провинция Кантабрия легализовала в последние годы достаточно большое число молдавских мигрантов – 2.347 человек. Именно здесь имеется самая многочисленная общность молдаван из центральной части Молдовы, именно из Хынчештского и Чимишлийского районов.

И автономная провинция Каталания характеризуется большим количеством мигрантов, выходцев из Молдовы. Особенно это характерно для города Барселона. Отметим также Валенсию, Мурсию, Андалусию, в особенности западную часть провинций Севилья, Гуельва. Это объясняется тем обстоятельством, что многие из молдавских мигрантов, легализованных в Португалии, прежде всего в Фару, приездают работать в эти зоны.

Однако, больше всего молдавских трудовых мигрантов (более 6 тысяч человек) отмечено в автономной провинции Мадрид. Тем не менее отметим, что очень трудно дать реальную картину численности молдаван в Испании, потому что многие из них приезжают с румынскими, болгарскими, российскими паспортами или паспортами других стран.

В гендерном разрезе в основном представлены мужчины, потому что им легче найти работу в сфере транспорта и строительства. Согласно данным Министерства труда и миграции в Испании легально находятся 7.172 мужчин и 6.472. Женщины и дети легализуются путем воссоединения семей. Основными сферами трудоустройства являются строительство, транспорт, обслуживание, услуги и т.д.».

В то же время следует отметить, что среди молдавских мигрантов в Испании, опрошенных нами, имеются как люди, которые обучаются в испанских вузах, так и те, кто обслуживает трудовую миграцию. Естественно, что эти люди не являются трудовыми мигрантами в полном смысле этого слова. Таких людей немного, однако они также составляют определенный слой в молдавской миграции в Испанию, без которых картина была бы неполной.

Case Study. Респондент №9: *«Меня зовут Мариана, я родом из Республики Молдова. Моя семья из Глодянского района. В ней 7 человек. Папа в настоящее время является фермером. У него есть собственный бизнес. Мама – семейный врач в родном селе. Сестра Наталия, которая работает в Румынии, в г.Клуже. Она моя сестра-близнец. Затем сестра Лариса, она студентка во Франции, ей очень нравится французская культура. Еще одна сестра – студентка Молдавского государственного университета. Самый младший член семьи – это брат, он учится в школе нашего села.*

Я закончила среднюю общеобразовательную школу в родном селе Петруня. Потом поступила в Молдавский госуниверситет, на факультет международных отношений, политических и административных наук.

После окончания университета начала работать преподавателем кафедры политологии. Жизгь моя была схожа с жизнью вснх молодых люднй, которые находятся в начале жизненного пути. Мне многого хотелось достичь в жизни. Я стала участвовать в различного рода проектах для молодежи, такие как молодежное лидерство, скаутское движение, волонтерство. Все это позволило мне узнать многих людей с такими же взглядами. Первый раз я выехала за границу, в Испанию, летом 1999 года. Поездка была организована молодежным скаутским движением. В Испании я приняла участие в двух сборах в качестве молодого скаута. После этого были и другие поездки за рубеж.

Об Испании я знала довольно много. Я учила испанский язык на занятиях в университете. Еще до первой поездки в Испанию я уже неплохо владела языком, знала обычаи и культуру страны. Я очень хотеля узнать эту страну. Это был мой сознательный выбор. По правде говоря, я не ездила в Испанию на заработки. Я поехала учиться, заниматься в докторантуре. Мне этого очень хотелось. Для этого я просмотрела электронные сайты многих испанских университетов. Сначала я участвовала в программе летних школ для преподавателей и студентов по изучению и совершенствованию испанского языка. Этот опыт мне очень помог при подготовке к учебе в докторантуре в Испании. В осуществлении своей мечты я получила большую помощь от профессоров Международного университета в Андалусии, которые прислали мне всю необходимую информацию для поступления в докторантуру. Я представила все документы, прошла конкурс и стала докторандкой. При этом я постоянно испытывала моральную поддержку своей семьи, в первую очередь сестер Натальи и Ларисы.

Первое, чем я руководствовалась при поездке на учебу за границу, было то, что я познакомлюсь с людьми с близкими мне взглядами. Для меня это будет новый опыт, я смогу увидеть и сравнить свой потенциал. Целью, конечно, было получение ученого европейского звания доктора наук. Во время поездки моя семья очень мне помогла, как с материальной, так и моральной точки зрения. Я потратила много денег на книги, купила хороший компьютер-лэптоп. Я считаю, что поездка на учебу в Испанию очень меня обогатила в профессиональном плане, расширила кругозор в моей сфере трудовой деятельности. В университете меня очень хорошо приняли, помогали при решении всех проблем, даже если иногда и с опозданием. У меня легальный статус иностранного учащегося, документы подтверждают это.

Цели моей поездки в Испанию вписываются в специфику моей трудовой деятельности. Более того, создаются хорошие возможности для моего профессионального роста, карьеры. Сейчас я хочу получить европейский диплом доктора наук. И в настоящий момент работаю над диссерта-

цией. Хочу узнать и установить как можно больше связей с зарубежными специалистами в моей области знания. Пока что я занята диссертацией и ничего не предпринимаю для того, чтобы остаться жить и работать за границей. Если честно, то я пока еще не определилась в этом плане. Вот защищусь и будет видно. Будем думать».

Представляется, что реальная цифра молдавских трудовых мигрантов в Испании несколько больше. Это обусловлено тем, что значительная часть трудовых мигрантов находится (живет и работает) нелегально. По нашему мнению, общая численность молдавских трудовых мигрантов в Испании составляет 18-20 тысяч человек. В условиях нынешнего кризиса их численность несколько уменьшается.

Респондент №3: *«Сейчас, с этим кризисом даже не знаю, что будет дальше, какое будущее нас ждет. Нередко оно мне видится очень неопределенным».*

Респондент №13: *«У нас (в моей семье) пока все неплохо. А вот у испанцев не очень! Кризис экономический затрагивает не только наших, но и самих испанцев. Очень плохо с работой для всех. Слышала, что много наших выезжают из Испании домой в Молдову с семьями. Но наша семья пока не думает».*

Эксперт №2: «*Если говорим о странах Европейского Союза – то и здесь не наблюдается массового возвращения молдавских трудовых мигрантов на родину. Все зарубежные молдавские дипломатические миссии оформляют около 100 документов в неделю для желающих вернуться домой. Согласно источникам, заслуживающим доверие, даже если заработная плата в странах Европейского Союза резко уменьшиться, то и тогда не ожидается массового потока возвращающихся на родину молдавских трудовых мигрантов*».

Однако, оно не носит массового характера. Причин этому несколько. *Во-первых*, дома, на родине, в Республике Молдова, их не ждет лучшая социально-экономическая ситуация, более высокая заработная плата. *Во-вторых*, выехав из Испании, людям придется заново искать варианты для въезда в страну на заработки. *В-третьих*, многие из легальных трудовых мигрантов, взяли кредиты на жилье, решение других материально-бытовых проблем. Это также сдерживает людей от выезда. *В-четвертых*, многие трудовые мигранты продолжают поддерживать финансово своих родных и близких, живущих в Молдове.

Эксперт №3: *«Молдавские мигранты, которые работают в странах Европейского Союза, утверждают, что они не вернутся домой даже если зарплата сократится на 20-30% (зарплаты упадут с 1.500 евро до 1.000 евро или с 800 до 500 евро). Даже и в этом случае это будет больше, чем те возможности, которые у них будут в Молдове.*

Причина этого заключается в том, что соотношение доходов и цен в Республике Молдова шокирует мигрантов. Как мигранты, так и члены их семей (получатели денежных переводов из-за рубежа) пларируют в случае сокращения доходов уменьшить собственное потребление. В то же время мигранты утверждают, что они не сократят денежные переводы для обеспечения текущих потребностей своих семей, проживающих в Республике Молдова.

Даже в условиях мирового экономического кризиса как мигранты, так и члены их семей мечтают выехать на заработки за рубеж. Мигранты считают экономику стран, в которых они работают, более стабильной и крепкой по сравнению с экономикой Республики Молдова. Они полагают, что вследствие кризиса Республика Молдова пострадает сильнее, чем страны, в которых они находятся».

3. Причины выезда.

Углубленные интервью с трудовыми мигрантами свидетельствуют, что основными факторами, обуславливающими выезд молдавского населения за рубеж в поисках работы, являются социально-экономические причины. Об этом говорит подавляющее большинство трудовых мигрантов. При этом в качестве доминирующей причины является *тяжелое материальное положение семьи*, отсутствие работы и рабочего места, заработков, достаточных для нормального существования / проживания, необходимость решения различных социально-бытовых проблем, связанных с питанием, проживанием, лечением, обучением детей в школе, высших учебных заведениях, приобретением квартиры или постройкой дома, покупкой автомобиля и товаров долговременного пользования.

Респондент №4: *«Мне 40 лет. У меня жена и двое детей. Закончил Технический Университет по специальности инженер-механик. Работал на заводе «Молдовагидромашина». В последние полгода перед выездом за границу в нашей семье родилась дочка, и в то же время я остался без работы. За границу уехал по причине отсутствия работы и возможности обеспечить жильем семью».*

Респондент №6: *«Основной причиной выезда зарубеж были материальные и финансовые проблемы. У меня две дочки и с каждым днем я замечал, что им не хватает то одного, то другого: их нужно одевать. Кормить, деньги на учебу и т.д. Я пытался изо всех сил закрыть все дыры в семейном бюджете, но не получалось».*

Респондент №7: *«Раньше я работала в магазине. Потом, когда совсем перестали выплачивать зарплату, как и многие другие, ездила в Румынию, торговала на базарах. Какое-то время это давало хороший зара-*

боток, а после 1997 года стало совсем невыгодным. Поэтому я стала искать возможность выехать ра работу за границу».

Респондент №10: *«Мне 45 лет и я остался без работы уже в таком возрасте. Как вы понимаете, хорошо оплачиваемую работу я не смог найти здесь, в Молдове. А у меня двое детей, которых я должен поднимать. Постоянные ссоры с женой из-за нехватки денег вынудили меня все-таки поехать за границу».*

Респондент №11: *«Папа умер, мама является пенсионеркой, всю жизнь проработала в сельском хозяйстве. Нас четверо детей в семье, два брата и две сестры. Я поехала на заработки, чтобы заработать денег и выйти из бедности. Мы живем трудно и мама практически не может всем дать денег. Мы не могли купить даже самых малых вещей, хорошо одеться, ни поступить на учебу куда-либо. И тогда я решила поехать на работу за границу, тем более что там уже находились мои родственники».*

В то же время, в последние годы растет количество трудовых мигрантов, которые имели в Республике Молдова работу, обладали нормальным жильем, получали неплохую (по молдавским меркам) заработную плату, позволяющую их семье не бедствовать. Эти люди стали трудовыми мигрантами не столько по причине того, что им нечего есть и негде работать. В качестве определяющей причины выступило *желание получать более высокую заработную плату, иметь больше, чем они имеют дома за один и тот же труд*. Чтобы таким путем решить имеющиеся материальные проблемы или улучшить существующее материальное положение.

Это свидетельствует о том, что молдавская рабочая сила становится все более «капризной». В условиях глобализации она начинает мыслить не только категориями своей страны, собственного рынка труда и заработной платы, а начинает сравнивать социально-экономическую ситуацию, параметры и уровень жизни у себя в стране и за рубежом. Она делает выбор в пользу более выгодной работы, более приемлемых и человеческих условий труда и жизни, более человечного отношения к человеку, работнику и гражданину в стране приема.

Респондент №3: *«Я закончил колледж полиции в Кишиневе. Проработал год с небольшим в комиссариате полиции в Страшенах. Работал в комиссармате, но не был удовлетворен зарплатой. Тем более, что я женился и траты возросли. Я был некоторой депрессии, потому что не очень был доволен имеышейся заработной платой».*

Респондент №12: *«Я учился в Экономической Академии, на экономиста. Работал бухгалтером-экономистом в кишиневской частной фирме „SolidGrup”. У меня была работа, хотя многие молодые люди моего возраста не очень находят себя работу. Мне нравилась моя работа, но мне*

хотелось большего. Кроме того, я много беседовал со своими друзьями, которые уехали за границу на заработки.

В нашей стране всегда есть материальные трудности. Я молод, у меня есть собственные траты. Я хотел купить квартиру открыть собственный маленький бизнес. Я решил уехать, чтобы изменить свою жизнь и заработать денег, чтобы быть более независимым».

Как показывает практика социологических опросов среди трудовых мигрантов имеется и третья наименее многочисленная категория граждан, которые включаются в трудовую миграцию вследствие возникшей в Молдове моды на трудовую миграцию. Для них заработок, повышение своего материального положения или материального положения их семьи не представляется важным, существенным, необходимым. По простой причине, что это у них есть.

Чаще всего это молодые люди из хорошо обеспеченных семей. Для них главным фактором, толкающим их в миграцию является *стремление проверить себя в трудовой деятельности за границей, быть наряду со всеми, посмотреть мир и заодно заработать*. Или решить другие проблемы, связанные с учебой, занятием спортом и т.д.

Среди трудовых мигрантов в Испании мы таких трудовых мигрантов не встретили. Но у нас были такие случаи при опросах респондентов, работавших в Греции или Италии.

4. Подготовка и механизмы проникновения в Испанию.

Готовясь к поездке за рубеж, молдавские трудовые мигранты предпринимают определенные действия. *Во-первых*, это языковая подготовка. Справедливости ради, отметим, что трудовые мигранты нередко сталкивались с испанской языковой спецификой – необходимостью владеть диалектом соответстующего испанского региона. Такое осознание невсегда давалось легко.

Респондент №4: *«Конечно же, выбор страны выезда был сознательным. Я готовился - посещал курсы по изучению испанского языка, чтобы легче адаптироваться».*

Респондент №6: *«я ходил на курсы по изучению испанского языка в своем городе. И полагал, что выкручусь, усовершенствовав язык на месте. Однако, разговорный язык в области, где я находился, отличался от того, что я изучал дома, и потому мне было трудно работать. Но уже через две недели я приноровился».*

Во-вторых, это нахождение финансов для реализации поездки. Речь идет, конечно, не о 35-60 евро для оплаты официальной визы. Суммы значительно превышают эти таксы: за неофициальное решение, за срочность и т.д.

Эксперт №1: «*Оказалось не так уж и просто уговорить наших молдаван об интервью. Кто-то неискренен, а кто-то в силу того как приехал в Испанию не хочет много вспоминать*».

Респондент №2: *«в Испанию я попал с помощью одного приятеля, который помог мне с необходимыми документами, с переходом границы и т.д., но, конечно, за определенную, достаточно кругленькую сумму денег. Деньги я взял у родителей, которые взяли кредит в банке. Однако, это произошло после моих длительных просьб, потому что родители были против моего отъезда».*

Респондент №5: *«Я одолжтл огромную сумму денег чтобы уехать на заработки заграницу».*

В-третьих, нахождение определенных людей или фирм, которые за определенную, часто достаточно весомую плату занимаются оформлением документов и успешным получением визы в страны Европейского Союза. Учитывая то обстоятельство, что имеется немало случаев, что людей «кидают», обманывают, не выполняют взятые обязательства, потенциальные мигранты стремятся «работать» с теми, в отношении которых испытывают доверие (личное или корпоративное), обращаются к родственникам, друзьям и знакомым, которые на личных доверительных связях помогают с установлением контактов в различного рода фирмах и агентствах.

Респондент №4: *«За границей я оказался при финансовой помощи и поддержки брата. Я много узнал об Испании по рассказам брата. Мой брат посоветовал мне одну из фирм, которая организовывала выезд рабочей силы за границу. Я слышал, что многие фирмы бросали на произвол судьбы своих подопечных, поэтому я и обратился только в ту фирму, которую мне посоветовал брат».*

Респондент №11: *«Я постоянно думал как я уеду и что меня ждет там. Я одолжил денег на поездку. Поехал за рубеж я на минибусе, имея визу, за которую заплатил 3 тысячи евро. Я знал, что многие едут туда чтобы хорошо заработать. Я выбрал эту страну потому что у меня были контакты. Моя двоюродная сестра находилась в Италии и сказала мне кому позвонить, чтобы договориться по поводу визы. Я позвонил и эти люди занялись моими документами. Сначала заплатил аванс и потом, по получении визы, - все остальные деньги. Мне помог господин Василий. Остальных не помню, все-таки уже прошло пять лет с тех пор. В Италии мне помогла трудоустроиться моя двоюродная сестра. Самому трудно найти работу, но, в принципе, это возможно».*

В-четвертых, получение туристической или рабочей визы. В последние годы наблюдается определенное изменение тактики поведения трудовых мигрантов.

Если ранее акцент делался на получение туристической визы в Испанию, то сегодня, когда консульство Испании, сознавая, что молдаване, подавляющее большинство, едут на работу, а не смотреть и изучать культуру и историю страны, огрничивают выдачу туристических виз, акцент ставится на получение визы на основе официального приглашения / трудового контракта, оформление документов через молдавские транспортные фирмы, обладающие контрактами с коллегами из Испании.

Эксперт №1: *«в настоящее время все больше молдавских трудовых мигрантов стремятся выехать при помощи трудовых контрактов, которые оформляют испансские работодатели по просьбе молдавских трудовых мигрантов, которые уже находятся в Испании. Суть процедуры состоит в том, что испанский работодатель должен представить заявку на иностранную рабосую силу в Министерство труда и социальных дел, которая изучается, потом утверждается. Положительное решение направляется заявителю, которое затем прилагается соискателем, молдавским трудовым мигрантом, для получения визы в консульстве Испании».*

Респондент №9: *«В принципе я немного знаю о деятельности туристических агенств и агенств по найму рабочей силы. Из опыта моих поездок за границу знаю, что консульство Испании не благопритствует туристическим поездкам молдаван в Испанию. Просто не верят, что мы едем наслаждать красотами страны, а не на заработки».*

Респондент №3: *«В Испанию я поехал на основе трудового контракта, который мне сделала кишиневская фирма, занимающаяся международными транспортными перевозками. У них есть машины, котрые ездят на Испанию. Они и сделали все документы для моей поездки. Каких-то особенных приготовлений не было, просто надо было представить пакет документов и все. Мне помогла фирма, которая отправила мои документы в Испанию. Исходя из этого, у меня не было проблем ни на границе, ни с визой».*

Респондент №5: *«Недавно один мой бывший коллега по работе сказал, что фирма, в которой он работает, занимается трдоустройством молдавских граждан на сезонные работы в Испании, Греции, Италии. Он мне предложил трудоустроиться в качестве шофера. Я согласился. На самом деле их фирма трудоустраивает людей на уборку фруктов. Но мне повезло. Сначала я проработал пять месяцев в Греции (зарплата 450 евро). А сейчас я работаю в Испании».*

Кроме того, используются такие возможности для проникновения в страну как различного рода конференции, семинары. Несомненно, что используется и такая форма как туристическая виза, но полученная для посещения Португалии.

Респондент №12: *«За границу я уехал легально. Мне помогла моя сестра, которая работает в неправительственной организации. У них был какой-то конгресс и она включила меня в список участников. Таким образом я получил визу. Я выбрал Испанию, потому что там уже работал шурин, муж моей сестры. Я подготовил необходимые документы для получения визы в консульстве, трудовую книжку. Справку о размере заработной платы и т.д. Начал немного изучать язык».*

Респондент №10: *«В Испанию я приехал на автобусе, по туристической визе на Португалию».*

В-пятых, получение румынского или болгарского гражданства (паспорта), обуспечивающего безвизовое передвижение в странах Европейского Союза. Упрощенный режим въезда в Испанию обеспечивается также и другими путями: замужество с испанским гражданином или воссоединение семьи легализованного молдавского трудового мигранта. Однако, в отличие от других стран молдавские гражданки знакомятся с испанскими гражданами и выходят замуж, уже находясь на территории стран приема в качестве трудовых мигрантов (легальных или нелегальных).

Эксперт №1: *«Очень много молдаван приезжает с румынскими, болгарскими, российскими паспортами или паспортами других государств... В этом же плане можем говорить о воссоединении семей на основании того, что один член семьи (муж или жена) уже находится в Испании. Конечно, воссоединение семьи осуществляется на основе финансовых и материальных возможностей мигранта, который может обеспечить достойную жизнь своей семье».*

Респондент №1: *«Я въехал легально, потому что у меня румынский паспорт и потому сложных проблем на границах у меня нет».*

Респондент №7: *«Через год я познакомилась с испанцем, стали встречаться с ним и в конце концов поженились. Он старше меня, ему 78 лет. После замужества, я в течении полугода получила гражданство Испании. Мы живем в пригороде Мадрида, где у мужа есть небольшой дом».*

Респондент №14: *«Я в Испании уже много лет, Приехал нелегально. До сих пор мой статус в стране нелегальный. Конечно, за столько лет мог бы уже легализоваться. Но не сделал легализацию. Сначала политика испанского правительства была достаточно жесткой по отношению к нелегалу. Затем, как-то сам не стремился – патрон меня и так высоко ценил и ценит за мои знания в области строительства. А сейчас, в условиях кризиса, начинать процедуру легализации самому хлопотно, надо выезжать из страны. Потом и государство не очень стремится легализовать, хочет отправить нелегалов на родину, чтобы обеспечть работой своих граждан. Ситуация с кризисом изменится в лучшую сторону и я легализуюсь. Все-таки, лучше быть легальным мигрантом. А все мои родст-*

венники, и моя жена с детьми, мои и ее братья и сестры с семьями, которые приехали благодаря мне: – я помог с трудовым контрактом, - все легальные трудовые мигранты, которые постепенно воссоединяли свои семьи».

В-шестых, поиск работы посредством активизации социального капитала, миграционных сетей: своих родственников, знакомых и друзей, находящихся на работе в Испании. Отметим также и такую форму как использование современных коммуникационных возможностей (интернет) для поиска работы.

Респондент №9: *«Думаю, что возможно найти самостоятельно работу за границей, особенно в случае если ты являешься хорошим специалистом и владеешь государственным языком. Надо искать в интернете, в специализированных газетах или обращаться на прямую к работодателю».*

Респондент №7: *«К этому времени многие односельчане уже работали в Италии, Испании, Греции, имели хорошие, по нашим меркам, заработки. Среди них оказались мои друзья и кумовья, которые работали в Испании, в Мадриде. От них я получила информацию о возможной работе, а также, каким образом туда добраться. Я заняла деньги, и оформила визу через туристическое агенство на месяц».*

В-седьмых, нелегальное проникновение в страну приема. В условиях удаленности Испании от Молдовы, нахождения ее на противоположной границе Европейского Союза это, в первую очередь, означает нелегальность проникновения в Европейский Союз и дальнейшее передвижение в Испанию, пользуясь отсутствием пограничного контроля между государствами-членами Европейского Союза.

Респондент №10: *«Пришлось обратиться к брату, который работал в Испании. Он сказал, что поможет выехать, но нелегально, так как легально мне бы обошлось намного дороже. Поэтому мне пришлось рискнуть, так как это было быстрее и дешевле».*

5. Социальная адаптация и интеграция в стране приема.

Адаптация и интеграция трудовых мигрантов в стране приема зависит от многих факторов, толерантного отношения. взаимодействия государственных структур и гражданского общества страны приема и самих иммигрантов.

Во-первых, особенности иммиграционной политики Испании, отношение к иммигрантам и их интеграции как со стороны властей, так и со стороны гражданского общества.

Эксперт №1: *«В общественных дискуссиях проблема миграции постоянно актуализирована как Народной партией, так и Испанской социаль-*

ной рабочей партией. В начале '90-х годов Испания была открыта миграционным процессам, но постепенно она стала проводить более закрытую политику по отношению к мигрантам из Восточной Европы. Так, в каждой последующей легислатуре Органический закон «Об иностранцах» (4/2000) становится все более жестким. В настоящее время «Закон об иностранцах» разрешает въезд в страну на основе виз, выданных консульствами Испании (для Республики Молдова консульство Испании в Румынии) и которые могут быть туристическими, учебными или рабочими.

Органический закон «Об иностранцах» (4/2000 от 11 января) разрешил осуществление политики интеграции иммигрантов, расширил права и установил общий принцип равенства мигрантов и испанских граждан. Более 50 неправительственных организаций объединились с целью поддержки этой реформы пд логотипом „Никто не является нелегалом”. И тем не менее этот закон был раскритикован Народной партией.

В общем-то, неправительственные организации, которые выступают за политику интеграции иммигрантов, одновременно продвигают их права.

Испанская правовая доктрина делит права иностранцев на три группы:

- Существуют права, которые идентичны как для испанцев, так и иностранцев, ибо существенны для человеческого достоинства (право на жизнь, физическое и моральное здоровье, и т.д.). В этом смысле закон признает ряд прав, присущих всем иностранцам, независимо от их административной ситуации, таких как право на документирование, которое в то же время является и обязанностью, право на медицинскую помощь, право на бесплатную правовую защиту, право на среднее образование, и т.д. (как для легальных, так и нелегальных мигрантов);

- В этой группе в конституционных рамках закон может устанавливать дополнительные условия для реализации этих прав. Например, при условии их легализиции, то есть, если документы будут в порядке. Такие права как свобода передвижения, на воссоединение семьи, на демонстрации и объединение, право на труд, социальную помощь и защиту, профсоюзы, право на забастовки, помощь на жилье, признаются только для тех иммигрнатов, которые находятся легально на испанской территории;

- Третья группа прав относится исключительно к испанским гражданам: политические права, право избирать и быть избранным, участвовать в выборах;

В общих чертах это основные подходы испанского законодательства по отношению к правам иностранцев, которыми пользуются и молдавские граждане, находящиеся на испанской территории.

Конечно, политика социальной интеграции иностранных мигрантов в Испании носит активный характер, действует ряд неправительственных организаций, которые оказывают социальную и психологическую помощь мигрантам. Среди них назовем такие как ARES, основанную в 1998 году, культурную ассоциацию OBATALA, которая оказывает услуги по информированию и социальной помощи румынским и молдавским мигрантам. Очень много общественных организаций оказывают волонтерские услуги по интеграции мигрантов. Волонтеры из числа медиков и учителей во внерабочее время оказывают бесплатные услуги мигрантам. Также активную роль играет Церковь и Красный Крест, которые оказывает помощь и предоставляют бесплатные обеды всем мигрантам. Например, Красный Крест размещает в своих лагерях мигрантов, которым негде жить. Правда, в последнее время многие социальные действия сокращены вследствие кризиса, поразившего Испанию».

Во-вторых, успех и эффективность политики интеграции во многом зависит от отношения к иммигрантам (в нашем случае к молдавским трудовым мигрантам) со стороны местных жителей, простых испанцев.

Экперт №1: *«вследствие того, что численность молдавских мигрантов невелико по отношению к мигрантам других национальностей, многие испанцы не знают где они находятся. Путешествуя по интернетовским сайтам, видим, что о молдаванах, находящихся в Испании, в основном имеются положительные комментарии. Иногла в прессе есть негативные отзывы о молдаванах, как-то, что они связаны с русской мафией, с румынами, участвуют в кражах, фальсификациях. В этом контексте на официальном сайте Национальной полиции находим информацию о правонарушениях, совершенных молдавскими гражданами в Испании, в частности, кражах, фальсификации документов, трафике живых существ, совершенных совместно с румынами, литовцами, болгарами, украинцами. Однако, все-таки доминирует положительный имидж как о добрых, ответственных и работящих людях, которые очень хорошо интегрируются в испанскую действительность и легко устанавливают контакты с местным населением. Например, испанская пресса хорошо отзывалась об одном молдавском враче, который во время террористической атаки 11 марта оказывал экстренную медицинскую помощь пострадавшим на станции Atocha, в Мадриде.*

Многие учителя испанских школ и лицеев с восхищением говорят об успехах молдавских детей в овладении испанским языком и культурой».

В-третьих, от отношения к стране, ее народу со стороны самих иммигрантов, их стремления интегрироваться в стране приема. Отношение иммигрантов носит многоплановый характер.

1. Социологические исследования показывают, что основная масса молдавских граждан стремятся овладеть ***языком страны пребывания***. Несомненно, что это связано в первую очередь с пониманием того, что знание языка обеспечивает более широкий доступ на рынок труда Испании, возможность найти хорошую и высокооплачиваемую работу. Однако, нельзя забывать, что изучение / владение языком страны означает уважение к самому народу, его культуре и традициям.

Респондент №4: *«Языком владею свободно, а основы языка получил на курсах в Молдове».*

Респондент №11: *«Начала учить язык в Испании. Потом, когда вернулась домой, записалась на курсы испанского языка в Кишиневе. Кроме того, записала и своих братьев, чтобы они смогли приехать в Испанию».*

2. Адаптация и интеграция иммигрантов проявляется и в ***восприятии страны пребывания, ее культуры, отношения к населению***. Конечно, среди молдавских трудовых мигрантов (как и среди любого народа) люди отличаются по своему характеру, способности к коммуникации, обладают различным эмпирическим опытом общения и знания как испанской действительности, так и испанцев, который затем обобщается. При этом нередки случаи обобщения даже не собственного опыта, а пересказов других людей, авторитетных для данного мигранта. Однако, в целом господствуют положительные оценки, восприятие испанского народа и его страны.

Респондент №11: *«Люди в Испании хорошие, не такие гордые как в Молдове. В Италии я научилась хорошо готовить, там хорошо готовят. В Испании я узнала много праздников, которые мне очень понравились».*

Респондент №3: *«Что узнала о Испании – у них хорошие и оборудованные дороги, полиция не остановит без причины, не так как у нас, где в этом плане полнейший беспорядок. Испания красива, но мне понравилось, что у них нормальные условия труда».*

Респондент №7: *«Вообще испанцы люди очень замкнутые, трудно идут на общение. А мой муж вообще не любит ни с кем общаться. Часто супруги здесь платят каждый за себя».*

Респондент №9: *«В Испании мне понравился ритм жизни испанцев, которые никогда не спешат, и конечно испанская коррида, что наиболее характерно для этой страны. Практически все уикэнды, больше всего свободного времени тратила на учебу или знакомство с историческими достопримечательностями. Больше всего мне понравилась как испанцы проводят свободное время, их ночная жизнь».*

Респондент №4: *«Страна большая, красивая и народ там особенный. Особо понравилась природа и исторические памятники».*

Респондент №12: *«Понравилась открытость людей в Испании, их помощь без того, чтобы получить что-то взамен, умеют отдыхать. Меня впечатлила архитектура Барселоны и теплый климат».*

Респондент №10: *«Скоро я начал постепенно изучать язык. Но встреч с местным населением старался избегать, так как брат меня предупредил, что испанцы очень вспыльчивый народ».*

3. Успешность интеграции в новый социум зависит для трудового мигранта от ***наличия работы***, возможности зарабатывать деньги на свое пропитание и проживание, на содержание своей семьи на родине или в Испании, если она также находится в данной стране. Ради чего, в общем-то, он и приехал в Испанию.

Респондент №12: *«Самым большим стрессом было то, что у тебя нет работы и ты должен остаться дома или бродить и искать хоть кукую-то работу. Мне помогли знакомые и мой шурин. Со своей стороны и мы помогали нашим знакомым, которые приехали и первое время им негде было жить. Они часто оставались у нас в квартире пока не находили себе жилье.*

Я не доволен своим нынешним материальным положением. Сейчас не очень есть работа и иногда траты превышают заработок. Занимаюсь различными сезонными работами, но в основном рекламой. В социальном плане я ничего не выиграл, но в финансовом у меня зарплата выше, чем в Молдове. Живу на съемной квартире, плачу 200 евро плюс коммунальные услуги. Бытовые условия хорошие. У меня нет постоянного места работы. Но работать здесь хорошо.

Возможно, но трудно самостоятельно найти работу за границей. Для этого надо знать язык и чтобы документы были в порядке».

Респондент №3: *«Найти самостоятельно работу за границей – не знаю, но думаю, что трудно, надо иметь трудовой контракт».*

Респондент №7: *«Приехала я в Мадрид 8 лет назад. Друзья поискали мне работу по уходу за больным. В этой семье я проработала в течении года. Работала нелегально, жила у хозяев, питалась там же. Оплата была в среднем 800 евро. Иногда бывали премиальные, подарки к празникам. Постепенно учила испанский язык, потому что без знания языка трудно общаться. К концу года я уже хорошо понимала и могла изъясняться. Хозяева ко мне относились доброжелательно. В мои обязанности входило только уход за больным».*

Респондент №9: *«Родственники, знакомые, которые работают в Испании, – вот те кто в большинстве своем оказывают помощь молдаванам в трудоустройстве. Они используют свои связи, знакомства и трудоустраивают мигранта или посредством трудового контракта от своего работодателя, или посредством рекрутерской сети в Испании».*

Респондент №3: *«Работаю шофером на крупнотоннажном автомобиле. Работал и в Молдове. Сейчас работаю по двухгодичному контракту в Испании, в Сантандере, в местной транспортной фирме. Сначала было тяжело, потому что здесь, кроме того, мне не платили обещанную зарплату. Но через три месяца ситуация нормализовалась. У меня здесь появились приятели, в первую очередь румыны. Деньги, заработанные в зарубежье, отправлял в Молдову. Жена тратили деньги на содержание семьи, дома. Материальное положение семьи в значительной степени зависит от меня, хотя работает и жена. Сегодня в целом я довлен материлаьным положением своей семьи.*

Работаю шофером на фуре. Мы возим товары из Испании в другие европейские страны. Конечно, я работаю не по специальности. Но здесь, в Молдове я получил водительские права. Думаю, что в социальном статусе я потерял. Но я простой человек и социальный статус меня не очень волнует. Я доволен жизнью, у меня хорошие условия работы и жизни. Меня удивило, что люди здесь простые и что патрон может работать наравне с простыми рабочими, если это необходимо».

Респондент №4: *«Я работаю строителем, моя нынешняя работа не соответствует полученному образованию. Материальное положение улучшилось и оно меня полностью удовлетворяет. В профессиональном статусе потерял, а в социальном выиграл. Условия труда не легкие, но условия жизни гораздо лучше, чем были до выезда».*

4. На интеграцию трудового мигранта в страну приема оказывает непосредственное влияние ***статус пребывания в стране***. От того, легально или нелегально он находится в стране, зависит решение подавляющего большинства проблем, с которыми человек сталкивается в мигрантской жизни. Большинство опрошенных мигрантов находится в Испании легально. В то же время имеются и нелегальные мигранты, как и те, кто сумел изменить свой статус с нелегального на легальный. Представляет интерес их мнение о плюсах и минусах как легального, так и нелегального статуса пребывания в Испании.

Респондент №12: *«До сих пор я нахожусь нелегально в Испании».*

Респондент №9: *«Конечно, существуют существенные различия между легальным и нелегальным трудовым мигрантом, в первую очередь в сфере защиты прав и свободы передвижения. Нелегальный мигрант более подвержен стрессам и социально незащищен. Легальный мигрант обладает привами согласно законодательству об иностранцах, может беспрепятственно вернуться на родину. Не думаю, что выгодно быть нелегальным мигрантом. То, что ты не платишь социальных выплат, не освобождает тебя от проблем, напротив, это лишь увеличивает стрессовое состояние».*

Респондент №4: *«Первое время я был на нелегальном положении, затем при помощи брата и его друзей легализовался. После легализации я почувствовал, что обладаю большим количеством прав и свобод в стране пребывания.*

В первую очередь, среди проблем, с которыми сталкивается трудовой мигрант отметил бы нахождение работы, так как от нее зависит все: и оплата жилья, питания и отдыха. У нелегального трудового мигранта гораздо меньше прав и хуже отношение работодателей и местных жителей. Я сейчас имею вид на жительство в стране моего пребывания и считаю, что у меня здесь больше прав и свобод.

Выгоднее быть нелегалом только в том плане, что не надо платить налоги. Чтобы трансформировать нелегальный статус в легальный надо иметь хорошую работу у порядочного патрона».

5. Адаптация и интеграция иммигранта в значительной степени зависит от сознания наличия и функциональности его ***правовой и социальной защиты*** в стране пребывания. Наиболее зримо проблемы правовой и социальной защиты трудовой мигрант воспринимает на уровне оплаты его труда и труда местного жителя, возможности и реальности защищать свои права в государственных структурах, суде страны пребывания.

Респондент №3: *«Спрашиваете, если за одну и ту же работу трудовой мигрант получает меньше чем гражданин страны приема? Да есть такие ситуации. И у нас на фирме, к примеру, испанец получает больше чем мы, потому что мы являемся иностранцами и платим друге налоги. Нам так объяснили. Был у нас случай, когда одному румыну не выплатили всю зарплату. И он обратился в суд. Профсоюзы помогли ему и патрон выплатил ему все и даже больше.*

В отношении прав человека. Не знаю таких ситуаций, чтобы трудовой мигрант защищал свои попранные права в судебных инстанциях. Очень трудно судиться с ними, особенно если иностранец, не очень знаешь их законы и язык».

Респондент №3: *«Находясь в Испании ощущаю определенное различие в правах по сравнению с Молдовой. Ка бы ни было хорошо, но здесь в Испании я иностранец и у меня другие права, в молдове же по-другому: больше знаешь, но права практически на соблюдаются».*

Респондент №11: *«Когда я приехала в Италию я была нелегалом, потом дети старушки сделали мне легализацию на два года. После этого в 2006 году я поехала в Испанию и там надо было снова делать легальные документы. Не знаю, где лучше защищены мои права - в Италии / Испании или в Республике Молдова. Но, думаю, что лучше они защищены в зарубежье, чем в Молдове.*

Да, это правда, что трудовой мигрант получает значительно меньше, чем гражданин страны назначения, к примеру, тебе могут не заплатить всей зарплаты. Как случилось с моей двоюродной сестрой Анной, которая работала домработницей у одного испанца. Ей первые месяцы ничего не платили, пообещав сделать легализацию.

Больше всего проблем у мигранта тогда, когда он делает документы для легализации. У нелегала меньше шансов устроиться на работу, свободно передвигаться. Неправда, что нелегал получает больше легального мигранта. На собственном опыте знаю, что такое быть нелегалом: - никуда не можешь пойти и очень зависим от других. Самое хорошее это сделать себе трудовой контракт».

Респондент №12: *«Я сам был в такой ситуации, когда трудовой мигрант получал меньше, чем гражданин страны. Когда меня звали устанавливать уличную рекламу, мне платили меньше, чем испанцам. Им давали 80 евро за день, а мне - только 55-60.*

Трудовой мигрант больше всего сталкивается с проблемой трудоустройства и документации, когда надо обновлять легализацию. Если сравнивать ситуацию легального и нелегального мигранта: в первую очередь у нелегала нет постоянного и стабильного места работы, ему трудней снять квартиру, ему меньше платят. Не очень выгодно быть нелегалом. Да, не платишь налоги, но тебя в любой момент могут поймать и депортировать. Есть немало возможностей легализации: получить трудовой контракт, жениться на испанке, или воспользоваться законом о легализации нелегальных мигрантов. Вот бы быстрее появился.

Защита прав в суде – лучше не попадать перед лицом закона, потому что в Испании суд может длиться долгое время и нужны деньги, чтобы оплатить услуги адвоката».

Респондент №9: *«Я чувствовала себя более защищенной в чужой стране, где власти страны действительно работают во благо населения, здесь же, в Молдове уже прямо на въезде в страну я почувствовала превосходство работников таможни, границы / полиции. Если же говорить о других мигрантах в первую очередь тех, кто находится нелегально в Испании. Их права нарушаются. Особенно тех мигрантов, у кого нет документов, уто не защищен и часто эксплуатируется работодателем. Как, например, было на предприятии TRANSECU (Испания), где от шоферов-мигрантов требовали работать больше часов, чем положено. Однако, самой большой проблемой для легального мигранта в Испании является проблема документов, их продления.*

Почти ничего не знаю о ситуациях, когда трудовой мигрант защищает свои ущемленные права в судебных инстанциях. Чаще всего их права защищают профсоюзы, представители инспекции по охране труда, поли-

ция. Чаще всего можно найти пристанище и помощь в церкви, в приютах, в неправительственных организациях, выступающих за интеграцию мигрантов, или в полиции».

Эксперт №1: *«В настоящее время создано новое управление по проведению миграционной политики правительства Испании, которое называется Управление по возвращению эмигрантов (Direccion de Retorno de los Imigrantes), которое занимается не депортацией иммигрантов, а а возвращением налогов, выплаченных испанскому государству, взамен возвращению документов, которые были выданы иностранцам. В настоящее время молдавские трудовые мигранты, в отличие от латиноамериканцев, не очень пользуются такой возможностью, предоставляемой испанским государством. Согласно последним статистическим данным Службы социальной помощи (Seguridad Social) растет число безработных иностранцев, которые получают пособие по безработице. Согласно информации, предоставленной Службой социальной помощи, на получение такого пособия записываются и молдавские трудовые мигранты. Их количество невелико по сравнению с представителями других государств и составляет 0.87%».*

6. В то же время свою правовую и социальную защиту молдавские трудовые мигранты увязывают с возможностью свободного передвижения, въезда в Испанию, проводимой ***иммиграционной политикой***. Они отмечают ужесточение, сложности в оформлении въездной визы. Возможно, что эти проблемы связаны с современным экономическим и финансовым кризисом, необходимостью защиты испанских граждан на рынке труда.

Респондент №9: *«Я оценила бы испанскую миграционную политику как консервативную, закрытую, особенно в отношении мигрантов из Восточной Европы. Тем не менее созданы механизмы приема мигрантов и их интеграции. Чаще всего мигранты легализуются посредством решений, которые принимает правительство в отношении нелегальных мигрантов или посредством заявок на трудоустройство, предоставляемых работодателями».*

Респондент №11: *«Сейчас трудно иммигрировать, очень трудно открывают визы и оформляют документы».*

Респондент №3: *«В последнее время иммиграционная политика Испании стала жесткой. Не очень принимают иностранцев, трудно оформляют документы».*

Респондент №12: *«Сегодня Испания проводит закрытую политику в отношении миграции, пытается отправить нас домой».*

Эксперт №1: *«Но и проблема сейчас - многим в визе отказывают».*

7. Важную роль в процессе интеграции трудового мигранта играют ***отношения с работодателем (патроном), коллегами по работе и местным населением, представителями органов власти*** (полицией и др.). Отметим, что в целом респонденты положительно оценивают свои отношения с местными жителями, работодателем и коллегами по работе, представителями власти, отмечая при этом определенную, немолдавскую специфику.

Респондент №4: *«Высокая требовательность патрона немного затрудняет отношения, а с местным населением больших проблем нет. Среди моих коллег есть как местные, так и мигранты».*

Респондент №12: *«Сущестует много организаций, которые оказывают помощь мигранту. Однако, если есть какие-то проблемы, лучше всего обратиться в полицию. Зависит от того, что это за проблема.*

Я удовлетворен отношениями с патроном, местным населением. С работодателем отношения хорошие. Люди здесь открытые, но иногда проявляют расизм, потому что говорят только на каталанском. Работаю с испанцами, иногда с датиноамериканцами. Но чаще всего работаю с местными».

Респондент №8: *«Через три месяца одна семья наняла меня в качетве домработницы, у них было трое детей. Их внимание ко мне было видно с самого начала, хотя честно говоря, я их не очень понимала. Они проявили терпение и понимание. Они были чудесными людьми.*

Понемногу я стала говорить по-испански и в свободное время часто беседовала с хозяйкой. Она была настоящей матерью, хотя и эмансипированной женщиной. Она сама заботилась и воспитывала детей. Это была очень состоятельная семья. У них были два салона свадебных и выходных платьев. Один - в столице Испании, Мадриде. Другой – Сантандере, городе, где они жили. У них был очень красивый дом, с очень необычным фасадом. Я занималась кухней и наведением порядка.

Прошло два года и семья увеличилась до шести человек: я стала членом семьи. Часто они выезжали на различного рода мероприятия, со временем они стали брать с собой и меня.

Часто я думала о том, чтобы вернуться домой, мне было очень тяжело без детей. Но эти чудесные люди помогли мне уладить все формальности и привезти своих детей в Испанию. Мы оба стали работать, несколько позже сняли квартиру. Моя семья и семья моих хозяев стали неразлучными».

Респондент №5: *«Хозяин очень хороший человек. Он богат, но простой в общении, не строгий. Я работаю у него уже 7 месяцев. Ему было выгодно меня взять на работу, потому что он платит мне меньше (зарплата – 800 евро). Я живу у него, за его счет. За питание он вычитает из*

моей зарплаты. Деньги я высылаю семье. Их достаточно, чтобы покрыть необходимые расходы. В анстоящее время учу испанский язык, потому что патрон предложил мне устроиться продавцом в одном из его магазинов. И тогда я смогу больше зарабатывать и привезти свою семью. Мне повезло с работодателем, который понял меня и даже предложил помочь с квартирой для моей семьи. Моя жена начала изучать испанский язык. Потому что он пообещал устроить ее на работу у своих знакомых в качестве кухарки».

Респондент №9: *«Несомненно, что очень важно, чтобы кто-то был рядом, когда ты находишься вдалеке от дома. Мне оказали помощь профессора из университета, особенно мой профессор... Всегда получала хорошую помощь от властей, возможно потому что я нахоилась в Испании легально. Мне помогали мои коллеги и профессора из докторантуры, часто это была взаимопомощь. Чаще всего общаюсь с коллегами из докторантуры, другими знакомыми».*

8. Большую роль в социальной адаптации и интеграции трудовых мигрантов играют ***институты гражданского общества. И особенно католическая церковь*** Испании. Ее позитивную роль в социально-психологическом самочувствии отмечают все мигранты, независимо от наличия личной религиозности трудового мигранта.

Респондент №11: *«Да, можно найти за границей защиту в церкви. Если тебе негде ночевать, можешь пойти в церковь или «Красный крест». Там тебе предоставят ночлег, приют на несколько дней, накормят».*

Респондент №3: *«В то же время хочу отметить, что можно найти защиту в церкви. У них есть много орагнизаций, которые оказывают помощь иностранцам, особенно марроканцам, арабам. В случае необходимости лучше всего обратиться в церквоь или «Красный крест», Гражданскую гвардию.*

К криминальным структурам не рекомендовал бы обращаться. У меня нет личного опыта сотрудничества с криминальным миром, но уверен, что даром они тебе не помогут. За эту помощь предется чем-то отплатить».

6. Общение с родиной.

Важную роль в адаптации трудового мигранта в зарубежье и в то же время в сохранении его духовного, социально-психологического здоровья играет общение с родиной, во всем многообразии его проявлений.

Во-первых, общение с родными, находящимися далеко, в Республике Молдова. Основными каналами общения выступают мобильный телефон или интернет. В то же время одним из важных инструментов снятия нос-

тальгии выступают поездки на родину, в основном в период рождественских или пасхальных праздников. Естественно, что это не распространяется на нелегальных трудовых мигрантов.

Респондент №9: *«Когда ты далеко от дома чувствуешь необходимость духовной поддержки. Меня в этом плане всегда поддерживала моя семья. Чаще всего я общалась с родными по телефону или через интернет».*

Респондент №4: *«Со своими родителями я поддерживаю отношения по телефону. Мы приглашали уже не раз родителей к себе, но из-за неважного здоровья, они отказываются. Когда бывает особенно тяжело ностальгия дает о себе знать. Чтобы ее заглушить я звоню своим родителям».*

Респондент №10: *«Прошел год и я очень соскучился по семье, по родным, по дому, по Родине... И я решил поехать домой. я поговорил об этом с хозяином. Он разрешил и пообещал сделать вызов через два месяца.*

Приехав на Родину, мне стало легче на душе, отпустило... Я почувствовал себя полноценным человеком. Я с каждым мог поговорить, услышать родной язык. Обнять родных, подлечиться и просто пожить в человеческих условиях. Два месяца протекли словно одна неделя. Нужно было возвращаться в чужую страну, чтобы обеспечить дальнейшую учебу своих детей, их будущее».

Во-вторых, общение с родиной материализуется и путем получения и передачи посылок, денег родным. В этой помощи люди видят реальный результат своего успешного и позитивного пребывания в Испании. Однако, эта форма контактов с родиной несет и другую положительную эмоциональную нагрузку, выступает поводом и средством общения, установления контактов со своими соотечественниками за рубежом.

Респондент №12: *«Здесь, в конце каждой недели собирается народ, чтобы получить посылку из дома. Чаще всего это место, куда приезжают международные маршрутки».*

Эксперт №1: *«Практически каждый мигрант имеет кого-то из родных дома: родители, сестры, братья, дедушки-бабушки, которым посылаются посылки, деньги и т.д. Из практики известно, что большинство отправляет деньги в посылках посредством международных маршрутных такси, которые имеют пункты сбора в различных регионах. Так например, в Мадриде, местом сбора является станция метро Алуче (Aluche). Сюда же приезжают и люди из близлежащих городов (с субботы до воскресенья, после полудня). Такие же точки имеются в Малаге, Севилье, Валенсии, Барселоне, Сантандере. Это канал более дешевой пересылки на родину денег и посылок. Согласно данным Банка Испании рекорд был зафиксирован в 2006 году, когда из Испании в Молдову было переведено пос-*

редством банковских услуг более 5 млн. евро Dupa. Рост составил 34,7% по отношению к предыдущему году, писала газета «El Pais».

Отметим, что этот канал общения с родиной широко востребован во многих странах, где находятся молдавские (и не только молдавские) трудовые мигранты. Вокруг него складывается инфраструктура миграции, в первую очередь транспортная, торговая (магазины, торгующие национальными продуктами питания и алкоголя), и, как показывает практика, особенно первых лет миграции, криминальная инфраструктура, связанная с рэкетом трудовых мигрантов.

Респондент №1: *«Во-первых, я не трудовой мигрант в полном смысле этого слова. Я мигнрант коммерческий. Отправляюсь на 2-3 недели, потом возвращаюсь. Я отправляюсь легально, потому что у меня есть румынский паспорт и больших проблем на границе у меня нет. Когда начинал это бизнес, конечно было очень тяжело. Мне был необходим целый пакет документов (нужных и не очень) чтобы начать бизнес. Наше государство, к сожалению, создает целый ряд препятствий для хозяев международных маршрутных такси. На мой взгляд, это негативный аспект миграционной политики страны. У меня в Испании есть друзья, которые помогли мне, выяснили, что необходимо для открытия такого бизнеса. Хочу вам сказать, что и в международных перевозках все схвачено определенными людьми, которые чинили мне препоны и нанесли существенный урон в первых, «испытательных» поездках.*

Недавно я получил статус легального резидента в Испании. Официально я работник одной из фирм, которая имеет соглашение с испанскими партнерами. В действительности же я работаю на себя. Я вожу пассажиров и посылки из Молдовы в Испанию и обратно. Если хочешь заработать деньги легально, то это практически невозможно. А особенности. Это касается деклараций, с которыми всречаемся на границе. У меня нет льгот по медицинской страховке и не могу их получить. Сейчас снимаю квартиру с еще тремя людьми, такими же как и я шоферами. Работаем за свой счет и это достаточно дорого.

Конечно, имеем неприятные конфликты с местным населением, одной из проблем остается знание языка. Население к нам безразлично, а полиция смотрит неуважительно, жалостливо. Нас считают бедными и слабыми.

В будущем хотел бы иметь еще одно маршрутное такси и выставить его на маршрут. Очень трудно зарабатывать свой «кусок хлеба». Пытаюсь продвинуться в этом бизнесе и надеюсь, что государство осуществит определенные изменения в миграционной политике и не будет вмешиваться в национальную экономику. Хотелось бы, чтобы и экономическая

полиция не очень влезала во внутренние дела международной торговли Республики Молдова.

Мграция в нашей стране должна быть поддержана, это эффективный путь развития страны».

В-третьих, снятию ностальгии, стресса за пределами родины, решению многих животрепещущих и важных для трудового мигранта вопросов в сфере поиска работы, квартиры, получения совета, установления новых межличностных контактов помогают активно складывающиеся молдавские сообщества за рубежом, формирующаяся молдавская диаспора.

Практика показывает, что не всегда молдавские трудовые мигрантки, которые вышли замуж за испанских граждан, поддерживают контакты со своими соотечественниками. Причина, видимо, заключается в том, что молдавские трудовые мигранты нередко используют контакты со своими соотечествениками, вышедшими замуж за испанских граждан «с интересом», ища помощи при решении своих проблем.

Респондент №8: *«Когда я отправилась в Испанию, кроме названия я ничего не знала об этой стране. Сначала мне было очень трудно без знания языка. Жила я вместе с молдаванами, которые приехали в Испании раньше».*

Респондент №11: *«Сейчас не поддерживаю отношений, потому что живу с мужем (испанцем) и не очень общаюсь с молдаванами».*

Респондент №3: *«Конечно, есть молдаване, которые купили здесь дома, привезли детей, однако, я не поддерживаю с ними отношений. Да и те, кто стал постоянным жителем Сантандера, живут другим ритмом, у них другой круг общения, по сравнению с теми, кто здесь работает временный».*

Респондент №9: *«Отмечу, что эти контакты с представителями молдавской диаспоры, которые выехали из страны и легально живут за границей, несут и определенный «интерес» для мигранта: где остановиться по прибытии или где найти более высоко оплачиваемое место работы. Несомненно, что иногда помогают друг другу советом. Например, если есть проблемы, то куда обратиться...».*

Отметим, что в Испании процесс формирования молдавских сообществ, их институционализации в форме этнокультурных ассоциаций еще не получил столь массового проявления, как скажем в Италии. Поэтому молдаване чаще всего примыкают, в силу лингвистической флексибильности к румынскому или русскоязычному (из бывшего СССР) сообществам.

В то же время молдавские этнокультурные общества Португалии (в частности, Молдавский культурный центр «Centro de cultura moldavo») предпринимают попытки объединить молдавских трудовых мигрантов, создавая филиалы своей ассоциации в Испании. Пока эти попытки не имеют

успеха. Одна из причин этого заключается в том, что молдавские трудовые мигранты в Испании хотят сохранить свою самостоятельность и автономию по отнощению к молдавским мигрантам в Португалии и их ассоциациям.

Респондент №3: *«Ничего не знаю об их деятельности. Ничего не слышал о существовании этнокультурных организаций молдавских трудовых мигрантов в Испании».*

Респондент №4: *«В нашем городке где я нахожусь совсем мало молдован, поэтому об этнокультурных организаций я знаю только понаслышке. В нашем городке легально находятся всего четыре молдавских семьи. Это нельзя назвать диаспорой».*

Респондент №12: *«Ничего не знаю об этнокультурных организациях, даже румынских. Да не очень они помогают».*

Респондент №9: *«Не существует в Испании молдавских этнокультурных организаций, но существуют ассоциации помощи инсотранцам. В Испании есть много румынских ассоциаций, куда приходят и наши, молдавские соотечественники».*

Эксперт №1: *«Самые большие сообщества молдаван имеются в Мадриде, Барселоне, Сантандере, но не очень они объединяются для проведения каких-либо социальных действий. Например. Больше всего рекламируется культура Молдовы во время праздников в Испании, когда коллективы народного танца, певцы участвуют в праздниках. Испанские власти приглашают по просьбе культурных ассоциаций и организаций артистов из Республики Молдова, в первую очередь в Мадрид, Барселону, Валенсию. В то же время действует много социо-культурных организаций, которые помогают иммигрантам интегрироваться в социальную, экономическую и культурную жизнь Испании.*

В принципе основные молдавские сообщества находятся в больших городах, таких как Мадрид, Барселона, Валенсия и др. В силу небольшой численности, они вследствие лингвистической флексибильности (знания румынского или русского языков) часто присоединяются к другим, прежде всего румынским, украинским или русским. В качестве примера можно назвать совместную деятельность молдо-румынской ассоциации „TRAJANO” (в переводе имя императора Траяна), которая продвигает румынскую культуру: празднование «Мэрцишора», Dragobetelor, дня независимости и других национальных и традиционных праздников».

Эксперт 11: *«Одним из направлений деятельности Национального Бюро Республики Молдова является сотрудничество с диаспорой. Молдавское сообщество за рубежом неоднородно. Не только по этническому, социальному, языковому, профессиональному, квалификационно-образовательному составу, социальному и правовому статусу, но и по своим орие-*

нтациям, целям сотрудничества с Молдовой. И на последнем (III) конгрессе четко выявилось это различие.

На постсоветском пространстве, в странах СНГ существующая молдавская диаспора характеризуется давним существованием, наличием гражданства, знанием языка, легальным правовым статусом, высоким социальным статусом, интегрированностью в культуру, обычаи и традиции страны проживания. Они не стремятся вернуться и не вернутся в Молдову. Это касается России, Беларуси, Украины, Киргизии, Казахстана. Аналогичная картина и в Эстонии, Литве, Латвии. Конечно, там также имеются проблемы с гражданством. Однако это единичные случаи. Главная проблема этой даспоры связана с сохранением и возрождением языка, культуры предков. Они стремятся восстановить и установить связи с исторической родиной. В других сферах им особая помощь от нашей страны не нужна.

Проблемы молдавских сообществ, «западной» диаспоры в странах «старого зарубежья» иные. Несомненно, что имеются проблемы, связанные с сохранением национальной, этнической и лингвистической идентичности, общие и для «восточной» диаспоры. Суть в том, что основная масса молдавских сообществ формируется в результате трудовой миграции, начавшейся в середине 90-х годов XX века. Люди ехали на заработки. У многих нелегальный статус. Отсутствуют правовые и социальные гарантии, они не защищены перед произволом и рисками, связанными с нелегальным пребыванием в чужой стране.

Для них главные проблемы и, соответственно, запросы и сотрудничество с Республикой Молдова акцентируется на помощи со стороны Молдовы в содействии легализации в странах пребывания, их правовой и социальной защиты, признании дипломов и т.д. Чего Молдова часто не может сделать по независящим от нее причинам. Молдова предпринимает определенные усилия по содействию в решении этих вопросов. Однако это зависит не только и не столько от нее, сколько от государств приема наших мигрантов, которые исходя из своих интересов, ситуации на рынке труда проводят соответствующую миграционную политику.

В среде диаспоры, молдавских сообществ за рубежом сегодня наблюдается и другая тенденция – стремление к самоорганизации, установлению контактов между молдавскими гражданами, выходцами из Молдовы, находящимися за рубежом как на уровне населенных пунктов, в которых они живут и работают, так и на уровне регионов, страны в целом, так и на уровне международном, сотрудничестве этнокультурных сообществ.

Это характерно для многих стран. Однако в первую очередь хотелось бы отметить Италию, Португалию, гду существует масса небольших,

буквально на уровне небольших (несколько человек) групп. Во многих населенных пунктах, начиная от сел, малых городков и кончая столицами государств, в которых имееются многочисленные группы молдавских трудовых мигрантов. Следует отметить, что в Италии и Португалии вопрос консолидации усилий молдавской диаспоры по защите интересов своих представителей идет уже на национальном уровне.

Однако этот процесс, к сожалению, имеет место еще не везде. В Испании, например, где также имеются молдавские градаждане, трудовые мигранты процесс организации еще не очень виден. В то же время хотелось бы отметить, попытки соорганизовать молдаван в Испании предпринимает молдавский культурный центр в Португалии, пытаясь создать свои филиалы в Испании. Это объясняется тем, что многие молдавские граждане, работавшие ранее в Португалии на стройках стадионов, отелей к чемпионату Европы по футболу, оказались после чемпионата без работы, стали перезжать на работу, работать вахтовым методом на стройках в Испании.

Насколько будет реальной эта инициатива Молдавского культурного центра Португалии покажет время. Однако, следует подчеркнуть, что наблюдается, является основной тенденция объединения, соорганизации не по вертикали, а по горизонтали, на правах равноправия и паритета всех ассоциаций, независимо от численности, времени их существования, социального статуса их членов и т.д.

Одна из наиболее острых проблем, на которую обращают внимание представители молдавской диаспоры как из государств СНГ, так и из стран старого зарубежья, это информационное обеспечение. Люди жалуются на то, что они очень мало знают о жизни Молдовы, с которой они не хотят терять связи. С целью лучшего ознакомления делегатов третьего конгресса о жизни Молдовы, решения проблем молдавских граждан, находящихся за рубежом, мы организовали, согласовав эти вопросы с руководством страны, встречи делегатов конгресса с руководством министерств и ведомств Республики Молдова.

Однако, полагаем, что решение проблемы связано во многом с сотрудничеством с молдавской диаспорой. Сотрудничеством государства с диаспорой, содействием ее развитию и существованию.

Молдавское государство еще в 2003 году устами президента В.Воронина заявило, что оно будет открывать свои посольства в первую очередь в тех странах, в которых массово представлены молдавские граждане, трудовые мигранты. Во-вторых, на принципах паритета, формируя тем самым механизм взаимодействия государственными структурами с как в своей стране, так и в стране пребывания трудовых мигрантов. Диаспора, молавские сообщества за рубежом выступили реальным мостом

для налаживание межгосударственных связей, отработки путей и методов сотрудничества. В этом плане следует отметить, что только в 2008 году были открыты посольство Италии в Молдове, консульства в Болонье (Италия), Стамбуле (Турция), Одессе (Украина).

Расширение сети дипломатических и консульских служб Республики Молдова способствует консолидации молдавских сообществ за рубежом, установлению их более тесных связей с родиной, преодолению информационного голода людей, мигрантов, диаспоры. Структуры Министерства иностранных дел и европейской интеграции Республики Молдова стали более действенно и адресно осуществлять задачи информирования молдавских граждан, находящихся за рубежом.

Кроме этого определенную лепту в информирование людей вносят молдавское международное телерадиовещание ("TV Moldova international", "Radio Moldova international"), сайты «www.diaspora.md» и «www.migratie.md». Нареканий на их работу много как в плане технических возможностей, так и качества программ, их оперативности и т.д.

Повышение эффективности работы с диаспорой во многом зависит от качества менеджемента. У нас работой с диаспорой занимается, является основным актором Национальное Бюро межэтнических связей. Есть в этом определенная логика. Однако практика многих стран свидетельствует, что целесообразнее эту прерогативу отдать Министерству иностранных дел и европейской интеграции, у которого имеются прямые и непосредственные каналы сотрудничества как с диаспорой, так и с государственными структурами государств, в которых имеется молдавская диаспора или этнокультурные сообщества молдавских граждан.

И еще, на мой взгляд, очень важный компонент государственного менеджемента работы с диаспорой, который достаточно эффективно показывает себя во многих странах. Это создание специальных общественно-государственных фондов, с государственным и частным финансированием, которые бы содействовали метериально-финансовому обеспечению различного рода проектов и программ сотрудничества с диаспорой».

В-четвертых, общение с Молдовой осуществляется при помощи официальных представительств за рубежом (посольство, консульство), которые призваны работать не только с органами власти страны пребывания, но и оказывать информационную и иную помощь и содействие молдавским гражданам, находящимся в Испании. К сожалению, в Испании Республика Молдова не имеет посольства и консульства. Посольство и консульство расположены в Лиссабоне, Португалия. Консульские услуги молдавским гражданам оказываются по определенным дням в Мадриде. Это ограничивает возможности полноценного сотрудничества с молдавскими гра-

жданами в Королевстве Испания. Практика показывает, что в отличие от Италии молдавские граждане в Испании редко обращаются в дипломатические представительства Республики Молдова. Чаще всего по вопросам продления или утраты паспорта. В то время как в Италии спектр услуг, оказываемых молдавским иммигрантам консульствами Республики Молдова более широк.

Респондент №4: *«На моей практике этого не было, но я думаю, что стоит обратиться туда (консульские и дипломатические учреждения Республики Молдова) при возникновении неразрешимых проблем».*

Респондент №12: *«Не поддерживаю отношений с посольством или консульством Молдовы. Было бы хорошо, если бы открыли посольство в Испании, чтобы помочь молдаванам, которые находятся здесь».*

Респондент №11: *«Я обращалась в консульские структуры Республики Молдова, когда истек мой паспорт и в консульстве Молдовы в Риме мне выдали «белый» паспорт, с которым я смогда вернуться домой, в Молдову».*

В-пятых, деятельность православной церкви, молдавских священников в Испании. В силу немногочисленности и рассосредоточенности верующих молдавских приходов в Испании, в отличии от Италии, нет. Верующие получают духовно-нравственную поддержку в храмах Русской или Румынской православных церквей.

Молдавская митрополия, входящая в состав Русской православной церкви стремится направить при помощи отдела внешних сношений Русской православной церкви своих священников, способных вести проповедь на молдавском (румынском) или русском языках, на работу в зарубежье, где имеется значительное число молдавских прихожан. Этим она отличается от Бессарабской митрополии Румынской православной церкви, находящейся в Республике Молдова, которая не отправляет своих священников за рубеж. Правда, молдавским трудовым мигрантам в Испании в этом плане меньше повезло. Концентрация молдавских трудовых мигрантов, их численность значительно уступает Италии.

Респондент №12: *«Мы посещаем русскую церковь здесь, в Барселоне. Посещаем в основном на большие праздники, например, на Пасху. Церковь организует бесплатные обеды. Крмое того, помогает найти работу. Священник знает своих прихожан, в том числе и испанцев и спрашивает, если у них есть работа для обездоленных».*

Эксперт 1: *«Православных церквей в Испании мало. Те же, что существуют, принадлежат румынскому или русскому патриархату. Они находятся в больших городах, таких как Мадрид, Барселона, Валенсия и др.)».*

В-шестых, в сохранении связи с родиной важна роль молдавского международного радио и телевидение. К сожалению, основная масса молдав-

ских трудовых мигрантов в Испании, как и в других странах ничего не знает о наличии и деятельности таковых. Причин этому несколько: они относительно недавно начали свое вещание, имеются проблемы с их включением в международную телевещательную сеть. Кроме того, трудовой мигрант является достаточно специфическим потребителем теле/радионовостей.

Респондент №3: *«У меня нет времени смотреть телевизор и ничего не знаю о молдавском международном радио и ТВ. Больше узнаем о том, что происходит в Молдове когда звоним домой или когда кто-то приезжает из дома».*

Респондент №12: *«У нас нет молдавских телеканалов. Больше российских или румынских международных».*

Респондент №9: *«За границей сильнее чувствуешь тоску по дому, особенно во время праздников. Тебе хочется чего-то вкусненького, домашнего, увидеться с друзьями, приятелями. С помощью масс-медиа можно попытаться быть ближе к дому. Этого можно достичь благодаря каналам ТВ, радио на родном языке, покупая прессу, CD, кассеты с музыкой, даже еду, которая продается в специализированных магазинах для мигрантов, которые живут там.*

Я не видела ни одной передачи международных молдавских телерадиоканалов. В моем случае скажу, что они помогают. Чаще всего информацию о Молдове получаю через интернет, с молдавских сайтов».

7. Возвращение на родину.

Возвращение на родину трудовых мигрантов – это серьезная проблема, волнующая как представителей стран приема, так и стран выезда, стран-«доноров». Причин этого интереса немало. Для стран выезда актуальность возвращения диктуется многими причинами: это бесценный демографический потенциал страны (средний возраст мигрантов – 35-36 лет, более 40% - молодые люди); это люди, умеющие рисковать и надеяться на себя, сделавшие себя сами в чужой и первоначально неблагоприятной среде (self-making people); это новый социо-культурный, демократический, профессиональный и лингвистический слой страны; это люди, заработавшие деньги и способные их вложить в развитие экономики и социальной сферы. Разве это не нужно современной Молдове?

Во-первых, отношение к миграции. Многочисленные беседы и интервью с мигрантами, в том числе и в Испании и Италии, показали, что никто не пожалел, что выехал на заработки в зарубежье. Миграция дала людям материальное благосостояние, уверенность в себе.

Респондент №11: *«Я довольна, купила себе квартиру в районе Телецентра, хочу продолжить учебу. Что еще выиграла в результате миграции – сейчас я себя чувствую более уверенной».*

Респондент №4: *«Ожидания от работы за границей оправдались. Материальное положение улучшилось и оно меня полностью удовлетворяет. В профессиональном статусе потерял, а в социальном выиграл».*

Во-вторых, миграция дала новое видение мира, помогла лучше увидеть себя, свою страну, познать ее, сравнить с другими странами, страной приема.

Респондент №9: *«Благодаря выезду за рубеж, я была вынуждена лучше узнать историю и исторические места Молдовы, чтобы суметь рассказать о своей стране».*

Респондент №3: *«Сравнивая Молдову и Испанию, скажу что в Испании чувствуешь себя свободнее, никто тебе не скажет ни слова, только если нарушаешь закон. Но в Молдове все-таки чувствую себя лучше, потому что лучше знаю жизнь здесь.*

Работая в Испании, я многое повидал и это позволило мне изменить свои взгляды о нашей жизни в Молдове. Сейчас на некоторые вещи смотрю по-другому. Я хорошо знаю Молдову, потому что здесь родилсяЭ здесь живу, теперь, повидав другие страны, могу сравнивать как у них и как у нас. Меня шокирует, что у нас столь велика разница между богатыми и бедными, что все люди так много тратят на питание...».

Респондент №11: *«Меня ничего не удивляет в Молдове. Я себя чувствую лучше, увереннее экономически по сравнению со временем до выезда. Мои отношения с родными улучшились. После выезда за границу я смогла помочь своим братьям.*

Я хорошо знаю Молдову. Когда мой муж (испанец) приехал, я должна была провести экскурсию по Молдове, показать ему наши места, рестораны. Тем самым, и я лучше узнала страну».

В-третьих, желание вернуться в Молдову, здесь жить и работать. К сожалению, основная масса респондентов (за редким исключением) не желает возвращаться в Молдову на постоянное местожительство. И это аргументирует вполне рационально.

Респондент №6: *«Пройдя через все эти препятствия, мне удалось заработать кругленькую сумму денег и инвестировать в строительные материалы и отправлять их в Молдову с целью на этом заработать. Мне показалось, что это хорошая идея и ее реализация принесет мне прибыль дома, в Молдове... Мой патрон меня поддержал и помог преодолеть все трудности на этом пути. Он мне сделал легальные документы для Испании. Это дало мне возможность вернуться домой и увидеть свою семью.*

Открыв свой маленький бизнес в Калараше, я начал ездит ьв Испанию несколько раз в год, покупать там предметы для домашнего пользования и продавать их по выгодной цене. Так я выкарабкался из тяжелой финансовой ситуации».

Респондент №11: *«Мое будущее в Испании, рядом с моим мужем. Мои планы изменились. На первом плане у меня теперь моя семья. Я вышла замуж за испанца и мы решили остаться жить в Испании. Не хочу вернуться в Молдову. Не хочу работать в Молдове, иметь здесь бизнес. Потому что здесь большая коррупция».*

Респондент №4: *«Извините, но на родину я вряд ли вернусь. Приезжая на родину, я чувствую себя гораздо свободней и увереннней. Сейчас я не совсем уверен, что я знаю хорошо нынешнюю Молдову. За десять лет могло многое измениться. Когда приезжаю, то встречаюсь только с родителями и иногда с друзьями детства.*

Выехав за границу, я считаю, что достиг своей цели. Я надеюсь, что я и мои дети не пройдут через те трудности, что мне пришлось пройти. Я хочу обеспечить себе спокойную старость. В ближайшее время я должен получить гражданство Испании и тогда многие мои и детей проблемы будут решаться в совершенно другой плоскости.

Не хочу вернуться домой и жить и работать в Молдове. Полная демократия как в Европе и соответствующий уровень жизни. Только в этом случае можно говорить о возвращении в Молдову».

Респондент №5: *«У меня в планах на будущий год перевезти свою семью в Испанию, начать здесь новую жизнь. Очень тяжело находиться вдали от семьи. Потому что со временем появляется отчуждение в семье. Но тем не менее, я рад, что мне удалось обеспечить будущее для своих детей и надеюсь, что когда мы будем снова вместе, мы сможем вернуть душевную семейную атмосферу».*

Респондент №2: *«В Молдову не хочу вернуться. На праздники, повидать родителей – да. Кстати, я стремлюсь каждый год приехать в Республику Молдова, повидать своих родителей, родственников. друзей».*

Респондент №8: *«я приехала в страну на пасхальные праздники и с нетерпением жду возвращения в Испанию, потому что там я чувствую, что живу».*

Респондент №3: *«Пока что не хочу остаться в Испании, хочу чтобы моя семья могла меня посетить, отдохнуть здесь. Меня останавливает то, что в Молдове нам не платят также хорошо как здесь, в Испании. Если бы у меня была такая зарплата как в Испании, я бы без проблем работал дома. И еще. Для того, чтобы мы вернулись, в Молдове должны бороться с коррупцией на всех уровнях, хорошо платить людям, сделать, чтобы я смог свобоно выезжать за границу, чтобы нас тут не закрыва-*

ли. Для того, чтобы открыть здесь дело, нужны деньги и связи. Пока что не думаю о бизнесе в Молдове».

Эксперт №4: *«Наш Центр проводил социологическое исследование по проблемам миграции в сельской местности (июль-ноябрь 2008 года). Мы спрашивали респондентов, как мигрантов, так и членов семей мигрантов, при каком заработке люди остались бы дома, не поехали на заработки за рубеж и мигрант вернулся бы работать домой. Люди (члены семей мигранта) говорят о том, что если был доход в размере 500-600 долларов, то потенциальный мигрант остался бы работать дома. Сами мигранты утверждают, что они бы вернулись домой, если бы им обеспечили заработок в 700-800 долларов».*

В-четвертых, трудовые мигранты не безразличны к судьбе Молдовы. Даже говоря, что они не вернутся, они оговаривают иные варианты, обуславливая их определенными требованиями к молдавским властям, высказывая советы и рекомендации правительству.

Респондент №12: *«Быть более открытой европейской интеграции и продвигать имидж нашей страны».*

Респондент №9: *«Чтобы осуществлялась политика или кампания по более полному информированию о миграции как в масс-медиа, так и в государственных институтах, чтобы был более широкий доступ наших граждан к консульским услугам в нашей стране и в Румынии.*

Для того, чтобы люди не уезжали из страны, думаю, что правительство, власть должна служить народу, гражданину как в европейских государствах, должнв проводиться либеральные политики в экономической сфере и, конечно, социальная безопасность для каждого гражданина независимо от его социального статуса. И в первую очередь, борьба с коррупцией в органах юстиции и права.

Власти должны больше заботиться о своих гражданах, оказывать им большую помощь в разрешении проблем, с которыми сталкиваются наши молдаване. Когда они возвращаются в страну, чтобы их не рассматривали как источник обогащения чиновников, которые требуют от них взятки за предоставление тех или иных документов и т.д. в первую очередь, борьба с коррупцией, помощь для мигрантов, которые приезжают в страну, помощь в осуществлении инвестиций и поддержка бизнеса мигрантов».

Респондент №3: *«Если наша страна хочет, чтобы мы не уезжали за границу, в первую очередь, должна платить нормальные зарплаты, достаточные для жизни, чтобы не было коррупции и родственних отношений («куматризм» и «непотизм»), чтобы в этой стране было больше порядка».*

Респондент №11: *«Что нужно сделать, чтобы мы не уезжали за рубеж? Чтобы у меня была нормальная и хорошо оплачиваемая работа, чтобы не было везде коррупции. Правительство Молдовы должно больше делать для простых людей, а не для богатых, у которых есть деньги».*

Респондент №4: *«Чтобы люди не уезжали из Молдовы нужны большие зарплаты и хороший сервис обслуживания во всех сферах деятельности общества».*

Респондент №12: *«Чтобы платились большие зарплаты, чтобы не было коррупции, особенно тогда, когда хочешь открыть собственное дело».*

В-пятых, рекомендации потенциальным мигрантам.

Респондент №4: *«Что бы бы я порекомендовал начинающим мигрантам? Быть более открытыми и общительными с местным населением. Говорю это, исходя из собственного десятилетнего неплохого опыта общения. Рекомендовал бы обучаться строительным профессиям на родине и иностранным языкам».*

Респондент №12: *«Я порекомендовала бы начинающим мигрантам быть смелыми и не падать духом».*

Респондент №11: *«Знать язык, знать тот вид трудовой деятельности, которой они будут заниматься, иметь трудовой контракт».*

Респондент №3: *«Я посоветовала бы начинающим трудовым мигрантам быть хорошо подготовленными морально и психологически, потому что здесь все равно чувствуешь себя чужим, как бы хорошо ты не зарабатывал».*

Вместо заключения:

Миграция – удивительная вещь. В ней преломляются время, судьбы государств и отдельных людей. Это сколок времени в индивидуальном, человеческом измерении. Кому-то удалось решить все проблемы. Кому-то – частично. Кто-то не сумел, проиграл, потерял все, платя по гамбургскому счету...

Нельзя остаться равнодушным, читая эти искренние и безыскусные мнения и представления трудовых мигрантов. Они вызывают двойственное чувство: каждый раз и радуешься за этих людей, которые сумели переломить и сделать себя в иных, часто недружественных условиях, за их волю, талант; и огорчаешься, испытавая с ними их страдания, мучения, стресс, утрату надежды и веры в себя.

Они выехали за новой жизнью и сделали себя в зарубежье – в Италии, Испании... Плохо ли, хорошо ли, они постарались адаптироваться в новой социально-политической, экономической и культурной среде. Вернутся ли они обратно, на свою родину по рождению или останутся на новой приоб-

ретенной родине? Их анализ и обоснование перспектив возвращения в Молдову Вы прочитали сами. Вернутся ли они реально, не в своих планах? Покажет время... Но и условия возвращения, о которых они говорят, также должны стать реальностью.

Выводов делать не будем. Его сделали сами мигранты. Его, надеемся, сделает правительство, власти Молдовы, которые, думаем, все-таки хотят добра нашей родине, Республике Молдове и ее гражданам, как бы близко или далеко они не находились.

Представляется, что в процессе осознания важности каждого гражданина для страны и страны для каждого гражданина, в понимании и стремлении их двигаться навстречу друг другу, искать оптимальное, очень нужное и стране и ее людям решении есть и наш небольшой вклад.

Р.46 (трудовой мигрант в Италии). *«В конце хочу сказать, что меня радует, что дома кто-то занимается нами, кого-то интересует наша ситуация здесь, пусть даже на уровне статистики… Не знаю почему, но я ответил на ваши вопросы с удовольствием. Я уверен, что этот достаточно долгий период массовой эмиграции останется в истории».*

Респонденты:

Респондент №1 - мужчина, 36 лет, среднее образование, работает в Испании 4 года;

Респондент №2 - женщина, 28 лет, высшее образование, в Испании 5 лет;

Респондент №3 - мужчина, 25 лет, среднее специальное образование, в Испании 2 года;

Респондент №4 - мужчина, 40 лет, высшее образование, в Испании 10 лет;

Респондент №5 - мужчина, 35 лет, высшее образование, в Испании 4 года;

Респондент №6 - мужчина, 35 лет, среднее образование, в Испании 7 лет;

Респондент №7 - женщина, 48 лет, среднее специальное образование, в Испании 8 лет;

Респондент №8 - женщина, 47 лет, среднее специальное образование, в Испании 5 лет;

Респондент №9 - женщина, 29 лет, высшее образование, в Испании 4 года;

Респондент №10 - мужчина, 45 лет, средне-специальное образование, в Испании 2 года;

Респондент №11 - женщина, 24 года, среднее образование, в Италии 3 года и в Испании 2 года;

Респондент №12 - мужчина, 28 лет, высшее образование, в Испании 2 года;

Респондент №13 - женщина, 30 лет, высшее образование, в Испании 3 года;

Респондент №14 - мужчина, 45 лет, высшее образование, в Испании 11 лет.

Эксперты

Эксперт №1 – Маргарита Булова, Молдавский государственный университет, доктор, проживает в Испании

Эксперт №2 – Сергей Саинчук, Министерство экономики и торговли Республики Молдова, заместитель министра

Эксперт №3 – Наталья Владическу, социологическая фирма CBS AXA, социолог

Эксперт №4 – Еуджен Христев, Центр социального и экономического анализа CASE, независимый эксперт

Эксперт №8 – Владимир, Митрополит Кишинева и всея Молдовы, Русская православная церковь (Московский патриархат)

Эксперт №9 – Александр Гребинча, Свободный независимый университет Молдовы, профессор

Эксперт №10 – Ольга Гончарова, Нацинальное бюро межэтнических отношений Республики Молдова, генеральный директор

Эксперт №11 – Татьяна Левандовская, Нацинальное бюро межэтнических отношений Республики Молдова, управления диаспоры, начальник

Эксперт №12 – примар села Дубэсарий Векь, Криулянский район, бывший трудовой мигрантв Испании

Представлен в редакцию
23 сентября 2009 года

Recenzent – **Rodica RUSU**, doctor în ştiinţe politice

NOUA POLITICĂ MIGRAȚIONALĂ A RUSIEI: REPERCUSIUNI ASUPRA POPULAȚIEI REPUBLICII MOLDOVA

Rodica RUSU
Republica Moldova, Chişinău, Academia de Administrare Publică de pe lîngă Preşedintele Republicii Moldova, Catedra Relații Internaționale
Doctor în ştiințe politice, lector superior

At present, the Republic of Moldova faces a very pronounced phenomenon of the labor force migration. But, when analyzed from the historical point of view, a country faces this phenomenon in any shape in its transition phases. Not only the post-socialist countries have experience of labor force migration - for which the process of very intensive labor force emigration was and continues to have place since 1990s.

Currently, the Republic of Moldova is one of the countries mostly affected by the emigration for labor purposes, on a short or long term basis. This phenomenon, with its present features and the series of economic, political and social effects, originates from the dissolution of the Soviet Union. The highest magnitude of the migration is resulted in the number of involved citizens, and as the volume of the remittances (the money sent to the emigrant's country of origin).

The impact of emigration is highly debated from two main perspectives: one from social demographic perspective and another from economic and financial perspective. The first perspective takes into consideration the issues of labor force, family, and the destiny of the emigrants' children. The second one has as central discussion subject the impact of remittances that are the financial resources gained by the emigrants and sent by them to Moldova.

Once the Republic of Moldova as an environment for living, work and investments is appreciated by its own citizens rather negative than positive, it is necessary to approach the issues such an unattractive country faces.

We ascertained a phenomenal change of attitude if compared with the situation in the previous summer with respect to the impact of labor force migration phenomenon over the country in general. there is a unanimity depending on the migration experience. The major increase in the number of migrants definitively returned (as intention) seems to be due only in part to the economic crisis.

Republica Moldova participă activ în cadrul proceselor migraționale internaționale. In mod deosebit cetățenii sunt implicați în migrația de muncă, care reprezintă deplasarea teritorială a populației cu scopul de a munci [10]. La momentul actual, Republica Moldova este una din țările lumii cel mai mult afectată de emigrarea cetățenilor săi peste hotare în scopuri de muncă, fie sezonieră, fie pe

termen mai îndelungat. Fenomenul cu trăsăturile lui actuale a apărut imediat după destrămarea URSS cu toate efectele economice, politice şi sociale care au urmat. Amploarea migraţiei se exprimă atît prin numărul de cetăţeni antrenaţi în proces, cât şi prin volumul remitenţelor (bani remişi de către lucrătorii migranţi spre ţara de origine).

Volumul migraţiei de muncă este impunător, recensămîntul populaţiei Republicii Moldova organizat în octombrie 2004, sondajele sociologice realizate pe un eşantion reprezentativ de către diverse centre sociologice denotă faptul că migraţia de muncă include peste 600.000 persoane, ceea ce constituie practice fiecare al treilea cetăţean al ţării apt de muncă. Din aceste considerente, determinarea atitudinii populaţiei faţă de migraţia internaţională şi migranţi (în special faţă de Rusia, dupa 2007, adoptarea noii politici migraţionale) este deosebit de actuală şi importantă.

În cadrul ţărilor de destinaţie, migranţii de muncă moldoveni sunt concentraţi într-un număr mic de oraşe mari în special în Federaţia Rusă şi ţările Uniunii Europene. Rusia este una din principalele destinaţii - 60% din numărul total de migranţi (Tabelul 1). Se manifestă tendinţa concentrării migranţilor în marile oraşe [11].

Tabelul 1. Oraşe de destinaţie.

№	*oraş*	*Numărul de migranţi*	*Cota din numărul total de migranţi (%)*
1.	Moscova	145,388	51.69
2.	Roma	12,815	4.56
3.	St. Peterburg	9,084	3.23
4.	Istanbul	8,597	3.06
5.	Odessa	7,650	2.72
6.	Lisabona	6,294	2.24
7.	Milano	5.801	2.06
8.	Padova	4,849	1.72
9.	Paris	4,222	1,50
10.	Tiumen	3,893	1,38

Prin urmare, în 10 oraşe ale lumii sunt concentrate ¾ din numărul migranţilor de muncă moldoveni. Cea mai mare parte a emigrării din Moldova pătrunde în foarte puţine direcţii, determinate. Acest fapt contribuie la formarea comunităţilor moldoveneşti peste hotare [6]. Conform datelor Serviciului Migraţional Federal al Rusiei, în această ţară se află 800.000 cetăţeni ai Moldovei [14]. În prezent, fiecare al zecelea migrant de muncă intenţionează să rămînă cu traiul în Rusia, iar fiecare al cincilea – în ţările Uniunii Europene [5].

La 15 ianuarie 2007 în Rusia a intrat în vigoare noua legislaţie imigraţională. Politica Rusiei în domeniul migraţiei de muncă a obţinut posibilitatea de mo-

dificare radicală în vederea diminuării şi parțial al anulării impedimentelor birocratice referitor la legalizarea şederii şi activarea imigranților de muncă pe teritoriul țării [4]. Un moment pozitiv al acestei legi este regulamentul, dispoziția care asigură caracterul informativ al legalizării migranților de muncă pe teritoriul Rusiei prin intermediul stabilirii înregistrării la evidența migrațională. Această măsură a crecut impunător nivelul legalizării migranților de muncă sosiți temporari, dar şi a contribuit la perfecționarea protecției drepturilor omului şi drepturilor de muncă.

Introducerea procedurii de informare a aflării temporare a imigranților a favorizat începutul creării unui sistem al evidenței migraționale drept bază a statisticii migraționale oficiale. Prin intermediul acestui nou regulament a fost soluționată o sarcină importantă – de păstrare a regimului imigrației de muncă ciclice sau temporare, care este benefic pentru Rusia [12].

Noua politică migrațională vizează trei categorii de migranți: 1) temporari, din cadrul CSI, căror le este simplificat accesul pe piața de muncă şi înregistrarea sosirii; 2) imigranți pentru care au fost esențial simplificate, liberalizate procedurile de obținere a permisului de şedere; 3) compatrioți, cărora sunt prevăzute înlesniri în cadrul procesului de repatriere. Această politică în domeniul migrației are scopul de a facilita sosirea şi aflarea imigranților în Rusia prin aceste căi, de a soluționa unele probleme de drept şi procedurale [8].

Cu regret, sunt unele momente care urmează a fi soluționate, spre exemplu în 2007 Serviciul Migrațional Federal a acordat cetățenilor Republicii Moldova 162 de mii de permise de muncă, pe cînd avizere ce confirmă angajarea în cîmpul muncii au fost doar 62 de mii. Prin urmare, mai mult de jumătate din migranții de muncă moldoveni au preferat să muncească fără a încheia acorduri de muncă cu angajatorii, nemaivorbind de cei care muncesc ilegal.

Noua politică migrațională a Rusiei influențează asupra comunităților din regiunile donor, este modificată structura acestora, sistemul de relații, perceperea statutului de potențial migrant de muncă, perceperea Rusiei ca posibilă țară de destinație imigrațională. In acelaşi timp, are loc un proces reversibil: se schimbă atitudinea comunității donor (la nivel macro şi micro) față de migrație ca formă a mobilității sociale. Sfera interacțiunii sociale a migranților cu comunitatea gazdă este reflectată prin nivelul socio-cultural de dezvoltare al ambelor părți. Interacțiunea socială a populației autohtone şi a diverselor grupe de migranți este determinată de reprezentările reciproce privind ierarhia etnosocială a societății.

Prin urmare, noua politică migrațională prin simplificarea procedurilor de înregistrare şi perfectarea permiselor de muncă a determinat deschiderea frontierelor pentru migranți. Însă, nu a soluționat problemele legate de formarea infrastructurii sociale pentru migranții de muncă şi de creare a condițiilor de adaptare şi integrare a acestora în țara gazdă. O consecință a acestei politici este şi

schimbarea în societățile donor a perceperii actorilor implicați în procesele migraționale.

Deci, ideologia noii politici migraționale ignoră un moment esențial - problema integrării sociale a migranților. Deci, este vădit subapreciat rolul politicii de integrare, direcționată spre depăşirea consecințelor negative, stratificării etnosociale şi segregării migranților, a excluderii sociale a acestora, aspecte care pot periclita existența societății ruse [9]. In acest context, domeniul cercetării ştiințifice a acestei investigații îl constituie influența politicii migraționale contemporane a Rusiei asupra interacțiunii sociale a migranților şi a societăților donor / gazdă.

Cu scopul de a studia interacțiunea socială a migranților de muncă cu societatea donor (deoarece Republica Moldova este țara donor, care trimite migranți) în noile condiții ale politicii migraționale ruse; determinarea atitudinii societății moldoveneşti față de migranții moldoveni care muncesc în Rusia, în iarna anului 2009 a fost realizat un sondaj sociologic în cadrul programului HESP „Rediscovering Social Inequality and Exclusion after the collapse of the State Socialism: Regional Context”. Au participat 100 persoane dintre care 47% bărbați şi 53% femei. Dintre aceştea, 50% aparțin categoriei de vîrstă 18-29 ani, grup care se manifestă printr-un potențial migrator proeminent. A doua categorie de vîrstă – 30-49 au constituit 36% din respondenți; şi 14% cei cu vîrsta între 50-60 ani. Majoritatea absolută a respondenților sunt cetățeni ai Republicii Moldova şi locuiesc aici de la naştere. Grupuri distincte de respondenți au constituit studenții (23%), intelectualitatea (24%), şi lucrătorii sferei prestări de servicii (14%).

Reeşind din scopul cercetării, sondajul realizat a demonstrat că 34% au o atitudine neutră față de migrație, pozitiv s-au exprimat 30% din respondenți. Comparînd datele obținute cu rezultatele sondajului sociologic realizat cu scopul determinării atitudinii populației moldoveneşti față de migrația internațională şi migranți în 2006 [7], cînd studenții şi „nestudenții” în general prezentau o atitudine pozitivă față de migrației – respectiv 55,5% şi 53,8%, putem menționa faptul că are loc o diminuare esențială a atitudinii pozitive față de migrație de la 55% la 30%. Negativ față de acest proces s-au exprimat 22% din participanții la sondaj, pe cînd în 2006 această atitudine se exprima prin 14% de către ambele grupuri supuse investigării.

Această atitudine a populației față de migrație este confirmată şi de sondajul din 2009 [11]. Cercetătorii constată o modificare esențială de atitudine în comparație cu situația din vara anului trecut în ceea ce priveşte impactul fenomenului de emigrație a forței de muncă asupra țării în general. În vara anului trecut peste 60 la sută din cetățeni credeau că migrația are totuşi un impact negativ asupra țării. In jumătate de an percepția impactului acestui fenomen asupra țării, deşi nu a devenit preponderent pozitivă, s-a îmbunătățit totuşi în mod esențial. Doar 47,7% la moment consideră că migrația ar avea un impact negativ, iar

40,9% consideră opusul, comparativ cu 31,9% respondenți care negau afirmația privind impactul negativ al migrației în vara anului trecut.

Considerăm că acestă „prudență” față de migrație ca proces este condiționată de criza economică globală şi de către apariția efectelor negative de durată ale migrației. Migrația ilegală presupune consecințe sociale acute – destrămarea familiilor, copii rămaşi fără grija părintească. Pe viitor acestea pot genera modificări radicale de structură în cadrul societății, manifestate prin transformarea principiilor morale, schimbări de ordin demografic, etc. Un procentaj destul de semnificativ dintre respondenți (14%) au ales opțiunea „greu de răspuns”, ceea ce este destul de straniu şi practic inexplicabil, fapt remarcat şi de către alți cercetători [7], deoarece pe parcursul ultimului deceniu procesele migraționale au afectat practic majoritatea populației Republicii Moldova (Tabelul 2).

În vederea determinării atitudinilor migraționale în cadrul sondajului a fost adresată întrebarea: „Dvs. planificați în următorii 1-2 ani să plecați la muncă în străinătate?”, răspunsurile obținute ne permit să constatăm că o treime din respondenți nu planifică deplasări peste hotare cu scopul de a munci acolo. Presupunem că această tendință ține de situația economică globală creată, situație care influențează piața mondială a muncii [15]. 26% din respondenți condiționează plecarea peste hotare de posibilitățile de realizare în țară, iar 16% sunt gata să plece dacă acolo sunt posibilități bune de muncă. Cei care încă nu s-au decis asupra emigrării constituie 10%, despre aceasta nu s-au gîndit 7%, şi doar 2% nu au ştiut ce să răspundă la această întrebare. (Tabelul 3). Rezultatele obținute ne permit să afirmăm faptul că populația manifestă o atitudine mai rațională față de decizia de a pleca din țară, analizînd situația creată şi cîntărind aspectele pozitive dar şi cele negative legate de emigrare. Doar 4% (în general studenți) au menționat ferm faptul că intenționează să plece din țară după finisarea studiilor. Această stare a lucrurilor este confirmată şi de rezultatele obținute de către alte cercetări în domeniu [3], în 2002 68,1% din studenți au exprimat această opțiune, iar 8% au fost contra plecării. Absolvenții instituțiilor de învățământ superior din start reprezintă un grup de risc în privința migrației [2]. Conform estimărilor specialiştilor în domeniu obținute în baza studiilor empirice cota migranților cu studii superioare cu câteva ori depăşeşte cota persoanelor cu studii superioare în componența populației adulte a țării, ceea ce ar putea fi legat cu cerințele ridicate a persoanelor cu studii superioare față de societate şi cu vulnerabilitatea lor sporită în condițiile sociale în care sistemul social este mai mult cointeresat în muncitori cu un nivel inferior de capital uman.

Realizînd sondajul respectiv, observăm tendința de modificare a vectorului migrației – începe să domine direcția europeană, fapt confirmat de 16% din respondenți care planifică să plece în țările Europei la muncă, pe cînd Rusia a fost aleasă drept destinație de muncă pentru 13% din respondenți (în special vorbitorii de limbă rusă), prin urmare, treptat descreşte vectorul estic – Federația Ru-

să. În această ordine de idei, noua politică migrațională, mecanismul realizării acesteia, poate fi drept o soluție de a transforma Rusia într-o țară atractivă din punctul de vedere al emigrării cetățenilor Moldovei.

În general, sondajele sociologice realizate atestă faptul că Rusia este aleasă drept țară în care emigranțiii ar munci sau locui deseori în baza unor simpatii etnice [3], condiționate de stereotipurile începuturilor anilor '90, în contextul acutizării relațiilor interetnice şi a conflictului armat din raioanele de est ale Moldovei.

Atitudinile şi tendințele migraționale ale societății sunt direct dependente de condițiile de muncă. Respondenții au apreciat destul de modest posibilitățile activității de muncă în Moldova. Posibilitatea angajării conform specialității, obținerea unor venituri înalte, condițiile de muncă, stabilitatea serviciului şi perspectiva creşterii profesionale au fost apreciate cu calificativele „rău" şi „satisfăcător". Analizînd aceleaşi aspecte ale activității de muncă în Rusia, respondenții au apreciat cu calificativul „bine". (Tabelul 4 şi 5).

Aceste date sunt confirmate de către sondajul efectuat la începutul anului 2009, cînd 78,1% din respondenți au apreciat negativ oportunitățile de muncă / angajare în țara noastră. Aici trebuie să remarcăm o creştere a nemulțumiților de acest aspect, care din vara anului 2008 au crescut peste 5% (în iulie 2008 constituiau 72,8%) [11].

La întrebarea referitoare la diferite aspecte ale activității de muncă în Rusia, respondenții au apreciat în general „satisfăcătoare" situația de pe piața muncii din Rusia, dar 25-44% dintre aceştea nu au răspuns la această întrebare, motivînd necunoaşterea situației de acolo. Totuşi, apreciind posibilitățile de obținere a unui serviciu bun pe scara de la 1-10 14% au notat cu „5" pentru Moldova şi 13% - „8". 20% din respondenți au notat cu „8" şi 18% cu „5" piața de muncă din Rusia. Reeşind din acestea, constatăm că potențialii migranții moldoveni nu consideră piața de muncă din Rusia atractivă.

Una din întrebările esențiale ale cercetării este legat de cunoaşterea modificărilor legislative ruse în domeniul migrației de către cetățenii Moldovei. Practic marea majoritate (67%) nu cunosc aceste modificări, 17% din respondenți au afirmat că au auzit cîte ceva despre aceasta, iar 9% nu au putut să răspundă la această întrebare (Tabelul 6). Aceste date reflectă realitatea din societate, necunoaşterea şi nihilismul juridic al migranților.

La întrebarea „Dacă DA. atunci numiți ce modificări anume au avut loc în legislația rusească cu privire la migrație" respondenții care au răspuns afirmativ la întrebarea anterioară, în general au menționat liberalizarea migrației, programul pentru compatrioți – 40%; şi 40% au afirmat că termenul maximal de aflare în Rusia – 3 luni. 10% din respondenți consideră că aceste modificări vizează „simplificarea procesului de angajare la serviciu".

Reeşind din faptul că cetățenii Republicii Moldova nu sunt la curent cu modificările legislative din domeniul migrației din Federația Rusă, 43% nu au fost în măsură să aprecieze aceste modificări, 14% sunt de părerea că aceste modificări sunt mai degrabă pozitive, pe cînd 10% sunt indiferenți față de aceste măsuri, şi doar 4% susțin pozitiv noua politică migrațională a Rusiei.

Aceste răspunsuri sunt confirmate parțial şi de către răspunsurile la întrebarea: „Pentru Dvs. are semnificație expresia „patria strămoşilor"?" la care 75% au răspuns afirmativ, 16% dintre respondenți au răspuns negativ, şi 9% nu au răspuns.

În vederea elucidării scopului propus al acestei cercetări, la întrebarea: „Ce atitudine aveți față de persoanele care pleacă temporar la muncă peste hotare?" 40% dintre respondenți au o atitudine neutră, la fel 40% manifestă o atitudine pozitivă față de migranții de muncă aflați temporar peste hotarele țării. 9 la sută au dat un răspuns negativ, pe cînd 9% au ales opțiunea „greu de răspuns" (Tabelul 7). Presupunem că atitudinea pozitivă față de migrație (temporară) este condiționată de faptul că majoritatea populației au rude, sau pe cineva din familie care se află peste hotare şi care prin remitențe întrețin familiile de acasa.

Rezultatele diferă esențial atunci la întrebarea: „Ce atitudine aveți față de persoanele care pleacă în altă țară cu traiul permanent?"- 45% manifestă o atitudine neutră față de acest fenomen, pe cînd 24% - pozitiv şi 23% - negativ. Este de menționat faptul că doar 8% respondenți nu au raspuns la întrebarea dată (Tabelul 8). Datele obținute vin să confirme predispozițiile migraționale, coincid cu cele referitor la întrebarea adresată la început referitor la atitudinea față de migrație (Tabelul 2).

Comparînd aceste date, remarcăm faptul că se manifestă o atitudine pozitivă în societatea donor față de migrația temporară (40%) şi doar 24% susțin emigrarea în vederea stabilirii permanente cu traiul peste hotare. Totodată urmărim un procentaj destul de înalt al atitudinii neutre față de procesele migraționale, ambele tipuri de migrație, ceea ce într-o oarecare măsură este explicabil prin prisma conştientizării valorilor democratice, a drepturilor de deplasare a omului.

La întrebarea: „Credeți că cei care emigrează la muncă în Rusia au anumite privilegii în diferite sfere ale activității umane?" 42% din respondenți declară ca migranții de muncă nu au anumite privilegii în Rusia, prin acest răspuns manifestînd o doză de înțelegere şi compasiune a situației în care aceştea se află peste hotare, condițiile de muncă şi de trai ale acestora, şi unele momente de manifestare a relațiilor inegale cu populația băştinaşă. Răspunsurile la acestă întrebare vin să delimiteze existența/lipsa simptomelor de inegalitate socială a migranților de muncă moldoveni aflați în Rusia şi societaea donor moldovenească. 37% afirmă că aceste privilegii sunt, dar nu întotdeauna, pe cînd 16% nu au răspuns, iar 2% au afirmat că provilegii au persoanele care rămîn să activeze în

Moldova. Prin urmare problema integrării migranților în societatea rusească este de actualitate în contextul migrației contemporane [1].

Dintre respondenții care au răspuns pozitiv, 80% consideră că migranții aflați în Rusia au anumite privilegii în aspect social-economic manifestat prin salarii mari, posibilitatea creşterii profesionale. 10% susțin posibilitatea angajării conform specialității, şi 10% presupun că în Rusia sunt condiții mai bune de muncă decît în Republica Moldova. Aceste date confirmă răspunsurile obținute referitor la aprecirea pieții de muncă şi aspecte ale activității de muncă.

Considerăm că problema integrării migranților moldoveni în Federația Rusă este actuală în condițiile proceselor migraționale contemporane, societatea donor urmează să manifeste o atitudine mai tolerantă față de cei care emigrează în căutarea unui loc de muncă bine plătit.

Concluzii

Indubitabil, politica migrațională este în relație de interdependență cu politica de integrare. În acest context, în vederea promovării ideii dialogului şi cooperării între migranți şi societatea gazdă este importantă elaborarea unei politici socio-culturale de stat direcționată spre integrarea migranților în societatea rusă.

Impedimente în aprecierea modificărilor legislative în domeniul migrației din Federația Rusă constituie nivelul redus de informare a acestor modificări, atît din partea populației Republicii Moldova cît şi a migranților aflați în Rusia. Menționăm lipsa mediatizării în masă integral a proceselor migraționale din Rusia. Totuşi, deşi atestăm o neinformare a populației față de modificările politicii migraționale, aceasta acordă o aprecire neutră modificărilor.

Comportamentul migrațional al populației în mare măsură este determinat de relațiile de rudenie şi interese economice. Apreciind atitudinea respondenților față de migrația internațională, afirmăm că în general aceasta este pozitivă.

Bibliografie

1. Chetruşca M. Impactul migrației de muncă în Rusia asupra comportamentului migranților moldoveni (în baza studiului sociologic). // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). - Chişinău: USM, nr.1 (XLIV), 2009, p.34-46
2. Gorban A. Orientările migraționiste ale studenților diferitor specialități de studii (în baza datelor studiului sociologic). // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Nr.1 (XLIV), 2009. – Chişinău: USM, 2009, p.51-68.
3. Махрова А., Молодикова И., Мошняга В. Политическая география по-студенчески: как мы видим себя и других в Европе (ментальные карты - взгляд из Кишинева, Москвы и Смоленска). // Миграция в зеркале стран СНГ (молодежный ракурс). Под ред. И.Молодиковой. - Москва, 2006

4. Molodikova I. Transformation of migration patterns in post-soviet space: Russian new migration policy of “open doors” and its effect on European migration flows. // Review of Sociology, Vol.13, 2007, p.57-76
5. Мошняга В., Руснак Г. Мы строим Европу. И не только... - Кишинев, Молд.ГУ, 2005
6. Мошняга В., Русу Р. Формирование молдавской диаспоры за рубежом в контексте международной трудовой миграции. // Иммигранты и этнические диаспоры в региональных политических процессах в Российской Федерации и в зарубежных странах. Сборник докладов международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, Уральский ГУ, 2007, с.112-121
7. Мошняга В., Турко Т. Отношение молдавского населения к международной миграции и мигрантам (по результатам социологических исследований). // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). - Chişinău: USM, nr.4 (XXXV), 2006, p.42-66
8. Мукомель В. Новая миграционная политика России: издержки идеологии. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). – Chişinău: USM, nr.3 (XLII), 2008, p.93-112
9. Мукомель В. Методические и практические аспекты изучения интеграции иммигрантов: специфика постсоветского пространства. // Методология и методы изучения миграционных процессов. Междисциплинарное учебное пособие. / Под редакцией Ж.Зайончковской, И.Молодиковой, В.Мукомеля - Москва, Центр миграционных исследований. 2007.
10. Юдина Т.Н. Миграция: словарь основных терминов: Учеб. пособие. — Москва: Издательство РГСУ; Академический Проект, 2007.
11. *http://www.iom.md/materials/brochures/10_migration_as_it_is_eng.pdf*
12. http://www.ng.ru/scenario/2007-02-27/12_twosteps.html
13. http://www.ogoniok.com/inside/ nr. 51
14. www.fms.gov.ru
15. *http://timpul.md/article/2009/05/21/2248*

Anexe

Tabelul 2 Atitudinea populației față de procesele migraționale

Pozitivă	30%
Negativă	22%
Neutră	34%
Greu de spus	14%

Tabelul 3 Tendințe migraționiste ale populației

Nici într-un caz	35%
Depinde de posibilitățile de autorealizare la noi în țară	26%

Depinde de faptul dacă vor fi posibilităţi bune în străinătate	16%
Încă nu am luat decizia DA sau NU	10%
Da, am o intenţie fermă de a pleca după finisarea studiilor	4%
Nu m-am gîndit la aceasta	7%
Greu de spus	2%

Tabelul 4 Aprecierea diferitelor aspecte ale activităţii de muncă în Republica Moldova

	Bine	**Satisfăcător**	**Rău**	**Greu de spus**
1.Posibilitatea angajării conform specialităţii	4%	26%	57%	13%
2.Posibilitatea obţinerii unor venituri mari	2%	17%	69%	12%
3.Condiţiile de muncă	4%	48%	34%	14%
4.Stabilitatea serviciului	8%	46%	34%	12%
5.Perspectiva creşterii profesionale	5%	39%	36%	20%

Tabelul 5 Aprecierea diferitelor aspecte ale activităţii de muncă în Rusia

	Bine	**Satisfăcător**	**Rău**	**Greu de spus**
1. Posibilitatea angajării conform pespecialităţii	8%	32%	18%	30%
2. Posibilitatea obţinerii unor venituri mari	14%	38%	11%	25%
3. Condiţiile de muncă	10%	28%	12%	38%
4. Stabilitatea serviciului	10%	24%	10%	44%
5. Perspectiva creşterii profesionale	14%	21%	18%	35%

Tabelul 6 Cunoaşterea modificărilor din legislaţia cu privire la migraţie din Rusia de către cetăţenii Republicii Moldova

Da, sunt la curent	7%
Da, am auzit despre aceasta	17%
Nu, nu sunt la curent	67%
Greu de spus	9%

Tabelul 7 Atitudinea populaţiei faţă de persoanele care pleacă temporar la muncă peste hotare

Pozitivă	40%
Negativă	9%
Neutră	42%
Greu de spus	9%

Tabelul 8 Atitudinea populaţiei faţă de persoanele care pleacă în altă ţară cu traiul permanent

Pozitivă	24%
Negativă	23%
Neutră	45%
Greu de spus	8%

Prezentat la redacţie
la 10 septembrie 2009

Recenzent – **Valeriu MOŞNEAGA**, doctor habilitat în ştiinţe politice, profesor

COMPARTIMENTUL *RELAȚII INTERNAȚIONALE*

CONCEPTUALIZAREA POLITICĂ A SFEREI MUNCII ÎN CONTEXTUL PROCESELOR INTEGRAȚIONISTE EUROPENE

Valentina TEOSA
Republica Moldova, Chişinău, Univeristatea de Stat din Moldova, Facultatea Relații Internaționale, Ştiințe Politice şi Administrative, Catedra Relații Internaționale
Doctor habilitat în ştiințe politice, profesor, şef-catedră

Igor COJOCARU
Bălți, Republica Moldova, Universitatea de Stat „A.Russo" din Bălți, Facultatea Drept, Catedra Discipline Socioumanistice
Magistru în ştiințe politice, lector

The social dimension at EU level is in the harmonization of all components of social policies on social security regarding universal insurances, aids and transfers, improvement of working conditions, equal opportunities for men and women, the freedom of movement, promoting education and training, etc. Social policy in the Community had a long and uneven history. Attempts to promote a more effective policy hit the opposition and many obstacles that being passed were allowed to promote a balanced social policy. To this end is to convergence, cooperation and achievement of social cohesion policies in all European Union countries.

Politicile sociale privind problema raporturilor de muncă şi măsurile sociale în această direcție este atestată nu doar la nivel de stat dar cum a mai fost menționat pe parcursul lucrării şi la nivel regional şi global. Dimensiunea socială la nivelul Uniunii Europene constă în armonizarea socială a tuturor componentelor politicilor sociale cu privire la asigurările, ajutoarele şi transferurile universale, îmbunătățirea condițiilor de muncă, egalitatea şanselor pentru bărbați şi femei, implementarea libertății de mişcare, promovarea învățământului şi pregătirii profesionale, etc [10]. În acest scop se urmăreşte convergența, cooperarea şi atingerea coeziunii în politicile sociale la nivelul tuturor țărilor din Uniunea Europeană. Îmbătrânirea populației şi în special a forței de muncă; aprofundarea problemelor sociale, cum ar fi şomajul - toate acestea impune Uniunea Europeană spre paşi concreți de acțiune la diferite nivele: politic, de drept, economic etc. Cu atît mai mult că Europa contemporană nu doar a acumulat şi prezintă o vastă

teorie social-politică, bazată pe multitudinea practicilor sociale, ci şi a creat o concepţie şi a pus fundamentele politico-juridice politicii sociale comune în spaţiul Uniunii Europene în sec. XXI [12, 132]

Deşi larg folosit în literatura de specialitate, conceptul *„modelul social european” sau „Europa socială”*, nu are o definiţie unanim acceptată, existând mai multe direcţii şi sensuri în care acesta este utilizat. Pentru prima dată, conceptul de model social european a fost folosit de J.Delors, la mijlocul anilor ‘90, pentru a desemna o alternativă la modelul american de capitalism pur, ideea de bază fiind aceea că progresul economic şi social trebuie să meargă mână în mână, prin combinarea creşterii economice cu coeziunea socială.

În ciuda utilizării la scară largă a conceptului îndeosebi în sensul său generic, dezbaterile cu privire la existenţa unui asemenea model unic la nivelul Europei nu au produs un rezultat unanim acceptat. În sensul dat, conceptul este folosit cu referire la anumite trăsături comune instituţionale în Europa postbelică. Modelul social european este frecvent prezentat în opoziţie cu modelul dereglementat american sau cu cel din Asia de Sud Est, axat pe dezvoltare. Fiecare dintre aceste trei modele au modalităţi distincte de reglementare şi competiţie. În acest context, modelul european se caracterizează prin protecţie socială extinsă şi rezolvarea conflictelor sociale prin metode consensuale si democratice. Una dintre primele definiţii ale modelului social european se regăseşte în *Cartea albă a politicii sociale*, care face referire la astfel de valori comune precum este angajamentul pentru democraţie, libertate personală, dialog social, oportunităţi şi şanse egale pentru toţi, securitate socială şi solidaritate faţă de persoanele defavorizate.

Unul din momentele cele mai importante ale evoluţiei acestui model se situează în jurul anului 2000, cînd se face trecerea de la o abordare bazată pe minimizarea consecinţelor sociale negative ale schimbării structurale, la o abordare ce are în vedere modernizarea sistemului social european şi investiţia în capitalul uman – altfel spus, se trece de la o abordare cantitativă (minimizarea consecinţelor) la una calitativă (investiţia în oameni) [7].

Politica socială în cadrul Cumunităţii a avut o istorie lungă şi neuniformă. Încercările de a promova o politică mai eficace s-a lovit de opoziţie şi de multe obstacole, care fiind trecute au permis promovarea unei politici sociale echilibrate. Primele tentative de organizare a politicii sociale sunt înscrise în Tratatul de la Roma, prin includerea articolelor referitoare la libera circulaţie a lucrătorilor şi la libertatea de stabilire a acestora, la fel ca şi clauzele cu privire la măsurile de ameliorare a condiţiilor de viaţă şi de muncă, armonizarea sistemelor sociale din diferite state membre, dar succesul acestora era dictat de reuşita Pieţei comune. Obstacolele întîmpinate la nivel naţional, diferenţele constante dintre sistemele sociale, şi crizele economice prin care a trecut Comunitatea au deplasat politica socială pe un plan secund [8, 66].

În tot cazul, după cum menționează autorul român D.-V.Savu, putem afirma că în construcția socială europeană se pot distinge trei etape:

1. din 1958 în 1972 au fost efectuate o serie de activități pregătitare cu caracter divers. Libera circulație a lucrătorilor a fost introdusă începînd cu 1968, cu un an înainte de dat afixată. Paralel au fost întreprinse o serie de dispoziții, care urmau să garanteuze drepturile la libertatea teriotorială, la mobilitatea profesională, la integrarea socială, accesul emigranților la securitate socială;

2. din 1972 în 1984 se trece de la speranțe la stagnare. Consiliul din 21 ianuarie 1974 adoptă un program de acțiune socială, privind, în esență, trei obiective, care se lovesc însă de efectele crizei;

3. începînd cu 1985, în prelungirea Memorandumului Francez din 1981 asupra Spațiului Social, asistăm la o tentativă de relansare, pe de o parte voluntară, pe de alta pragmatică [9, 150-151].

Luînd în considerare atît evoluția generală, cît şi evoluția dimensiunii sociale a Comunității Europene, A.Lupu emite următoarele ipoteze:

1. Politicile sociale europene nu sunt rezultatul unui sentiment de solidaritate între *cetățenii* Europei, ci sunt o consecință necesară a creării pieței unice europene;

2. Dialectica dintre solidaritate şi echitate, specifică statului național, a fost perpetuată şi la nivelul Comunității Europene. Țările (regiunile) bogate şi sărace iau locul claselor bogate şi sărace din cadrul statelor naționale [5].

Tot aici, este imputat şi un alt argument, şi anume cu sublinierea faptului că, principalele decizii din domeniul politicilor sociale la nivelul Comunității, Europene sunt legate de dreptul muncii. Drept argument în acest sens sunt unele titluri date unor documente elaborate şi adoptate ulterior de exemplu: *Carta drepturilor fundamentale ale muncitorilor* anterior purtînd denumirea *Carta comunitară a drepturilor sociale fundamentale,* sau capitolul 13 al Actului integrării în Uniunea Europeană ce poartă denumirea: *Politica socială şi de ocupare a forței de muncă*. Acestei viziuni se alătură şi alți autori [12, 41].

Politicile sociale europene pot fi cercetate atît în limitele politicilor sociale promovate de către Uniunea Europeană în calitatea ei de subiect internațional, cât şi acelea promovate de statele membre ale UE. În studiul dat nu divizăm aceste segmente ci le analizăm inseparabil, ca un tot întreg, cu toate că recunoaştem că acțiunile în promovarea politicilor date sunt diferite de la caz la caz. Totodată problemele ce se iscă în acest context pot fi soluționate doar în limitele conceptului europei sociale, care subliniează că dezvoltarea politicilor sociale trebuie să constituie elementul de bază în construcția europeană [12, 135].

Istoria politicilor sociale a Uniunii Europene are în centrul său drepturile acordate muncitorilor. Libera circulație a produselor, serviciilor şi forței de muncă a creat presiuni asupra statelor naționale ale bunăstării, în sensul implementării unor reglementări cu privire la drepturile egale ale muncitorilor (indiferent

de cetăţenie sau sex) şi a familiilor acestora în cadrul Comunităţii. Politicile sociale europene nu sunt datorate sentimentului de solidaritate dintre *cetăţenii* Uniunii Europene, ci presiunilor făcute de piaţa unică [4, 368]

În acest sens, ***scopul politicilor sociale europene*** poate fi identificat prin Art. B, Titlul I şi Art. G, Titlul II a tratatului de la Maastricht, realizarea unui „nivel ridicat de ocupare a forţei de muncă şi de protecţie socială, creşterea nivelului şi calităţii vieţii, coeziunea economică şi socială şi solidaritatea între statele membre". Tratatul de la Maastricht consacră acestei politici o atenţie deosebită, ea însă rămînînd neacceptată de Marea Britanie, care în perioada de conducere a conservatorilor vedea realizarea politicii sociale într-un mod deosebit şi aderă la Politica socială comună o dată cu dobîndirea puterii de către laburişti. Art.100a al Actului Unic European propune asigurarea unui nivel de viaţă ridicat, pentru toţi membrii comunităţii.

În decembrie 1989 este adoptată Carta socială a drepturilor sociale fundamentale de către consiliul European de la Strasbourg. Actul în cauză pe deplin asigură realizarea scopului unic precum şi contribuie la fundamentarea obiectivelor politicii sociale comune. Acesta defineşte un program de acţiune chemat să aprofundeze cooperarea socială a ţărilor europene fiind sprijinit de mai multe drepturi printre care figurează: dreptul la libera circulaţie, pentru a primi şi a exercita orice profesie în orice stat membru al Comunităţii; dreptul la un loc de muncă şi o remunerare echitabilă; dreptul la ameliorarea condiţiilor de muncă şi de viaţă; dreptul la protecţia socială; dreptul la libertatea de asociere şi negociere colectivă; dreptul la tratament egal pentru femei şi pentru bărbaţi; dreptul muncitorilor la informare, consultare şi participare; dreptul la protejarea sănătăţii şi securităţii la locul de muncă; dreptul copiilor şi adolescenţilor la protecţie; dreptul la un venit minim a persoanelor în vârstă; dreptul la adaptare şi reintegrare profesională şi socială pentru persoanele cu handicap, precum şi un şir de alte drepturi sociale.

Începînd cu Carta Socială Europeană din 1961 şi cea revizuita în 1996, „Carta comunitară privind drepturile sociale fundamentale" (1989) precum şi Cartea Albă „Politica Socială Europeană" (1993), au stabilit ***obiectivele politicii sociale comunitare***. Acestea se referă la: promovarea ocupării forţei de muncă; îmbunătăţirea condiţiilor de viaţă şi de muncă; protecţie socială corespunzătoare; asigurarea unui dialog între angajaţi şi angajatori; dezvoltarea resurselor umane în vederea obţinerii şi menţinerii unei rate înalte de ocupare şi a forţei de muncă; combaterea excluderii sociale [11, 11].

În calitatea sa de organism suprastatal, Uniunea Europeană nu oferă ajutor material, financiar sau servicii gratuite cetăţenilor săi, ci, prin intermediul diverselor fonduri, sprijină regiuni sau ţări mai puţin dezvoltate. Principala dimensiune a politicilor sociale europene se sprijină pe politicile muncii. La nivelul Uniunii Europene, politicile sociale constau în legislaţia europeană a muncii, în lup-

ta împotriva discriminărilor etnice, religioase sau sexuale, în dispoziţii cu privire la sănătate, cultură şi educaţie şi în redistribuirea prin intermediul fondurilor structurale europene.

Analiza acestor documente permite descifrarea acquis-ului social comunitar, care este un reper important în definirea conceptuală a Europei sociale. În esenţă, „acquis-ul" social comunitar înseamnă întreaga legislaţie primară şi derivată, ansamblul politicilor şi instituţiilor, mecanismelor şi instrumentelor utilizate pentru aplicarea legislaţiei sociale în general şi a celei muncii în particular.

Încă din primul pas spre realizarea Europei unite prin Tratatul de la Paris (1951) drepturile muncitorilor erau în centrul dimensiunii sociale a noii Europe. Următorul pas, Tratatul Comunităţii Europene a Cărbunelui şi a Oţelului cuprinde dispoziţii cu privire la dezvoltarea locurilor de muncă şi ridicarea nivelului de viaţă (art.2), „promovarea ameliorării condiţiilor de viaţă şi de muncă în contextul progresului economic" (art.3), salarii (art.67 şi 68), garantarea locului de muncă (art.46 şi 58), lupta împotriva şomajului (art.23, 49, 50, 51 şi 56) şi libera circulaţie a forţei de muncă (art.69) [2].

M.Profiroiu şi I.Popescu ajung la următoarea concluzie: existau cel puţin doi factori care puteau provoca dumping social „nivelul scăzut al contribuţiilor la sistemul de securitate socială" şi „faptul că în unile ţări (în special Italia) femeile erau plătite mai puţin, comparativ cu bărbaţii, pentru aceaşi muncă". Generalizînd „nu se poate crea o piaţă comună fără armonizarea securităţii sociale şi înlăturarea inegalităţii de plată a femeilor şi bărbaţilor"[8, 238].

La 25 martie 1957, la Roma, sunt semnate Tratatele de instituire a Comunităţii Europene. Semnătura îşi vor depune reprezentanţii Franţei, Republicii Federale Germane, Italiei, Belgiei, Olandei şi Luxemburgului. Astfel, acestea pun bazele politicii sociale prin articolele sale referitoare la libera circulaţie a muncitorilor şi la libertatea de stabilire a acestora, în contextul creării pieţei comune. Documentele declară câteva obiective foarte importante pentru popoarele statelor semnatare printre care se enumără şi unele de interes pentru politica socială ulterioară:

- să stabilească fundamentul unei uniuni din ce în ce mai strânse între popoarele europene;
- să asigure progresul economic şi social al propriilor popoare şi să elimine barierele ce divizează Europa;
- să amelioreze condiţiile de muncă şi de viaţă a oamenilor Comunităţii;

Prin acestea sunt chemate şi alte state europene să se alăture acestui efort important în calea consolidării europene. Tratatele de la Roma, spre deosebire de CECO, semnat pentru cincizeci ani, nu au o limită în timp, iar scopul final al acestora nu poate fi limitat la coordonarea relaţiilor dintre statele semnatare, ceea ce se desprinde clar din principiile declarate.

O privire mai generală cu privire la spectrul social este expusă în Carta drepturilor fundamentale a Uniunii Europene, care subliniază valorile comune universale şi indivizibile ale statelor membre şi anume: demnitatea umană, libertatea, egalitatea şi solidaritatea. Tot aici găsim şi anumite prevederi, care nu fac trimiteri directe la legile naţionale, acestea sunt legate de dreptul de a munci în oricare stat membru, la informare, asociere şi grevă, sau la drepturile copilului (inclusiv cu privire la dreptul muncii).

La 17 februarie 1986, la Luxembourg şi la 28 februarie la Haga este semnat Actul Unic European, care întră în vigoare la 1 iulie 1987. Adoptarea acestui Act devine un eveniment, deoarece până la acesta revizuirile Tratatelor au purtat doar caracter instituţional, la moment Actul operează o revizuire generală a celor trei Tratate de bază. Pentru prima dată Europa admite de comun acord prioritatea absolută a pieţei în construcţia europeană, pentru o piaţă independentă de viaţa socială, capabilă să se autoreglementeze, cu mecanisme de control bine definite din partea Comisiei. În discursul de prezentare a Actului Unic din 15 februarie 1986, J.Delors propunea: „Concentrarea politicii sociale pe una sau două priorităţi şi, prin urmare, să întoarcem spatele fragmentării acţiunilor generate de multiplicitatea obiectivelor şi a criteriilor. Dar să facem din aceste priorităţi mari şantiere ale Europei, inovatoare, eficiente şi care pot fi resimţite de beneficiari” [2].

Însăşi denumirea documentului reflectă conţinutul său. Acesta este numit unic nu doar din cauza angajării spre o piaţă unică, obiectiv definit drept numărul unu în Act, ci şi din cauza că Actul revizuieşte cele trei Tratate de instituire a Comunităţii, acordându-le un caracter unic, precum determină şi direcţia unică de cooperare europeană în domeniul politicii externe. Actul defineşte ca o necesitate acută crearea unei Mari Pieţe Interne, coeziunea economică, politica comună de cercetare şi tehnologie, întărirea sistemului monetar, precum şi lansarea unui spaţiu social european etc. Documentul prevede proceduri concrete de înlăturare a obstacolelor prin armonizarea legislaţiei, totodată Actul susţine crearea Pieţei Interne, caracterizată prin lipsa de frontiere, libera circulaţie a mărfurilor, persoanelor, serviciilor şi capitalurilor. Aşa cum politica nu poate fi realizată doar prin armonizarea legislaţiei, Actul Unic prevede şi un şir de măsuri cu caracter social la nivel european. El introduce reglementările în domenii, dezvoltate în anii ’70 în afara Tratatelor de bază, acestea primind o reflectare aparte în “Politicile Comunităţii”. Printre acestea menţionăm: coeziunea economică şi socială; cercetarea şi dezvoltarea tehnologică; mediul altele. Pentru fiecare dintre acestea sunt definite obiectivele şi mijloacele de acţiune, precum şi procedurile de luare a deciziilor în domeniile vizate. Măsurile prevăzute în Act sunt chemate să le completeze pe cele existente la nivel naţional.

Actul Unic subliniază continuitatea în îndeplinirea obiectivelor trasate la Stuttgart în 1983 despre transformarea relaţiilor comunitare într-o veritabilă uni-

une. Actul nu pretinde la crearea acestei uniuni, el defineşte obiectivele şi purcede la crearea mijloacelor necesare pentru a progresa pe calea integrării.

Deşi preocuparea pentru aspectele sociale la nivel comunitar este prezentă încă de la începuturile acesteia, din punct de vedere programatic politica socială debutează odată cu adoptarea *Cartei comunitare a drepturilor sociale fundamentale ale muncitorilor* cunoscută şi drept *Carta Socială*. Anul 1989 constituie un moment important al construcţiei sociale europene prin adoptarea primului document al politicii sociale – *Carta Socială*, ce stabileşte drepturile sociale fundamentale şi, odată cu acestea, direcţiile de acţiune ale politicii sociale.

Preambulul documentului dat stabileşte faptul că „punerea în practică a cartei nu trebuie să implice o depăşire a puterilor Comunităţilor în afara celor definite în tratate”, iată de ce termenul „cetăţenii” a fost înlocuit cu cel de „muncitori”, pentru a evita apariţia unui mandat lărgit în favoarea Comunităţii cu privire la politicile sociale [2]. În acest context este necesar de a remarca, că un rol important în limitarea prevederilor cartei l-a avut Uniunea Industriaşilor şi Confederaţia Europeană a Angajaţilor în cadrul dialogului social cu partenerii sociali europeni.

În *Carta socială*, deciziile privesc dreptul muncitorilor, egalitatea drepturilor muncitorilor ne rezidenţi cu muncitorii cetăţeni ai statului în care lucrează, dreptul la integrarea familiei muncitorilor care lucrează în alt stat etc. *Carta* reflectă preocuparea pentru dimensiunea socială a politicilor comunitare în contextul construcţiei pieţei unice europene şi a fost elaborată în urma unui proces de consultare ai reprezentanţilor angajatorilor, lucrătorilor, liber profesioniştilor, fermierilor, etc. Important de menţionat este că, forma finală a documentului accentuează rolul şi responsabilităţile în direcţia aplicării şi respectării drepturilor sociale fundamentale: libera circulaţie a muncitorilor, angajarea şi salarizarea, îmbunătăţirea condiţiilor de muncă şi de viaţă, protecţia socială, libertatea de asociere şi negocierea colectivă, formarea profesională, tratamentul egal al bărbaţilor şi femeilor, protecţia sănătăţii şi siguranţa la locul de muncă, protecţia copiilor, adolescenţilor, persoanelor în vârstă şi a persoanelor cu handicap, precum şi informarea, participarea şi consultarea lucrătorilor în probleme ce îi afectează direct.

Majoritatea prevederilor obligatorii a Cartei comunitare a drepturilor fundamentale ale muncitorilor se situează în domeniul condiţiilor de muncă, libertatea circulaţiei, informarea salariaţilor, consultarea salariaţilor, egalitatea tratamentelor şi sănătatea şi securitatea la locul de muncă. „Programul de acţiune” al Comisiei, pentru punerea în practică a cartei, cuprinde 47 de măsuri sociale, dintre care doar 28 implică dispoziţii care leagă statele membre [2]. Dintre măsurile obligatorii, zece se referă la sănătatea şi securitatea la locul de muncă, două se referă la libera circulaţie a muncitorilor, iar altele se referă la condiţiile de deplasare a muncitorilor cu handicap motor.

Procesul de discuție asupra viitorului politicilor sociale la nivel comunitar este lansat în 1993 prin *Cartea Verde* (*Green Paper*), şi este urmată, în 1994, de *Cartea Albă* (*White Paper*) – ce stabileşte priorităţile politicii sociale până în anul 2000. Acestea sunt concretizate în programele de acţiune socială pentru perioadele 1995-1997 şi 1998-2000.

Primul pas în elaborarea Cărţii Albe a fost stabilirea limitelor "Pieţei Interne" pe plan legislativ. *Cartea albă a politicii sociale*, elaborată de Comisia Europeană, face referire la un set de valori comune: angajamentul pentru democraţie, libertate personală, dialog social, oportunităţi egale pentru toţi, securitate socială şi solidaritate faţă de persoanele defavorizate. În cadrul actului, Comisia a optat pentru o delimitare mai restrânsă în descrierea legislaţiei recomandate. Măsurile prevăzute de legislaţia secundară menţionate în White Paper sunt acelea care afectează în mod direct circulaţia liberă a persoanelor, bunurilor, serviciilor şi capitalului.

Anexa prezentă în premieră la Carta Albă întruneşte o prezentare detaliată şi comprehensivă a legislaţiei comunitare secundare aflate în vigoare, care reglementează Piaţa Internă. În locul simplei enumerări a diferitelor sute de instrumente legislative, Comisia a prezentat obiectivele esenţiale ale legislaţiei comunitare în fiecare domeniu, expunînd contextul organizaţional şi administrativ în care legislaţia trebuie să fie aplicată şi a recomandat o ordine clară în care ţările asociate ar putea să realizeze apropierea legislaţiei lor faţă de cea comunitară. Această prezentare detaliată este menită să aprofundeze înţelegerea concepţiei legislative a Comunităţii de către ţările cărora le este adresată şi să faciliteze apropierea în faza de preaderare. Este necesar să se reţină că această legislaţie secundară este complementară prevederilor corespunzătoare ale Tratatului.

În urma intrării în vigoare în 1999 a Tratatului de la Amsterdam, Protocolul privind politica socială a fost încorporat în Tratatul instituirii Comunităţii Europene. Ca urmare a acestor modificări, în prezent baza legala a politicii sociale europene se regăseşte în Tratatul instituirii Comunităţii Europene, în primul rând sub forma unor dispoziţii cu caracter de principiu şi *„normă”* – ce se impun a fi respectate de oricare din celelalte politici comunitare şi de actele normative care le materializează [5]. Tratatul de la Amsterdam a marcat un punct de cotitură în politica socială şi de ocupare europeană. Politica de ocupare a forţei de muncă a fost desemnată domeniu comun de acţiune la nivel european.

Unul din actele fundamentale necesare de a fi atenţionat este Tratatul Uniunii Europene ce cuprinde mai multe articole din domeniul politicilor sociale. Capitolului I prin subcapitolul *Muncitorii,* se referă la dreptul muncitorilor de a lucra în orice stat membru, beneficiind de un tratament egal în privinţa salarizării, condiţiilor de muncă sau angajării şi la eliminarea oricăror forme care ar putea împiedica libera circulaţie a muncitorilor în Uniunea Europeană. De aseme-

nea, statele membre se angajează, conform art.50, să încurajeze schimbul de muncitori tineri.

Tot în *Tratatul Comunităţii Europene*, politica socială este adresată distinct în *Titlul VIII* – referitor la ocuparea forţei de muncă şi *Titlul XI* – ce se referă explicit la politica socială, educaţie, formare profesională şi tineret. Acestea susţin ideea dezvoltarea unei strategii în privinţa forţelor de muncă, în mod particular a unei pieţe a muncii calificate, instruite şi adaptate la schimbările economice. Elaborarea şi execuţia strategiei comune a statelor membre în privinţa forţei de muncă se va realiza şi prin intermediul *Comitetului forţei de muncă* (*Employment Comittee*) sau denumirea oficială Consiliul European al Muncii, care se cere a fi întemeiat ulterior şi va trebui să promoveze coordonarea între State privind politicile pieţei muncii şi de ocupare a forţelor de muncă.

Carta socială europeană şi Carta comunitară a drepturilor fundamentale ale muncitorilor au pus temelia Dispoziţiilor sociale din Capitolul I al documentului citat. Acesta propune „promovarea locurilor de muncă, îmbunătăţirea condiţiilor de viaţă şi de muncă, astfel încât să facă posibilă armonizarea muncii la un nivel ridicat, protecţie socială corespunzătoare, dialog între conducere şi forţa de muncă, dezvoltarea resurselor umane în ideea unei rate înalte a persoanelor angajate şi combaterii excluziunii". Părţile cred că acestea se vor realiza nu doar datorită pieţei unice, care va favoriza armonizarea sistemelor sociale, ci şi din punerea în practică a prevederilor sociale ale Tratatului sau a altor legi, reglementări sau acţiuni administrative [2].

Prin Tratat, statele membre convin asupra necesităţii de a promova ameliorarea condiţiilor de viaţă şi de muncă ale lucrătorilor în aşa fel încât să permită armonizarea lor prin progres. Ele estimează că o asemenea evoluţie rezultă atât din funcţionarea pieţei comune care favorizează armonizarea sistemelor sociale, cît şi din procedurile prevăzute de prezentul tratat şi din apropierea dispoziţiilor legislative, de reglementare şi administrative. Fără a aduce atingere altor dispoziţii ale prezentului tratat şi conform obiectivelor generale ale acestuia, Comisia are sarcina de a promova o colaborare strânsă între statele membre în domeniul social, mai ales în domeniile care privesc:

- ocuparea forţei de muncă;
- dreptul la muncă şi condiţiile de muncă;
- formarea şi perfecţionarea profesională;
- securitatea socială;
- protecţia împotriva accidentelor şi bolilor profesionale;
- igiena muncii;
- dreptul sindical şi negocierile colective între angajatori şi angajaţi.

În acest scop, Comisia acţionează în strânsă legătură cu statele membre prin studii, avize şi prin organizarea de consultări atât pentru problemele care apar pe plan naţional, cît şi pentru cele care interesează organizaţiile internaţionale,

de asemenea se străduieşte să dezvolte dialogul între partenerii sociali la nivel european, care să poată duce, dacă aceştia o doresc, la relații bazate pe convenții.

Cît priveşte statele membre, acestea se străduiesc să promoveze mai ales ameliorarea mediului de muncă pentru a proteja securitatea şi sănătatea muncitorilor şi îşi fixează ca obiectiv armonizarea, prin progres, a condițiilor care există în acest domeniu. Cu toate acestea, fiecare stat membru asigură în cursul primei etape şi menține în continuare aplicarea principiului egalității remunerațiilor, pentru acelaşi loc de muncă, între bărbați şi femei. De asemenea se va ține cont de diversitatea practicilor specifice fiecărui stat, dar şi de menținerea competitivității la nivelul Comunității.

În acest sens, conform art.137, Comunitatea va sprijini şi completa activitatea statelor membre în următoarele domenii:

– îmbunătățirea mediului de lucru pentru protejarea sănătății şi securității muncitorilor;

– condițiile de muncă;

– informarea şi consultarea muncitorilor;

– integrarea persoanelor excluse de pe piața muncii;

– egalitatea dintre bărbat şi femeie cu privire la oportunitățile pieței muncii şi a tratamentului la locul de muncă.

Consiliul poate cere prin intermediul directivelor un nivel minim de implementări graduale, ținându-se cont de condițiile şi regulile tehnice din fiecare stat membru, iar conform punctului 3 al art.137, el poate acționa şi în domeniul securității şi protecției sociale a *muncitorilor.* La acestea se mai adaugă, protecția socială şi dreptul de asociere şi de negociere colectivă între muncitori şi angajatori. Pentru acestea, Comisia nu „va sprijinii şi completa”, ci doar „va încuraja cooperarea între statele membre şi va facilita coordonarea acțiunii lor în toate câmpurile politicilor sociale din acest capitol”. Diferența este dictată, „probabil, din faptul că în art.140, în afara prevederilor pe care le găsim şi la art.137, apar enunțate cele două drepturi enumerate mai sus: protecția socială şi negocierile colective” [2]. Reamintim că acestea lipseau şi din Carta comunitară a drepturilor fundamentale ale muncitorilor.

Domeniile vizate în Protocolul social anexat la Tratatul Uniunii Europene, deşi precizate sunt aceleaşi direcții generale ale politicilor sociale ca şi în cazul Tratatului semnat de toate statele membre: protecția şi securitatea socială a muncitorilor. Alături de aceste prevederi conceptuale stau o serie de directive şi reglementări juridice, privind Fondul Social European, competența căruia se răsfrînge asupra condițiilor de muncă, ocuparea forței de muncă şi şomajul, securitatea socială, etc.

„Ameliorarea oportunităților de muncă ale *muncitorilor* şi ridicarea nivelului lor de viață” este stipulată în Capitolul II în conformitate cu dispozițiile prin

care Fondul Social European va sprijini adaptarea muncitorilor la modificările industriale şi la evoluția sistemelor de producție în contextul mobilității muncitorilor, ocupațional şi geografic, şi al schimbărilor industriale şi al sistemelor de producție, mai ales prin formare şi reconversie profesională.

Anul 2000 constituie un moment major în evoluția politicii sociale grație elaborării *Strategiei de la Lisabona* (*Lisbon Strategy*), prin care este stabilit obiectivul pe următorii zece ani al Uniunii Europene, reprezentat de transformarea economiei comunitare în cea mai competitivă economie bazată pe cunoaştere. Tot în acest an a fost adoptată şi *Agenda Politicii Sociale,* ce preia acele obiective specifice şi elemente ale strategiei ce țin de politica socială şi le converteşte într-un program de acțiune pe 5 ani, care constituie cadrul politicii sociale actuale. În 2003 a avut loc evaluarea intermediară a *Agendei Sociale,* ce are ca rezultat ajustarea priorităților *Agendei* în funcție de progresul înregistrat până în acest moment şi de schimbările politice, economice şi sociale întregistrate la nivel comunitar.

Prima agendă socială a UE, adoptată în 2000 de către Comisia Europeană, a inclus primii cinci ani ai Strategiei de la Lisabona (2000-2005). Versiunea actuală, lansată de către Comisia Europeană în februarie 2005, cuprinde perioada 2005-2010. Agenda socială are ca scop modernizarea piețelor de muncă şi sistemelor de protecție socială, combaterea sărăciei şi promovarea egalității de şanse, în vederea stimulării prosperității şi solidarității sociale în Uniunea Europeană.

Agenda socială are două priorități esențiale. Prima este ocuparea forței de muncă, inclusiv aspecte precum mobilitatea profesională, pensiile portabile, locuri de muncă mai multe şi mai bune, adaptarea la noi forme de activitate şi gestionarea procesului de restructurare a companiilor prin intermediul dialogului social. Combaterea sărăciei şi promovarea egalității de şanse este cea de-a doua temă fundamentală, ce abordează probleme precum gestionarea schimbărilor demografice, reactualizarea sistemului de pensii şi a celui medical, abordarea discriminării şi inegalității şi crearea de şanse egale pentru bărbați şi femei deopotrivă.

Agenda Socială 2005-2010 a Uniunii Europene urmăreşte să actualizeze modelul social european, stimulând în acelaşi timp crearea de locuri de muncă mai multe şi mai bune şi gradul de bunăstare socială. Agenda este dimensiunea politicii sociale a strategiei Uniunii Eropene – Strategia de la Lisabona – privind creşterea economică şi crearea de noi locuri de muncă, care conține măsuri şi direcții concrete pentru acțiunile viitoare. Agenda urmăreşte să asigure interdependența aplicabilității politicilor economice, sociale şi a celor privind ocuparea forței de muncă.

Concurența economică, înăuntrul şi în afara Europei, are şi va avea un rol esențial în construirea Uniunii Europene. O Europă unită şi lărgită va face mult

mai uşor faţă acestei concurenţe. Însă împotriva acestui deziderat vin interesele în plan economic şi geopolitic, de multe ori diferite, ale statelor naţionale. Aceste subiecte continuă să-şi păstrează autoritatea, cu atât mai mult cu cât lumea globală tinde să realizeze şi mai departe identitatea. Construcţia unei identităţi şi a unei solidarităţi europene nu se poate realiza fără dezvoltarea unor politici sociale, care să sprijine regiunile mai sărace şi care să-i ajute pe cetăţenii Europei să participe la viaţa social-politică a acestui organism.

La mijlocul anilor '80 criticele adresate Comunităţii se fac tot mai auzite. Din cronologia evenimentelor se poate evidenţia următoarele. În ianuarie 1985 majoritatea absolută a comisarilor în frunte cu preşedintele Comisiei sunt demişi. Noul preşedinte J.Delors începe activ pregătirile pentru reuniunea de la Milano. Delors vede unica posibilitate de realizare a Comunităţii în afirmarea Pieţei comune. Nu se prevedea nici o schimbare de ordin instituţional, politic sau în materie de apărare, în schimb a fost găsit un consens în "crearea unui spaţiu fără frontiere". Reuniunea Consiliului European de la Milano primeşte totuşi Cartea Albă a Pieţei Interne şi decide începutul negocierilor pentru un nou Tratat. Indiferent de criticele dure, de poziţiile speciale ale unor conducători de state, efectul convergenţei este confirmat în 1986 prin acordurile de la Plaza, New-York, când Bundesbank decide să acorde prioritate intereselor europene. Din acest moment, important din punct de vedere financiar, Europa politică şi cea monetară devine mai conturată.

Preocuparea asiduă pentru piaţa muncii este justificată, în contextul şomajului ridicat, concurenţei economice la nivel global şi tensiunilor sociale care pot pune în dificultate organismul Uniunii Europene aflat la o vârstă fragedă [2]. În acest context cel mai important argument este reprezentat de conceptul de dumping social. Acesta reprezintă avantajele avute pe piaţa europeană datorită costurilor scăzute ale forţei de muncă şi a legilor îngăduitoare cu privire la protecţia şi sănătatea la locul de muncă.

În privinţa dumping-ului, există argumente că dimensiunea costurilor muncii nu este atât de importantă pe cât se pare. Dezvoltarea capitalului uman, a cererii în raport cu oferta şi menţinerea păcii sociale pot fi argumente ale angajatorilor pentru sprijinirea politicilor sociale. Este ceea ce a fost numit *alianţa transclasă între capital şi forţa de muncă, pe o anumită zonă geografică* [2]. Acesta creează o ruptură economică şi socială între zonele Europei, fapt ce reprezintă un argument în plus pentru acordarea de sprijin zonelor aflate în dificultate. Ajutorul acordat de ţările (regiunile) mai bogate, ţărilor (regiunilor) mai sărace va fi pentru politica la nivel UE, ceea ce reprezintă pentru statul bunăstării naţional transferul social de la cei bogaţi la cei săraci.

Observăm ca până acum se vorbeşte doar despre drepturile muncitorilor. Prima schimbare s-a produs în Tratatul de la Maastricht care în art.8 instituie o cetăţenie a Uniunii, fiecare cetăţean se bucură de drepturile şi se supune datorii-

lor prevăzute de tratat. Un alt pas este făcut prin Tratatul de la Amsterdam, unde se recunosc pentru prima dată drepturile fundamentale ale cetățenilor. Cetățenia implică drepturi care nu mai sunt condiționate de calitatea de angajat. Acest fapt poate duce la posibilitatea schimbării rezidenței cetățenilor, dintr-o țară cu un sistem de protecție socială rezidual, într-un stat cu un sistem de protecție universalist, dar pentru obținerea dreptului la rezidență trebuie să faci dovada că deții mijloace de întreținere, fapt ce limitează în practică dreptul la liberă circulație a cetățenilor.

Cu toate acestea, trebuie făcută precizarea că toate sistemele naționale aderă la aceleaşi principii comune: creştere economică, protecție socială, sustenabilitate ecologică, variind accentul pus pe fiecare dintre acestea. Toate statele Uniunii Europene au însă la bază, în domeniul social, trei caracteristici comune:

- *cetățenia socială*, care completează cetățenia civilă şi politică şi are ca principiu de bază echitatea, privită nu ca egalitate a veniturilor, ci ca egalitate în fața legii şi din punctul de vedere al drepturilor politice, economice şi sociale;
- *protecția împotriva distorsiunilor pieței,* ceea ce presupune plasarea indivizilor pe o poziție mai importantă decât piața, astfel încât piața să nu fie cea care decide care indivizi au dreptul să supraviețuiască şi care nu. Această protecție nu exclude funcționarea pieței, ci doar protejează individul de posibilele consecințe negative ale acesteia;
- *renunțarea la caracterul de marfă al unor bunuri*, necesare pentru o viață socială decentă, ca de exemplu educația şi asistența medicală [3, 410].

O ilustrare a faptului că Uniunea Europeană îşi caută propriul drum în încercarea de a creşte competitivitatea concomitent cu menținerea unui anumit nivel al protecției sociale este şi conceptul de *flexicuritate* care combină flexibilitatea în ceea ce priveşte piața muncii, cu o protecție socială relativ ridicată a şomerilor şi politici active de ocupare, *este o politică care promovează o combinație de piețe, organizații şi relații de muncă flexibile, un grad ridicat de ocupare a forței de muncă şi siguranța veniturilor* [1]. Conceptul se bazează pe ideea că flexibilitatea şi securitatea nu sunt contradictorii, ci complementare şi chiar se pot susține reciproc. Aceasta presupune o protecție mai scăzută a forței de muncă împotriva riscului de pierdere a locurilor de muncă (fiind vizate reglementările cu privire la disponibilizarea personalului), combinată cu ajutoare de şomaj ridicate şi o piață a muncii care să funcționeze pe baza dreptului şi obligației şomerilor la pregătire profesională. Flexicuritatea presupune renunțarea la mentalitatea concentrată asupra „siguranței locului de muncă” în favoarea celei care pune pe primul plan „siguranța ocupării/posibilității de ocupare a locurilor de muncă”. Astfel, Uniunea Europeană promovează condițiile necesare adaptării la schimbare, facilitând intrarea sau rămânerea pe piața muncii şi înregistrarea de progrese în viața profesională. Astfel conceptul de *securitate a locurilor de muncă* este înlocuit cu unul mai larg, de *securitate a ocupării*. Prin acestea se iden-

tifică față de alte modele pe larg dezvoltate modelul social european. Permanenta preocupare a comunității europene pentru aspectele de politică socială – începută cu *Tratatul de Roma* (1957) - a dus, în timp, la crearea unui „model social european".

Există rațiuni politice, economice şi sociale concrete pentru reevaluarea politicilor sociale în Uniunea Europeană. Aceasta fiind dictată de starea de fapt din toate țările din Uniune bazate pe principiul statului de drept. Ele au în comun - într-o măsură diferită, cu puncte focale diferite şi folosind metode diferite – sentimentul de responsabilitate socială şi națională pentru nevoile sociale ale cetățenilor lor. Toate se folosesc de mijloace naționale pentru a garanta şi dezvolta drepturile sociale ale cetățenilor lor. Această convingere generală este continuată la nivelul Uniunii Europene. Uniunea Europeană - la fel ca şi statele sale membre luate fiecare în parte - se simte legată de ideea unui *model social european* [6].

De la înființarea pieței unice şi de cînd Uniunea Europeană s-a dedicat creării unei uniuni economice şi monetare, importanța relativă a chestiunilor sociale din cadrul politicilor Uniunii Europene a crescut considerabil. Responsabilitățile socio-politice ale Uniunii Europene au fost considerabil extinse în Actul European Unic şi în Protocolul privind Politica Socială care, ca o anexă la Tratatul de la Maastricht, a fost valabil pentru toate statele membre, cu excepția Marii Britanii. Odată cu Tratatul, revizuit la Conferința interguvernamentală din 1997, a fost adoptat Protocolul privind politica socială.

Analiza acestor documente precum şi tezelor prezentate, elucidează că principala țintă a politicilor sociale europene este reprezentată de drepturile muncitorilor şi ale familiilor acestora, cu toate consecințele ce decurg din punerea în practică a liberei circulații a forței de muncă şi a egalității în drepturi a tuturor muncitorilor cetățeni ai Uniunii Europene. Astfel, generalizînd scopurile şi obiectivele politicii sociale europene, susținem profund ideia centrală pe care acestea se localizează promordial în jurul sferei muncii, ca scop distinct în dezvoltarea economică şi mijloc pentru politica socială comunitară. Numai că aceste ultime două principii, împreună cu alte decizii ale Uniunii Europene, au avut şi vor avea inevitabil efecte asupra politicilor sociale. Politica sociala se numără printre competențele partajate între statele membre şi Uniune, în unele dintre componentele acesteia, Uniunea fiind chemată să asigure numai o coordonare a politicilor naționale, în timp ce în altele poate iniția masuri ale căror modalități de aplicare concrete sunt lăsate în seama statelor membre. Toate acestea se realizează pe un fundal sistemic multistructural care se înfruntă cu anumite impedimente de genul: luării deciziei comune şi imobilitatea politică, rolul birocratic al instituțiilor comunității precum şi problemele contrazicerii procesului creării pieții unice [12, 141].

În această ordine de idei putem scoate la evidența unele generalizări și concluzii privind conceptualizarea sferei muncii în Europa socială. Modelul social european însumează viziuni cu privire la: îmbunătățirea condițiilor de lucru; eliminarea barierelor din calea mobilității forței de muncă; combate excluziunea socială şi sărăcia; promovează diversitatea; promovează egalitatea între femei şi bărbaţi; militează pentru un echilibru mai bun între viaţa profesională şi cea privată; oferă şanse egale pentru toate vârstele; promovează educația, formarea profesională şi adaptabilitatea; militează pentru locuri de muncă mai multe şi mai bune.

Conceptul *„Europa socială” sau „modelul social european”* este folosit, pentru a desemna o alternativă modelului american de capitalism pur, fiind bazat pe progresul economic şi social care trebuie să meargă mînă în mînă, prin combinarea creşterii economice cu coeziunea socială. Modelul european se caracterizează prin protecție socială extinsă şi rezolvarea conflictelor sociale prin metode consensuale şi democratice fundamentate pe astfel de valori comune precum este angajamentul pentru democrație, libertate personală, dialog social, oportunități şi şanse egale pentru toți, securitate socială şi solidaritate față de persoanele defavorizate. Analiza viziunilor, documentelor precum şi tezelor prezentate, elucidează că principala țintă a politicilor sociale europene este reprezentată de drepturile muncitorilor şi ale familiilor acestora, cu toate consecințele ce decurg din punerea în practică a liberei circulații a forței de muncă şi a egalității în drepturi a tuturor muncitorilor cetățeni ai Uniunii Europene.

Preocuparea pentru conceptualizarea politicilor comunitare a Europei sociale, are loc în contextul construcției pieței unice europene în urma unui proces de consultare ai reprezentanților angajatorilor, lucrătorilor, liber profesioniştilor, femeilor, etc. Realizarea Europei unite are loc prin evidențierea drepturile muncitorilor în centrul dimensiunii sociale ce cuprinde dispoziții cu privire la dezvoltarea locurilor de muncă şi ridicarea nivelului de viață, promovarea ameliorării condițiilor de viață şi de muncă în contextul progresului economic, garantarea locului de muncă, lupta împotriva şomajului şi libera circulație a forței de muncă.

Cadrul normativ a Comunității europene evidențiază caracterul conceptual al sferei muncii printr-un nivel ridicat de ocupare a forței de muncă şi de protecție socială, creşterea nivelului şi calității vieții, coeziunea economică şi socială şi solidaritatea între statele membre, specificată în toate directivele de profil ce vizează politicile sociale. Carta socială europeană şi Carta comunitară a drepturilor fundamentale ale muncitorilor au pus temelia Dispozițiilor sociale ce-şi propun armonizarea muncii la un nivel ridicat, dialog între conducere şi forța de muncă, dezvoltarea resurselor umane în ideea unei rate înalte a persoanelor angajate şi combaterii excluziunii acestea au loc nu doar datorită pieței unice, care va favoriza armonizarea sistemelor sociale, ci şi din punerea în practică a preve-

derilor sociale ale Tratatelor sau a altor legi, reglementări sau acțiuni administrative.

Cît priveşte statele membre, acestea se angajează să promoveze mai ales ameliorarea mediului de muncă pentru a proteja securitatea şi sănătatea muncitorilor şi îşi fixează ca obiectiv armonizarea, prin progres, a condițiilor care există în acest domeniu unde, fiecare stat membru şi menține aplicarea principiului egalității remunerațiilor, pentru acelaşi loc de muncă, între bărbați şi femei.

Bibliografie:

1. Ce poate face politica socială europeană pentru dumneavoastră. http://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=506&langId=ro
2. Extinderea Uniunii Europene - Ghidul negocierilor de aderare. Ediția 2003, Direcția Generală "Extindere" a Comisiei Europene. http://europa.eu.int/comm/enlargement/index_en.html
3. Guțu I. Republica Moldova: economia în tranzție. – Chişinău: Litera, 1998.
4. Leibfried S., Pierson P. (coord.) Politiques sociales européennes. Entre intégration et fragmentation. – Paris: L'Harmattan, 1998.
5. Lupu A. Politici sociale în Uniunea Europeană. // Republica Moldova şi integrarea europeană. Elemente de strategie. Red. A.Barbăroşie, V.Gheorghiu. – Chişinău: IPP, 2003. http://ipp.md/publications/St~ALUPU~fin.doc
6. Politica socială europeană – O cerință cu privire la integrarea europeană şi la competitivitate. http://www.labsmn.pub.ro/projects/media/cd/4/2.htm
7. Politica socială. Formarea funcționarilor publici din administrația locală în afaceri europene şi managementul ciclului de proiect, implementat de Institutul European din România în colaborare cu Human Dynamics în anul 2003. http://www.ier.ro/Proiecte/Brosuri/Politica%20sociala.pdf.
8. Profiroiu M., Popescu I. Politici europene. – Bucureşti: Editura Economică, 2003.
9. Sava D-V. Integrarea Europeană. Dimensiuni şi perspective. – Bucurteşti: Oscar Print, 1996.
10. Varjan D. Economie şi politici sociale. http://www.biblioteca-digitala.ase.ro/biblioteca/carte2.asp?id=374&idb=
11. Мы в Европе! – Рига: Ulma. 2006.
12. Теоса В. Республика Молдова: практические социальные политики в контексте глобализации труда. – Chisinău: CEP USM, 2006.

Prezentat la redactie
la 27 februarie 2009

Recenzent – **Pantelimon VARZARI**, doctor în ştiințe filosofice, conferențiar

MOLDOSCOPIE

(PROBLEME DE ANALIZĂ POLITICĂ)

Nr.3 (XLVI), 2009

REVISTĂ ŞTIINŢIFICĂ TRIMESTRIALĂ

Bun de tipar 25.11.2009. Formatul 70x100 $^{1}/_{16}$.
Coli de tipar 16,5. Coli editoriale 13,6.
Comanda 111. Tirajul 50 ex.

Centrul Editorial-Poligrafic al USM
str. Al.Mateevici, 60, Chişinău, MD 2009